

СЕРЕБРЯНАЯ ЧАША

выпуск третий

Прологъ
Москва
2009

УДК [140.8+17](470+571)
ББК 87.3(2)+87.7(2)

Над выпуском работали:
Е.В. Фалёв, А.М. Шустова

Художник Е.В. Кузнецова
Компьютерный набор текста Л.Д. Ненашева

**С32 Серебряная Чаша. Выпуск 3. – М.: Прологъ,
2009. – 320 с.
ISBN 978-5-9900704-8-6**

Альманах «Серебряная Чаша» нацелен на научно-философское осмысление Учения Живой Этики (Агни Йоги). Третий выпуск начинается со статьи, рассматривающей проблему соотношения Теософии, изложенной в трудах Е.П. Блаватской, и Учения Живой Этики. Необходимый для решения этой проблемы экскурс в далёкие времена начала христианской эры приводит к истории развития неоплатонической философской мысли, заложившей основы для христианства. Трудный этап становления новой религии и философии отражён в статье, посвящённой выдающейся женщине-мыслителю, математику, философу Гипатии Александрийской (370–415), а также в статье, рассказывающей о проблемах становления христианства. Вниманию читателя предлагается также работа русского философа Н.А. Бердяева (1874–1948), показывающая различие между главными направлениями христианства: православием, с одной стороны, и католичеством, с другой.

Статья о вмещении противоположений призвана дать важные ориентиры для познания действительности и понимания проблем эволюции человеческого сознания. Вопрос развития сознания человека не только в бодрствующем состоянии, но и во сне рассмотрен в следующей статье.

В продолжение знакомства читателей с духовными поисками творцов начала XX века, близкими по звучанию мысли Новой Эпохи, представлен материал о Храме Святого Духа в Талашкине, строительство которого вдохновлялось мыслью княгини М.К. Тенишевой (1858–1928), а также статья о творчестве русского и литовского поэта Ю.К. Балтрушайтиса (1873–1943), чья работа «Внутренние приметы творчества Рериха» закрывает этот выпуск.

Благодарим всех тех, кто оказал поддержку
и помощь в издании этого выпуска

ISBN 978-5-9900704-8-6

© Е.В. Фалёв, А.М. Шустова

К читателям

Дорогие друзья!

Мир живёт в ожидании перемен. Бушующий в настоящее время экономический кризис заставляет всё большее количество людей убеждаться в несовершенстве современного мироустройства. Экономический кризис, несомненно, — лишь часть кризиса всеобщего, главной причиной которого являются противоречия между новым и старым миропорядком. Сейчас нельзя назвать ни одной отрасли жизни, где бы не происходило столкновения старого и нового мира. Стоит только повнимательней посмотреть вокруг, и мы увидим кризис не только в экономике и политике, но и в искусстве, науке, религии. Налицо внутреннее обнищание, закостенение в старых рамках. Невежество и узость мысли являют преграду для необходимого сдвига сознания.

Старый мир ещё силён, но уже проснулось стремление к переустройству жизни на новых началах. Мир нуждается в преобразении всестороннем, а не только в области экономико-политической. Всеобщее преобразование станет возможным, когда Мысль Новой Эпохи будет внедрена во все сферы жизни. Мысль Новой Эпохи насыщена Светом, окрылена духом, устремлена на Общее Благо. Именно мысль питает жизнь. Именно удушение мысли и духа есть та основная причина, которая привела

к современному кризису и которая готовит падение старого мира. «Мысль есть венец создания, и убийство её есть тягчайшее преступление»¹.

Мысль человеческая развивается циклично, в соответствии с великим законом циклов. Именно в кризисные эпохи, когда происходит столкновение старого и нового миров, в пространстве мысли возможно совмещение начальных периодов двух и более исторических эпох. Так, период кризиса античного мира на заре христианской эры становится в соответствие с трудным временем современной западной цивилизации, которая также переживает духовный кризис в преддверии наступления нового цикла.

Конечно же, по уровню цивилизации за более чем двухтысячелетний период наш мир ушёл далеко вперёд по сравнению с началом христианской эры. Но современное состояние духа человеческого безрадостно, как и в том далёком прошлом, о чём свидетельствует кризис в области культуры. Более того, разве современные искусство, наука, религия отвечают в полноте велениям Новой эпохи? Эти сферы человеческой деятельности нуждаются в основательном обновлении. И, наконец, так же драматично, как и в первые века становления христианства, в настоящее время происходит утверждение нового Учения.

Для человечества важен и столетний цикл². Стоит вспомнить историю начала XX века с её социально-политическими вихрями, с одной стороны, и с попыткой восприятия Новой Мысли, отразившейся в сфере искусства, философии и науки, с другой. Тогда, в начале века, перед серьёзными испытаниями произносились как благие, так и ужасные пророчества. Не аналогична ли ситуация и сейчас? Социально-политические проблемы приводят к войнам и революциям, уже отметившим своей жестокой рукой начало XXI века. Так же мы имеем и свои прорывы в сфере

---

¹ Рерих Е.И. Письма. М.: МЦР, 2003. Т. V. с. 140; 4.06.1937.

² Столетний цикл связан с проявлением Космического Огненного Ритма, согласно которому «Прилив Огня пространства происходит однажды в столетие» [Рерих Е.И. Избранные письма // В кн. Рерих Е.И. У порога Нового Мира. М.: МЦР, 2000. С. 399; 23.08.1951].

интеллектуальной деятельности. Так же звучат предостережения и пророчества. Только сейчас всё происходит более быстро и более глубоко затрагивает сознание. Пора осознать эту закономерность цикличности времён. И чтобы мировая ситуация улучшилась, человечество нуждается в обострении чувства ответственности за события прошлого, настоящего и даже будущего, которое закладывается уже сейчас.

Кризис современного мира — это прежде всего кризис западной цивилизации, культура которой строилась на христианских ценностях. Поэтому, чтобы понять причины настоящего осложнения мировой ситуации, плодотворно будет обратиться к истокам, к тем временам, когда начиналось становление современного мира. Не были ли уже тогда заложены причины настоящего кризиса? К сожалению, Учение Христа подверглось сильному искажению, истинная христианская мысль была погребена под грудой вековых напластований. Народам даются обряды и догмы, но не подлинные знания. Пора освободить основы великих религий от нагромождений. «Учение Христа должно быть рассмотрено и очищено в свете мысли первых подвижников Христовых»³. Именно убрав все позднейшие наслоения, открыв под ними чистые основы Заветов Великих Учителей, человечество сможет сделать так необходимый сейчас рывок в развитии своего сознания. Путь указан, он провозглашён Учением Света, новым провозвестием которого является Учение Живой Этики.

Живая Этика — сокровищница очень важных, насущных знаний. Она даёт ключи к решению многих современных проблем. Одним из таких ключей является учение о противоположениях, их роли в развитии сознания, в познании мира. Трудно это учение, но оно является необходимой ступенью на пути познания действительности.

Нужно, нужно будить сознание, на всех уровнях, во всех областях человеческого мышления. Труд очищения Великих Учений, Учения Христа — необходимая подготовительная

---

³ Рерих Е.И. Письма. М.: МЦР, 2001. Т. III. С. 163; 30.03.1935.

стадия к принятию основ нового миропонимания, ведущего к преобразению всей планеты.

Будущее прекрасно, но нужно уметь принять его. Не войти в Новый Мир со старой рухлядью. Необходимо расстаться с отжившими и ограниченными представлениями о мире. Это приведёт в небывалому подъёму во всех сферах жизни людей. Очищенное мышление даст доступ к высшим энергиям, необходимым для эволюции.

Третий выпуск нашего альманаха продолжает нацеливать читателей на серьёзную работу по осмыслению положений Учения Живой Этики. Необходимо напрячь свою мысль, поднять её из области бытовой, материальной, сделать своё мышление более интенсивным и одухотворённым. Конечно же, возникнут трудности, будут вставать громады всё новых и новых препятствий. Но разве смелое дерзание убоится преград, тем более таких, преодоление которых открывает новые горизонты, дарит радость расширения сознания?

Большая жизнь человечества складывается из маленьких жизней каждого из нас. Очень важно поделиться радостью новых знаний с готовыми разделить эту радость. Добытый в чьих-то страданиях духовный огонь нужен всем людям. Пусть в мире будет больше света и духовного огня. Мы все идём в одной связке, и наша коллективная мысль развивает планету. Особая ответственность лежит на тех, кто уже воспринял Мысль Новой Эпохи и обрёл смысл жизни в строительном творчестве.

Наш альманах обращается к смелым исследователям, смелым прежде всего своей мыслью, и мы надеемся, что все его материалы станут действенной помощью на пути преобразования жизни в свете заветов Великих Учителей, Великого Христа.

Теософия и Живая Этика — единая система знаний

Т.В. Аверьянова

Теософия и Учение Живой Этики (Агни Йога) являются единой системой знаний, имеют единое основание и единый Высший Источник, относящийся к самым древним временам.

Проблема соотношения Учения, изложенного в «Тайной Доктрине» Е.П. Блаватской, и Учения Живой Этики остаётся трудной и непонятной для многих последователей этих Учений. Часто теософы не признают Учения Живой Этики, а последователи Живой Этики не считают для себя важным изучение Теософии. Рассматривая эти знания как разные, отделённые друг от друга, они не только умаляют значение Единого Учения Мудрости, но и ограничивают собственный путь познания Истины. Потому данный вопрос нуждается в специальном исследовании.

Слово «теософия» состоит из двух греческих слов: «теос» — Бог, божественное Начало, и «софия» — мудрость, и означает «божественная мудрость». Таким образом, уже в самом происхождении слова «теософия» заложен глубокий смысл. В «Теософском словаре», составленном

Е.П. Блаватской, говорится, что Теософия есть «сущность и основа всех мировых религий и философий, преподаваемая и практикуемая немногими избранными с тех пор, как человек стал мыслящим существом. В практическом применении Теософия есть чисто *божественная этика*» [4, с. 504].

По словам Е.П. Блаватской, понятие Теософии «синонимично *Джнана*¹-видье и *Брахма*²-видье индусов или... учению *Дзиан*³ трансгималайских адептов — науке *истинных* Раджа-йогов. <...> Эта наука имеет много школ на Востоке, но её ответвления ещё более многочисленны, все они уже окончательно отделились от первоначального ствола — *Архаической Мудрости* — и полностью видоизменили свою форму. Но как бы ни варьировались формы этой науки... её фундаментальные, изначальные истины всегда остаются неизменными. Символы, используемые для передачи идей, могут быть самыми разными, но сами идеи неизменно одни и те же» [6, с. 217]. Для нас также важно следующее замечание Е.П. Блаватской: «Точным переводом слова *Видья*⁴ может служить только греческий термин *Гнозис*, знание скрытых и духовных вещей. Её можно также назвать знанием Брахмы, то есть Бога, вмещающего в себе всех богов» [6, с. 217, прим.].

Собственно понятие Теософии становится известным в первые века нашей эры, когда его начали употреблять философ *Аммоний Саккас* и его последователи. Они разработали философскую систему, названную Эклектической Теософией, и создали в Александрии эклектическую теософскую школу. В настоящее время под эклектизмом понимают смешение разнородных частей, но в случае

---

¹ Джнана (санскр.) — буквально Знание; эзотерически — высшее или божественное знание, приобретённое посредством йоги.

² Брахма-Видья — эзотерическая наука об истинной природе Брахмы, Высшего Принципа Вселенной.

³ Дзиан, или Дзин (тиб.), отсюда также китайское Чань и японское Дзэн — форма санскритского слова Дхиана, что означает «сосредоточенное созерцание», «размышление», «медитация».

⁴ Видья (санскр.) — Знание, эзотерическая наука.

Эклектической Теософии мы должны понимать её как синтетическую дисциплину, исследующую явления в их единстве и внутренней взаимосвязи.

Александрия того времени славилась как центр учёности и философии. Город был знаменит своей библиотекой, насчитывающей 700 тысяч томов, имел музей, академию искусств и наук. В своё время здесь работали всемирно известные учёные, такие как Евклид (отец научной геометрии), Никомах (арифметик), а также астрономы, физики, анатомы, врачи, художники, музыканты. Эклектическая (или неоплатоническая) школа, основанная Аммонием Саккасом в 193 году н.э., сделала Александрию ещё более известной в мире.

Александрийская Теософия основывалась на трёх положениях:

- вере в одно абсолютное, непостижимое и Высшее Божество, или Бесконечную Сущность, которая является источником всего существующего в природе, видимого и невидимого;

- вере в вечную бессмертную природу человека, являющегося излучением Божества;

- убеждении, что человек должен выполнять божественную работу.

Последнее означает, что, очистив себя до состояния божественного существа, человек может получить знание божественных тайнств и помогать эволюции человечества.

Эти положения были сутью и более древних философских систем. Аммоний Саккас учил, что его школа ведёт своё начало от дней Гермеса, который принёс свою мудрость из Индии. О том, что истоки Сокровенного Знания находятся в Индии, Е.П. Блаватская писала неоднократно. Она подчёркивала, что ни в одной стране мира, кроме Индии, никто никогда «не достигал такого величия мысли и идеальных концепций о Божестве и его отпрыске, человеку, как санскритские метафизики и богословы» [3, с. 486]. Древняя Индия, являясь колыбелью

Пятой Коренной Расы, прародительницей всех современных наций и народов, была также и источником всех искусств и наук древности, в том числе и Древней Мудрости. Блаватская писала, что если «Египет дал Греции её цивилизацию, и последняя передала её Риму, то Египет сам... получил свои законы, свои общественные институты, свои искусства и науки из доведической Индии, и поэтому именно там, в древней колыбели всех священнослужителей — адептов всех других стран — мы должны искать ключ ко всем великим тайнам человечества» [3, с. 491]. Под Индией здесь подразумевается не современная её территория, а Индия Архаического периода, куда кроме современной Индии входили Персия и Центральная Азия.

Таким образом, Теософия и теософы существовали с незапамятных времён. Философы Александрии, возглавляемые Аммонием Саккасом, лишь возродили Теософию для греческого мира в начале нашей эры. Глубочайшая духовная интуиция и обширная учёность Аммония Саккаса, его знакомство с отцами христианской церкви и с наиболее выдающимися философами его времени позволили ему выполнить величайший труд по примирению различных религиозных систем между собой. Это примирение на основе Теософии и было главной целью создания эклектической школы, так как в первых веках нашей эры, когда жили александрийские теософы, существовало множество религиозных сект, враждовавших между собой. Аммоний Саккас и его школа пытались убедить язычников, христиан, иудеев и идолопоклонников отбросить свои споры и понять, что все они дети одной матери и владеют одной и той же истиной, только облечённой в разные одежды. Теософы эклектической школы, в сущности, продолжали дело Иисуса, который стремился, как писала Е.П. Блаватская, «восстановить в правах и вернуть к своей первобытной целостности Мудрость Древних, ослабить в известных пределах... власть предрассудков и частично исправить,

а частично искоренить различные ошибки, проникшие во все общераспространённые религиозные учения» [5, с. 14].

Александрийские философы были последователями греческого философа *Платона*, жившего в Афинах за 400 лет до н.э. Он был учеником Сократа и учителем Аристотеля, организовал в Афинах философскую школу, которая вошла в историю под именем платонической (или Старой Академии), в отличие от неоплатонической, возникшей в Александрии. В Александрийской школе изучались духовная философия, метафизика, мистицизм и теургия. Школа была последним отпрыском греческой философии, усилием величайших умов пресечь всё возрастающее невежественное суеверие и слепую веру тех времён. Последующие тайные школы гностиков, религиозных философов, изучавших священное знание, тождественное сокровенной науке индусов Гупта-видье⁵, возникли именно в Александрии.

Таким образом, неоплатоническая школа в Александрии дала мощный толчок развитию философской мысли на многие века вперёд. В этой школе работали величайшие учёные-философы, имена которых известны сейчас во всём мире. Об основателе эклектической школы, Аммония Саккасе, Е.П. Блаватская писала: «Аммоний, гений и святой, чья учёность и святая жизнь принесли ему титул Теодидакта (“Богом обученного”)» [2, с. 22].

После смерти Аммония Саккаса Александрийскую школу возглавил *Плотин* (204/205–269/270 н.э.), стремившийся примирить учение Платона и систему Аристотеля с восточной философией. Философа Плотина Е.П. Блаватская называла «благороднейшим, высочайшим и величайшим из всех неоплатоников после основателя школы Аммония Саккаса» [4, с. 408]. Он изучал философию в Персии и Индии, написал 54 философские книги, которые учили доктрине, тождественной доктрине индийских ведантистов.

---

⁵ Гупта-видья — эзотерическое Знание.

В Александрийской школе работал также писатель и философ *Порфирий* (ок. 233 – ок. 304). По словам Е.П. Блаватской, как учитель и философ он уступал лишь Плотину, имея высочайшие духовные достижения, и из всех неоплатоников «ближе всего подошёл к истинной Теософии» [4, с. 411]. Порфирий был учеником Плотина, достойным своего учителя. Его перу принадлежит биография Пифагора, получившего свои знания от индийских браминов, халдейских астрологов и египетских иерофантов и построившего философскую систему, основанную на индийских Ведах. В Индии Пифагор и поныне известен как Яваначарья (Ионийский Учитель).

Учеником Порфирия по Александрийской школе был философ *Ямвлих* (сер. III в. – ок. 330). Он также занимался биографией Пифагора и был большим знатоком его философской системы. Его отличали большой аскетизм, чистота жизни, праведность и большие йогические достижения, включая сиддхи, сверхнормальные способности, например способность к левитации. Он написал множество книг по философии, из которых, к сожалению, сохранились немногие. Е.П. Блаватская называла его труды «кладезем эзотерического знания» [4, с. 632]. Ямвлих был основателем неоплатонической теургии. «Теургия — это искусство применения божественной энергии человека для подчинения слепых сил природы» [7, с. 39]. Ямвлих на собственном опыте демонстрировал это искусство.

Украшением Александрийской школы являлась великая женщина-философ *Гипатия* (Ипатия) (370–415), учившая многих знаменитых мужей своего времени. Она была дочерью математика Теона (Феона) и прославилась своей феноменальной учёностью. Гипатию в Александрии очень почитали за её эрудицию, благородство, добродетели и доброжелательный характер. Она дружила с Орестом, правителем Александрии, что обеспечивало философам безопасность и защиту от недоброжелателей. Поэтому враги неоплатоников, стремившиеся уничтожить

школу, решили убить Гипатию. Заговор организовали Теофил, епископ Александрии, и его племянник, епископ Кирилл. Убийство было невероятно зверским. Гипатию буквально разорвала на куски беснующаяся толпа христиан, собранная Теофилом. Затем по приказу Кирилла плоть соскребли с костей и бросили в костёр. После гибели Гипатии школа неоплатоников была перенесена в Афины, где впоследствии была закрыта императором Юстинианом.

Е.П. Блаватская ставила александрийских философов в один ряд с Иисусом и Буддой. Она писала в одной из своих статей: «В давние времена “посредниками” человечества были такие люди, как Кришна, Гаутама Будда, Иисус, Павел, Апполоний Тианский, Плотин, Порфирий и им подобные. Все они были адептами, философами, людьми, которые, проведя всю свою жизнь в чистоте, познании и самопожертвовании, через испытания, лишения и самодисциплину достигли божественного озарения и сверхчеловеческих способностей» [8, с. 284].

Александрийские теософы возродили к жизни Древнюю Мудрость, которая была последним словом возможного человеческого знания и всегда тщательно оберегалась от широкого оповещения, чтобы не допустить его искажения и злоупотребления им.

Каждый древний культ состоял из *эзотерического* (или тайного) учения и *экзотерического* (для широкой публики) богослужения. Древние Мистерии всегда делились на «большие» (тайные) и «малые» (публичные). Никогда ни у одной древней науки через жрецов не сообщались настоящие философские тайны массам, но передавалась только внешняя форма. Иисус говорил с простыми людьми притчами, имеющими двойное значение, и объяснял свои изречения только ученикам. «Вам, — говорил Он, — дано знать тайны царствия Божия, а тем внешним всё бывает в притчах» [Мк. 4:11].

По поводу сокрытия от масс Сокровенных Знаний Е.П. Блаватская писала, что теософов часто упрекают в

том, что они держат высшую Теософию в секрете, но это учение и предназначено лишь для очень немногих. «Но были ли в древности такие учителя, которые не хранили бы свои учения в тайне, во избежание их профанации? <...> Наиболее древние религии всегда включали в себя великие и малые Мистерии. <...> Иисус тоже следовал установленной традиции. Одна из хорошо известных его заповедей напоминает о том, что некоторые учения необходимо держать в тайне от непосвящённых: “Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас” [Мтф. 7:6]» [6, с. 197–198].

Е.П. Блаватская также писала: «Была ли в древности такая страна, претендующая, по нынешним меркам, на звание цивилизованной, где не существовала бы двойная система Мудрости? <...> Мудрецы и брахманы Индии, маги Халдеи и Персии, иерофанты Египта и Аравии, пророки... Иудеи и Израиля, так же как философы Греции и Рима всегда делили эту специфическую науку на две составляющие: эзотерическую (или чистую) и экзотерическую (зашифрованную в символах)» [6, с. 197].

Эзотерический уровень каждой религии был связан с обрядностью, системой ритуалов, с этической стороной жизни человека. Эзотерическая же часть религий содержала всегда тайные знания о строении человека, Космоса, методах пробуждения беспредельных духовных сил в человеке. Если по внешним признакам религии значительно отличаются друг от друга, то в своём глубинном, эзотерическом слое они едины. Внешние проявления религий — это различные образы Бога, Истины, несущие отпечаток эпохи и народа, в котором религия появлялась.

Эзотерическая часть всех религий всегда являла собой саму Истину, неподвластную переменам места и времени. Теософия и есть глубинная неизменная единая Истина. На её знамени начертаны слова: *«Нет религии*

выше Истины», взятые Е.П. Блаватской эпиграфом к своему фундаментальному труду «Тайная Доктрина», в котором предприняла попытку доказать тождественность всех религий в их эзотерической части и указывала на единый источник этих эзотерических знаний.

Сподвижница Е.П. Блаватской Анни Безант, подробно анализируя в книге «Древняя Мудрость» различные религии, также отмечала, что целые тома могли бы быть наполнены сходными чертами, извлечёнными из Священных Писаний разных религий. Она писала: «Все эти сходные черты указывают на единый источник, и этот источник — Белая Ложа, Иерархия Адептов, которые следят за эволюцией человечества и направляют её» [14, с. 36]. Из этого же источника черпали своё вдохновение и александрийские философы. Вот почему так много общего в учениях эклектической школы, в доктринах индусских мистиков и раннем буддизме Гаутама Будды.

Религия Мудрости, то есть Теософия, не всегда была сокрыта под покровом символов, она превратилась в эзотерическую постепенно вследствие злоупотребления знаниями в Четвёртой Расе. Тогда единое знание и единый его язык стали тайными, и появились Мистерии. Они были введены для избранных в Пятой Расе. Истинная эзотерическая древняя философия (Теософия) стала изучаться в скрытых пещерах, где знания передавались устно от учителя ученику и не разглашались далее. Ученики давали клятву молчания.

Колыбелью посвящения была Индия. Отсюда оно пришло в Азию и Грецию. Оно очищало человеческие умы и тем улучшало обычаи, усовершенствовало гражданские и религиозные законы. Слово «посвящённый» аналогично «двиджа», индийскому наименованию «дваждырождённого». Посвящение рассматривалось как второе, духовное рождение, которое можно было заслужить только чистой всей предшествующей жизни. Тайные мистические школы посвящения в эзотерические знания существовали во многих странах Востока и Запада.

Е.П. Блаватская в «Тайной Доктрине» сообщала, что школы по Тайной Науке существовали и в её время в Индии, Малой Азии, а ещё раньше в странах Европы так же, как такие школы работали в далёкие дни Сократа и других мудрецов древности. Условия существования этих школ на Востоке и Западе были всегда разными. В Европе тайные общества находились в очень тяжёлом положении. Их жестоко преследовала церковь. Как иронически отмечала Е.П. Блаватская, они всегда «рисковали быть поджаренными заживо во имя вящей славы Господа и Его церкви» [9, с. 273]. Поэтому в Европе ключ к истинному значению тайных символов и аллегорий был постепенно утерян, и остался только на Востоке. Гималайские Махатмы многие столетия отбирали себе учеников именно на Востоке, в Индии и Тибете, где всегда было немало достойных кандидатов. На Западе же их всегда было немного. В их числе была и Е.П. Блаватская. Она удостоилась посвящения в Тайное Знание Великими Учителями Братства Света, в ашраме которых, в Гималаях, находилась в течение трёх лет.

В XIX веке Теософия была широко обнародована. Одной из причин этого было то, что в первой половине XIX века на Западе стало появляться большое количество литературы, пропагандирующей внешнюю форму Сокровенного Знания в довольно грубой, искажённой форме. Е.П. Блаватская писала, что наметилась тенденция толковать эзотерический символизм религий в фаллическом и половом почитании и возникло обширное поле разногласий и нескончаемой борьбы, в котором были погребены высочайшие и самые священные Истины. Но в это же время на Западе, включая Америку, появилось много серьёзных, образованных искателей Знания, имеющих право узнать некоторые истины. Видя это, Хранители Знания позволили обнародовать некоторые части Тайного Учения. Если бы это произошло позже, слишком многие стали бы

крайними материалистами или же вернулись под иго жречества.

Но главной причиной для этого обнародования стала необходимость расширения сознания человечества в преддверии наступления Новой Эпохи, в которой истинное научное знание становится основой жизни людей.

Теософия основана на следующих основных положениях.

Утверждается, что человек духовен по своей природе, по своей сути он есть дух, бог, потому он вечен и неразрушим. Но, воплощаясь в проявленном мире, он подвержен смерти и должен овладевать своим низшим «я», пока не приобретёт права на бессмертие.

Утверждается единство жизни Вселенной, так как Источник всего Сущего един, как бы его ни называли (Бог, Абсолют, Атма и т.д.). Бог есть Отец и Матерь всего Сущего, и потому все люди — братья и сёстры.

Утверждается, что в основе эволюции человечества лежат два главных Космических Закона — Перевоплощения и Кармы. Первый из них означает, что жизнь — это развитие, а развитие не может быть закончено за одно воплощение. Цель духа на протяжении всей цепи воплощений — развитие и расширение сознания, и каждая новая жизнь предоставляет духу именно такие условия, какие могут дать ему условия, необходимые для роста его сознания.

Закон Кармы, именуемый также законом причин и следствий, означает, что дух развивается во времени, пожиная то, что было ранее им посеяно. Старая античная пословица иллюстрирует этот принцип причинности: посеешь мысль — пожнёшь слово, посеешь слово — пожнёшь дело, посеешь дело — пожнёшь привычку, посеешь привычку — пожнёшь характер, посеешь характер — пожнёшь судьбу.

Таким образом, кратко принципы Теософии можно сформулировать так: всемирное единство и причинная взаимосвязь, человеческая солидарность, Закон Кармы,

Перевоплощение. Эти четыре звена золотой цепи, как писала Е.П. Блаватская, должны связать человечество в одно Мировое Братство.

Теософия, как отмечалось выше, возникла в глубокой древности, когда был один язык и одно знание и когда все основные истины о природе были всеобщими, а все существующие идеи о Духе, Материи, Вселенной, о Боге и человеке были тождественны.

Эти знания впоследствии вошли кроме древнейших индийских Вед и Упанишад в философские системы герметизма и орфизма, в пифагорейско-платоновскую философию, в труды ранних гностиков, позднее — в труды таких учёных, как Парацельс, Якоб Бёме, а также в учения многих известных философов. Поэтому Е.П. Блаватская и писала, что Теософия не откровение, её нужно рассматривать «только в смысле “снятия покрова” со старых, очень старых истин для умов, ранее не знакомых с ними, не знающих даже о существовании и сохранении этих древних знаний» [5, с. 48]. Теософия как Абсолютная Истина на Земле «подобна белому лучу, а каждая религия — это только один из семи цветов радуги, получаемых с помощью призмы» [5, с. 73]. Она, как Солнце Истины, по словам Е.П. Блаватской, будет светить всё ярче, а каждый цветной луч радуги будет блекнуть и растворится полностью в синтетическом белом свете. Тогда закончится религиозная разобщённость, и человечество «окажется купающимся в чистом бесцветном солнечном Свете Вечной Истины. Это и будет Теософия» [5, с. 73]. Таким образом, со временем произойдёт ассимиляция (поглощение) религий Теософией.

Первоисточники Теософии всегда хранились в Братстве Великих Учителей человечества, где в подземных библиотеках находятся все сокровенные древние манускрипты, какие существовали на разных языках с начала возникновения письменности. Е.П. Блаватская, сотрудничавшая во многих своих жизнях с Братством Света, попыталась изложить эти Истины в доступной передовым умам форме,

написав с помощью Учителей великую книгу «Тайная Доктрина», которая была опубликована на английском языке в Лондоне в 1888 году.

В её основу легли записи древней «Книги Дзиан», которая по преданию была записана со слов Божественных Существ, продиктовавших её Сынам Света в Центральной Азии в самом начале нашей Пятой Коренной Расы. В свою очередь, «Книга Дзиан» является первым томом комментариев на семь сокровенных фолиантов, называемых Киу-те. Как указывается, существует ещё тридцать пять томов Киу-те для экзотерических целей и использования мирянами. Они имеются в библиотеке любого монастыря тибетских лам гелугпа. Е.П. Блаватская писала, что ею предпринята попытка собрать вместе древнейшие основы и сделать из них одно гармоничное и неразрывное целое, и подчёркивала, что книги «Тайной Доктрины» не есть Тайное Знание во всей его цельности, но лишь избранное число фрагментов её основных положений. Но в то же время данные в этих книгах знания достаточно полно охватывают эзотерические доктрины всего мира с самого начала происхождения человечества.

Е.П. Блаватская получила от Учителей 19 Станц (разделов) «Книги Дзиан» и комментарии к ним, которые и легли в основу «Тайной Доктрины». Первый том «Тайной Доктрины» называется «Космогенезис». Слово «Космос» означает «мир», «генезис» — «происхождение чего-либо». Семь Станц и Комментарии к ним, лежащие в основе «Космогенезиса» (это первая часть «Книги Дзиан»), дают «единственно верную летопись творения и эволюции Солнечной Системы, а также человеческих и животных рас» [11, с. 15], начиная с периода последнего пробуждения (проявления) нашей Вселенной, то есть Солнечной Системы. Книга проводит изучающего через все первичные стадии жизни: от бесформенного существования к жизни в форме, от бесполой — к андрогинной и двуполой Расам, от Первой Коренной Расы до Второй и Третьей и, наконец, к началу Расы Четвёртой.

Второй том «Тайной Доктрины» назван «*Антропогенезис*» («антропос» — человек). Он основан на второй части «Книги Дзиан» и включает 12 Станц, подразделённых на сорок девять шлок (малых разделов) с Комментариями, и продолжает изложение эволюции жизни на Земле от Начала Четвёртой Коренной Расы. Описываются семь её циклов, вплоть до начала нашей Пятой Коренной Расы. Уделено большое внимание периоду, когда человеческая раса впала в величайший грех, используя чёрную магию. Этот период закончился гибелью атлантов, бывших первоначально самым просветлённым народом из когда-либо населявших Землю. Континент Атлантида был уничтожен потопом, погибли почти все атланты, за исключением остатков этой Расы, живших на вершинах гор. От них и произошла Пятая Коренная Раса, населяющая Землю и поныне.

Последующие 9 Станц «Книги Дзиан», её третья часть, были раскрыты человечеству в книге «*Теогенезис*» уже после смерти Е.П. Блаватской, когда некоторая часть людей, как сказано в «*Теогенезисе*», пробудилась «к осознанию Бога внутри, своей врождённой Божественности» [11, с. 18].

Когда Теософское общество после смерти Е.П. Блаватской переживало кризис, в Америке в Халсионе (штат Калифорния) в 1898 году начала работу новая духовная организация «*Храм Человечества*», основанная Великим Учителем Илларионом. Он и передал дополнительные Станцы через свою ученицу Франчия Ла Дью (1849–1922). Начиная с 1900 года «Храм Человечества» выпускал журнал «Мастеровой Храма» («*The Temple Artisan*»), где впервые небольшими фрагментами публиковались части «*Теогенезиса*». Полный его текст был составлен Четвёртым Главным Хранителем Храма Человечества Гарольдом Форгостайном (1906–1990) много лет спустя после смерти Франчия Ла Дью и опубликован в 1981 году в США. Первый перевод, достаточно несовершенный, «*Теогенезиса*» на русский язык вышел в 1994 году

в издательстве «Рефл–Бук». В 2003 году издательство журнала «Дельфис» (Москва) выпустило новый перевод, который был сделан в соответствии с терминологией и смыслом «Тайной Доктрины» Е.П. Блаватской.

«Теогенезис» описывает Пятый Круг (Цикл) «нынешних рас Земли и вплоть до конца шестого и седьмого кругов великой Пятой Коренной Расы» [11, с. 16]. Во введении к «Теогенезису» говорится, что другие Станцы и пропущенные шлоки в выданных Станцах вряд ли будут раскрыты людям в ближайшие века, так как для их понимания «понадобятся иные чувства, чем те, какими в наше время обладает большинство человечества. Шестое и седьмое чувство будут в полноте развиты в человечестве Шестого и Седьмого Кругов» [11, с. 17].

Таким образом, все существующие значимые философские и религиозные системы в корне своём основаны на Станцах «Книги Дзиан» и давались людям, когда Великие Учителя считали возможным вынести часть истин в мир, «ибо только у Них был доступ к тайным архивам Великой Белой Ложи. <...> Учителя обучали тех учеников, за которых Они могли поручиться, значению глифов и символов, составляющих язык этих Станц» [11, с. 17], и через них передавали новое знание людям.

Служители религий часто искажали правильное понимание Истин Первоначального Откровения, данных в форме символов, поскольку сами утрачивали ключи к их правильному пониманию. Поэтому Учителям приходилось вновь и вновь давать эти Истины, в результате чего возникали новые религии. Этим объясняется такое многообразие форм религий и трудности на пути создания единой всемирной религии.

«Тайная Доктрина» и «Теогенезис» приблизили человечество не только к объединению всех религий, но и к созданию *братства людей на Земле*. Идея братства во все времена большинством людей воспринималась как утопия, что связано с эгоизмом человеческой природы и с искажением понятий добра и зла в религиях.

Теософия указывает каждому, изучающему её, истинный путь в жизни. В отношении этого истинно универсального знания есть замечательные слова Е.П. Блаватской: «Теософия даёт чёткую и ясную цель, идеал, к которому может стремиться каждый искренний человек — мужчина или женщина. <...> Практическая Теософия — это не одна отдельная наука, она охватывает все существующие науки моральной и физической жизни. Вкратце её можно... назвать всемирным... преподавателем универсального знания, опыта и эрудиции, призванных не только помочь ученику благополучно сдать экзамены по всем видам научной и моральной деятельности в этой земной жизни, но и подготовить его к последующим жизням. Для этого ученику необходимо изучать Вселенную и её тайны, глядя сквозь себя самого, а не через очки ортодоксальной науки и религий» [10, с. 171].

Е.П. Блаватская, следуя указаниям Великих Учителей, стремилась к практической реализации идей Теософии. Она вела огромную работу по организации *Теософского общества*, которое было создано в Нью-Йорке в 1875 году. В 1890 году Общество имело более 250 отделений по всему миру.

Теософское общество было образовано, чтобы убедить людей, что такое явление, как Теософия, существует, чтобы помочь людям изучить и освоить новые для них идеи, а также показать, что братство людей возможно на Земле. Но для этого требуются определённые усилия и следование некоторым добровольно принятым ограничениям. Так, вступая в братский союз (Теософское общество), теософ по большому счёту должен был отказаться от какого-либо индивидуализма, став полным альтруистом. Он должен был жить, опираясь на эзотерические правила, жизнью воздержания во всём, самоотречения и строгих моральных норм, выполняя свой долг по отношению к человечеству. В Обществе теософ мог рассчитывать на поддержку и симпатию братьев. Этот союз воплощал в себе силу и

гармонию, многократно умножающие усилия каждого сотрудника.

Теософское общество, как писала Е.П. Блаватская, стало «хранилищем всех истин великих провидцев, посвящённых, пророков исторических и даже доисторических времён» [5, с. 72]. Оно стало каналом, через который Учителя доносили до людей Сокровенные Знания.

Теософское общество стремилось также достичь примирения религий. Е.П. Блаватская указывает, что *Теософское общество создавалось на тех же принципах, что и неоплатоническая школа Аммония Саккаса*, стремилось устранить разногласия сект и народов и «побудить народы отбросить свои раздоры — по религиозным вопросам... путём доказывания им, что их различные верования все являются более или менее законными детьми одного общего родителя — Религии Мудрости» [2, с. 388]. Именно Александрийская неоплатоническая школа стала прообразом Теософского общества в конце XIX века. Таким образом осуществлялась преемственность древних и новых теософских идей, связывающая события двух исторических периодов, отстоящих друг от друга почти на два тысячелетия.

Об огромном значении выполненной Е.П. Блаватской и её сотрудниками работы Е.И. Рерих писала так: «Учение, принесённое Е.П. Блаватской, сделало своё великое дело, именно, по всему миру пробудило и сдвинуло с мёртвой точки многочисленные единицы сознания. И Отделения Теософского общества очень помогли этому» [13, т. II, с. 471; 15.11.1934].

«Тайная Доктрина» и «Теогенезис» были первым потоком знаний, соответствующих Первоначальному Откровению. Вторым этапом передачи этих знаний стало Учение Живой Этики (или Агни Йога), данное людям теми же Великими Учителями через Е.И. Рерих, выдающегося мыслителя XX столетия, которая, как и Е.П. Блаватская, являлась их сотрудницей. Тринадцать

книг Учения Живой Этики были опубликованы в период с 1924 по 1938 годы.

Количество тем, затрагиваемых в Учении Живой Этики, поистине неисчерпаемо, и их все невозможно осветить в рамках данной статьи. Поэтому ограничимся лишь кратким их перечислением.

Учение говорит о многомерности Вселенной и человеческого организма, о тонкоматериальных мирах и их влиянии на нашу жизнь, о посмертных состояниях человека. Оно рассказывает о духовной Общине как о лучшем способе организации жизни людей, закладывающем основы будущего сознательного сотрудничества всего человечества Земли и Космоса. Раскрываются понятия психической энергии и Агни — Огня, без которых невозможен ни один творческий процесс, а также понятие сознания, рассматриваемого как совокупность тонких энергий, накапливаемых человеком на протяжении его эволюции. Подробно описываются десятки Космических Законов, лежащих в основе эволюции человека и Космоса. Большое внимание уделяется процессу космического творчества и космического мышления человечества, силе и значению огненной мысли человека как мгновенно распространяющейся тонкой энергии, строящей жизнь человечества. Рассказано о будущих Расах, о Духовных Водителях человечества (Иерархии Света), о будущей Общине Мира, о жизни человека в иных мирах как на Земле, так и на других планетах. Огромное внимание уделено проблеме самосовершенствования человека, развитию его высоких морально-этических качеств.

Причём Учение Живой Этики переводит принципы морали на научную и практическую основу, что совершенно необходимо для человечества в наши дни. Учение это зовёт всех жителей Земли принять новые основы жизни и следовать им. Живая Этика имеет отношение ко всем проявлениям жизни, поскольку без этики, без нравственности не может быть ни личного совершенствования, ни спасения планеты. Живая Этика прежде

всего нужна как мировоззрение, объясняющее устройство Вселенной и назначение человека в ней.

Учение Живой Этики вмещает достижения всех прежних религиозно-философских систем, осуществляя их синтез. В этом синтезе одной из опорных точек является учение буддизма, которому свойственны именно научные представления о мироустройстве. Другой такой опорной точкой является этика христианства. Подчеркнём, что для Учения Живой Этики характерен именно синтетический подход к знанию. Это Учение заявило о себе как о новой синтетической форме познания, которая получит своё наибольшее распространение в наступающей Новой Эпохе, в новом цикле человеческого существования.

Е.И. Рерих рассматривала Учение Живой Этики как введение в науку будущего и как новую науку жизни. Учение это должно дать мощный импульс для развития творчества человечества вообще, и прежде всего в самых разных областях современной науки и искусства.

Приведём некоторые высказывания Е.И. Рерих об Учении Живой Этики. Она писала, что в книгах Учения Живой Этики «собраны в сжатых огненных формулах все знания, накопленные веками глубоких многосторонних опытов» [13, т. I, с. 380; 27.01.1933]. «Учение именно даёт... исчерпывающие ответы на все запросы духа. Ведь ни одна сторона, ни одна проблема жизни не обойдена молчанием, наоборот, все положения рассмотрены со многих сторон и под разными углами зрения, именно, всё так жизненно» [13, т. II, с. 210–211; 06.07.1934]. «Книги эти дают направление всему мышлению, указывая новые области, устанавливая новые вехи для всех научных исследований. <...> Книги Учения — неисчерпаемый клад для учёных, сознание которых не затемнено предубеждениями» [13, т. II, с. 201; 30.06.1934].

Е.И. Рерих подчёркивала, что задача книг Учения Живой Этики состоит в том, чтобы всемерно расширить сознание, и уже первая книга Учения закладывает основание этому. «Новый Мир идёт, — писала она, — и лишь

обновлённым сознанием может быть он воспринят» [13, т. IV, с. 170; 24.04.1936]. «Океан Мудрости даётся человечеству, и Учение, как Солнце, посылает свои лучи во все стороны, на умных и на глупых, на добрых и на злых. Каждый может черпать и понимать то, что ему доступно, до чего он дорос» [13, т. IV, с. 180; 24.05.1936]. Е.И. Рерих считала, что поскольку книги Учения открыто продаются и доступны разным слоям общества, то Учение Живой Этики не должно быть замалчиваемо, а наоборот, «внесение Основ Этики, основ духовного воспитания, должно быть приветствовано каждым разумным строем» [13, т. VI, с. 331; 03.02.1939].

Если рассматривать, в каком отношении находится Учение Живой Этики к тем знаниям, которые были даны в «Тайной Доктрине» Е.П. Блаватской, то нужно признать, что Живая Этика и Теософия — это единое Учение, единая система знаний, философские основы которой даны в «Тайной Доктрине», а этика и дальнейшее раскрытие этих философских идей — в книгах Учения Живой Этики. Обе ветви этого единого Знания могут быть научно осмыслены лишь в своём единстве.

Книги Учения Живой Этики дают «не только дальнейшее углублённое разъяснение положений “Тайной Доктрины”, но и раскрывают широчайшие горизонты практического жизненного применения этого единого Знания, значение которого, как ожидается... будет неуклонно возрастать» [15, с. 196].

Перечислим мировоззренческие основы, общие для Учения Живой Этики и «Тайной Доктрины» Е.П. Блаватской.

- В основе миропонимания лежит признание Абсолюта как единой, безличной, беспредельной и непознаваемой реальности, как абсолютного Всего.
- Утверждается вечность движения и беспредельность Вселенной, которая является периодическим проявлением Абсолюта.

- Признаётся связь всего сущего и единство всего Бытия, одухотворённого Божественным Началом.
- Принимается условный, относительный характер всей проявленной действительности, двойственной по своей природе.
- Признаётся, что эволюция Вселенной циклична и выражает стремление всего Бытия к совершенствованию жизни.
- Утверждается нераздельность Духа и Материи как двух полюсов единой субстанции — Духоматерии, коренного принципа всей Вселенной.
- Раскрываются Космические Законы, правящие во Вселенной, главнейшими из которых являются Законы Кармы и Перевоплощения.
- Раскрывается понятие всемогущей, вездесущей и бесконечной силы, которой владели приходившие на Землю Великие Духи, такие как Иисус Христос или Будда. В Учении Живой Этики эта сила рассматривается как высшее проявление всеначала́ной энергии Вселенной (психическая энергия). В сущности своей это есть духовная энергия человека, творческая мощь его сердца и разума.
- Эволюция человека рассматривается как неотъемлемая часть эволюции Вселенной. Суть её заключается в пробуждении божественного начала, находящегося в духовном сердце человека, и в устремлении стать совершенным человеком, или Богочеловеком. Последнее означает слияние сознания человека с космическим сознанием, воплощённым Иерархией Света, Коллективным Разумом Вселенной. Это и есть исполнение назначения человека в миропорядке Вселенной.

Таковы единые философские основы «Тайной Доктрины» и Учения Живой Этики.

Взаимно дополняя друг друга, эти две ветви единого Знания имеют и свои различия, отражающие специфические черты тех исторических и космических условий,

в которых передавались эти знания, а также разный уровень развития общественного сознания, определяющий готовность людей к их восприятию. Но эти различия не касаются основ «Тайной Доктрины» и Учения Живой Этики, которые едины. Рассмотрим эти различия.

«Тайная Доктрина» была дана в период, когда человечество вступало в новый цикл своего развития. Завершался предыдущий исторический цикл, называемый в астрологии Эпохой Рыб, и восходила заря нового периода — Эпохи Водолея. На стыке Эпох Великие Учителя всегда усиливают духовную работу с человечеством.

Начало предыдущего цикла было ознаменовано приходом Иисуса Христа и появлением Его Учения. В начале же нового цикла Великие Учителя дали людям Сокровенные Знания, приняв непосредственное участие в земной работе по духовному возрождению человечества. Началась эта работа через Е.П. Блаватскую и раннюю эзотерическую секцию Теософского общества. Труды Е.П. Блаватской («Разоблачённая Изида», «Тайная Доктрина», «Ключ к Теософии», «Голос Безмолвия», «Практический оккультизм» и другие, а также многочисленные статьи) принесли новое мировоззрение, соответствующее наступающему новому циклу эволюции.

Отметим, что конец XIX века был относительно спокойным периодом в жизни Европы и Америки, а это способствовало успеху работы по пробуждению сознания людей.

Учение Живой Этики давалось в других условиях. Это были 20-е — 30-е годы XX столетия, века войн и распрей между людьми нашей планеты, века воинствующего атеизма, когда были забыты Силы Высшие. Учение было дано одновременно со вступлением человечества в кризисный период его истории, в период, когда решалась судьба самой планеты, буквально её существования. Учение должно было духовно поддерживать человечество и устремить его в будущее. Идеи, проводимые в книгах Учения Живой Этики, являются требованием Новой

Эпохи. Поэтому если «Тайная Доктрина» и «Теогенезис» описывают эволюцию Рас человечества, то Учение Живой Этики касается прежде всего духовного развития каждого современного человека, показывает, каким образом он может стать человеком будущей Шестой Коренной Расы.

Отличительной особенностью Учения Живой Этики является также и то, что оно было дано как завершение потока знаний, выдаваемых человечеству с конца XIX века. Оно относится к узловым, кульминационным Учениям. Об этом говорится в книге Учения Живой Этики «Мир Огненный»: «Каждое столетие даётся, после явления подробного изложения, кульминация заключительная, которая фактически движет миром по линии человечности. Так Учение Наше включает в себе “Тайную Доктрину” Е.П. Блаватской. То же было, когда христианство кульминировало мировую мудрость классического мира, а Заповеди Моисея кульминировали древний Египет и Вавилон» [12, §79].

К различиям относится и то, что две ветви Единого Знания были даны не только в разных исторических условиях, но и в разные страны. «Тайная Доктрина» была написана в Англии и предназначалась прежде всего для людей Запада и Америки, где в конце XIX века было много высокообразованных людей, способных усвоить даваемые в ней знания. Учение Живой Этики дано на русском языке для России как Новой Страны, которой предназначено великое будущее и духовное водительство человечеством Земли.

Различны и формы изложения. «Тайная Доктрина» написана как научный труд, изучение которого доступно только людям достаточно образованным. Учение Живой Этики изложено более просто и предназначено для достаточно широкого круга людей. Новые условия наложили отпечаток на содержание и форму изложения Учения Живой Этики. Ведь каждому веку соответствует определённая ступень познания, и то, что было необходимо и целесообразно в

одном веке, не может быть таковым полностью в другом. Но каждое раскрытие Истины не исключает предыдущие Учения, сохраняя преемственность знаний. Истина едина и в глубинах своих беспредельна. Потому различные грани этого беспредельного знания даются человечеству в зависимости от задач того или иного исторического периода.

Е.И. Рерих, через которую было дано Учение Живой Этики, разъясняла не только то, в каком отношении находится это Учение к «Тайной Доктрине», но и то, какое положение занимала Е.П. Блаватская по отношению к Братству Света. Это нужно было, чтобы последователи Живой Этики хорошо осознавали значение духовной работы, произведённой Е.П. Блаватской в мире. Так, Елена Ивановна писала: «Е.П. Блаватская была истинной Посланицей Великого Братства, и этим всё сказано. Мы свято чтим её имя и всею силою духа восстаём против всякого замалчивания и умаления этой замечательной женщины и всего ею принесённого» [13, т. VI, с. 523–524; 1930-е гг.]. Вот ещё слова из письма Елены Ивановны: «Конечно, Вы правы, что людям нелегко разобраться во всём обилии появляющихся сейчас самоявленных адептов, но для этого и даны были через Е.П. Блаватскую основы Учения Белого Братства, но кто удосужился изучить их? Все предпочли облегчённые и удобные интерпретации, вместо того, чтобы направить своё внимание именно на Основные Заветы. Утверждаю, что Е.П. Блаватская была единственной посланницей Белого Братства, она одна ЗНАЛА. После неё было дано через Франча Ла Дью замечательное Учение Великого Учителя Белого Братства Иллариона, но кто из наших соотечественников слышал о нём?» [13, т. V, с. 194; 31.07.1937].

Эти слова Е.И. Рерих остаются актуальными и сейчас как для современных теософов, так и для последователей Учения Живой Этики. Не изучив основы, данные через великих посланниц Братства Света Е.П. Блаватскую, Франча Ла Дью и Е.И. Рерих, некоторые из них действительно «предпочли облегчённые и удобные интерпретации»,

или, что хуже, устремились за сомнительными «самоявленными адептами». Е.И. Рерих настаивала на изучении именно «Основных Заветов», каким бы трудным это познание ни было. Именно труды непосредственных посланников Братства открывают врата в Храм Знания духа.

Сама Е.И. Рерих, несмотря на перегруженность работой по составлению книг Учения Живой Этики, руководством делами рериховских организаций и огромной перепиской, предприняла труд по переводу «Тайной Доктрины» Е.П. Блаватской на русский язык. Это было сделано по Указанию Великого Учителя. Нельзя было оставлять последователей Живой Этики, которая давалась именно на русском языке, без основ Учения Братства Света, изложенных в «Тайной Доктрине». Как известно, этот труд Е.П. Блаватской сложен для перевода из-за обилия метафизических терминов на разных языках из различных религиозно-философских учений, а также из-за цитирования многочисленных источников по разным отраслям знаний, как древних, так и времён Е.П. Блаватской. Огромный объём, около двух тысяч страниц, трудно было перевести быстро. Но Е.И. Рерих успешно справилась с этой задачей.

В 1937 году «Тайная Доктрина» вышла на русском языке в Риге благодаря усилиям Рижского Рериховского общества, члены которого достаточно большую часть своих заработков пожертвовали на это издание. Именно последователи Учения Живой Этики, а не теософы, издали полный русский перевод «Тайной Доктрины». Этот факт указывает на значение «Тайной Доктрины», выходящее далеко за рамки современной теософии, а также на необходимость совместного изучения «Тайной Доктрины» и книг Учения Живой Этики. Отметим, что не только последователи Живой Этики должны изучать «Тайную Доктрину», а что ещё лучше, все труды Е.П. Блаватской. Верно и следующее утверждение: теософы, зная основы Учения Братства Света, изложенные в трудах Е.П. Блаватской, должны хорошо ознакомиться

и с последующими Учениями, исходящими из того же Великого Источника, — Учением Храма и Учением Живой Этики. Только так они смогут обогатить свой кругозор на ниве теософских Знаний, а также лучше понять великую работу Братства Учителей Света по просвещению человечества.

Само разделение понятий «Теософия» и «Живая Этика» должно быть осознано как условное, иначе оно приведёт к сектантскому разделению последователей Е.П. Блаватской и Рерихов. Живая Этика есть Божественная Мудрость в ничуть не меньшей степени, чем «Тайная Доктрина», и продолжает ту же линию оповещения Запада, восходящую к Александрийской школе неоплатоников и неопифагорейцев. Агни Йога есть новая ступень в развитии Теософии, отсюда вытекает и значение Теософии для последователей Живой Этики, и значение Живой Этики для изучающих труды Теософского общества. Недопустимо проникновение духа сектантства в Учение, возвещающее универсальный синтез знания, духовности, искусства.

В заключение приведём замечательные слова, помещённые в самом начале русского перевода «Тайной Доктрины». Они отсутствуют в английском издании. В письмах Е.И. Рерих есть указание, что эти слова были даны Великим Учителем М. специально для русского издания. «Теперь, Владыка меня очень порадовал, сказав, что Он Сам даст предисловие к переводу “Тайной Доктрины”» [15, т. II, с. 54; 03.04.1934]. Позже она писала: «К этому труду я приступила лишь вследствие срочного Указа от В[еликого] Учителя. Предисловие под знаком⁶ дано Самим Учителем» [13, с. 299; 24.12.1938]

«Знание превыше всего. Каждый, кто принёс частицу знания, уже есть благодетель человечества. Каждый, собравший искры знания, будет подателем Света.

---

⁶ Знак «Агни» (санскритское слово *agni* в круге), имеющийся в русском переводе «Тайной Доктрины».

Научимся оберегать каждый шаг научного познания. Пренебрежение к науке есть погружение во тьму. Каждый имеет право получить доступ к Учению.

Прочтите труд, насыщенный стремлением к Истине. Невежды сеют предубеждения, сами не давая себе труда даже прочесть книгу. Самый утверждающий труд называют отрицанием. Признание Высших Принципов считается самым ужасным кощунством. Истинно, предрассудок — плохой советник!

Но нельзя обойти все собранные познания. Не забудем принести признательность тем, кто жизнью своею запечатлели Знание» [1, с. VII].

Литература

1. Блаватская Е.П. Тайная Доктрина. Т. I. Рига: Угунс, 1937. Репринт. М.:, 1991.
2. Блаватская Е.П. Тайная Доктрина. Т. III. М.: Эксмо, 2008.
3. Блаватская Е.П. Разоблачённая Изиды. Т. I. М.: РТО, 1992.
4. Блаватская Е.П. Теософский словарь. М.: Эксмо, 2003.
5. Блаватская Е.П. Ключ к Теософии. М.: Сфера, 1996.
6. Блаватская Е.П. Путеводный Свет неведомого // В кн. Блаватская Е.П. Практикум оккультного обучения. М.: Сфера, 2005.
7. Блаватская Е.П. Что такое Теософия? // В кн. Блаватская Е.П. Происхождение Начал. М.: Сфера, 2006.
8. Блаватская Е.П. Дух и душа // В кн. Блаватская Е.П. Иная сторона жизни. М.: Сфера, 2005.
9. Блаватская Е.П. Алхимия в девятнадцатом столетии // В кн. Блаватская Е.П. Тайная Доктрина Теософии. М.: Сфера, 2006.
10. Блаватская Е.П. Теософия — это религия? // Там же.
11. Теогенезис. Третья часть древних Станц Дзиан. М.: Дельфис, 2002.
12. Мир Огненный. Часть 1.

13. Рерих Е.И. Письма. Т. I, II, IV, V, VI. М.: МЦР, 1999, 2000, 2002, 2003, 2006.
14. Безант А. Древняя мудрость. М.: Интерграф Сервис, 1992.
15. Егорова М.Н. О Сокровенных Истинах Учения Жизни. М.: Пролог, 2007.

Гипатия Александрийская¹

К. Фили²

Гипатия (ок. 370–415) всю свою жизнь провела в Александрии, где снискала уважение и почёт как философ и учёный. В то время Александрия, знаменитая своим интеллектуальным развитием... находилась на перекрёстке культурных традиций. Здесь... произошла знаменательная встреча эллинского, иудейского и варварского миров, обусловившая возникновение таких культурных явлений, как, например, греко-иудейская философия, в которой восточные и греческие концепции причудливо сочетались с элементами иудаизма. Истоки этого философского направления, ярким представителем которого является Филон Александрийский (20–30 до н.э. – 40 н.э.), восходят к учению неортодоксальной иудейской общины терапевтов³.

На рубеже IV–V веков Александрия становится центром позднеэллинистической культуры. Афины, которые в этот период представляли собой лишь отблеск былой

¹ Статья была опубликована в журнале «Вопросы истории естествознания и техники» №2, 2002 под названием «Гипатия: жертва конфликта между старым и новым миром». Перевод с английского Е.А. Зайцева. Здесь даётся в сокращении и другой редакции.

² Кристина Фили — профессор истории математики, Национальный технический университет, Афины, Греция.

³ Терапевты (греч. — целители) — последователи древних эзотерических учений.

*Александрийская библиотека.
Гравюра XIX века*

славы, передали культурную эстафету городу Александра Великого. Вот как описывает случившееся Синезий из Кирен в «Письмах»: «В Афинах не осталось больше ничего возвышенного, кроме имён великих людей, когда-то живших в этом городе... Если раньше Афины были пристанищем мудреца, то ныне они знамениты лишь своими пчеловодами» [1].

Об Александрии, напротив, Синезий пишет как об оазисе интеллектуального процветания, не забывая при этом указать на роль Гипатии: «В Александрии пышным цветом расцветает образование... [2]; обретя мудрость Гипатии, Египет наших дней наслаждается её плодами» [3].

В эпоху позднего эллинизма на территории восточных провинций Римской империи получает распространение христианство. Это происходит во многом благодаря общности языка и уникальным возможностям эллинской речи для формулировки и истолкования догматов новой религии. Евреи в Александрии владели греческим языком, на который в III–II веках до н.э. и был переведён семьдесятю мудрецами Ветхий Завет (Септуагинта). Новый Завет написан по-гречески, за исключением Евангелия от Матфея (оно создано на арамейском языке). Христианство рано укоренилось в Александрии. Однако, объявленное вне закона, оно в I веке имело лишь немногих приверженцев. Во II веке его значение возрастает. К IV веку христианство в качестве официальной государственной религии превращается в мощное, господствующее движение.

С 395 года Египет становится византийской провинцией, управляемой императорским префектом (Praefectus

Augustalis). Однако наиболее влиятельное лицо здесь — александрийский епископ, который уже с 381 года носит сан патриарха. Будучи третьим по величине городом империи, интеллектуальной и религиозной столицей Египта, Александрия одновременно и крупнейший средиземноморский порт. Благодаря славному прошлому, она остаётся независимой и замкнутой «вселенной». Культурно-религиозный облик города определяется Мусейоном, со старинными, восходящими к Евклиду традициями, библиотекой с ценными папирусами, а также языческими храмами, христианскими церквями и иудейскими синагогами. В Александрии формируется среда интеллектуалов, состоящая из философов, математиков, риториков и теологов, а также разнообразные школы: философские, математические, медицинские, катехизические и раввинские.

Какова же была историческая обстановка непосредственно в годы жизни Гипатии?

Дух вольности, утвердившийся после издания Константином Великим (285–337) закона о свободе религиозных культов, был забыт; его место заняли настроения нетерпимости, обусловленные сложностью положения. Дело в том, что в этот период множество еретических течений, а также частые вторжения извне (в 378 году готы, разграбив Фракию, Македонию и Фессалию, подошли к стенам Константинополя) угрожали существованию христианской империи. С целью консолидации сил Феодосий I Великий (346–395) в феврале 380 года императорским эдиктом вменил подданным своей империи в обязанность следование доктрине, сформулированной римским епископом Дамасием и александрийским епископом Петром.

В период, когда из-за отсутствия согласия империя оказалась в опасности, новая религия стала главным фактором единения. Однако в первые годы существования Византийского государства установленное волевым порядком единство вероисповедания породило и новую напряжённость. Влияние христианства сказалось на формировании законодательства. В 381 году на Константинопольском соборе

*Теофил, стоящий на
разрушенном Серапеуме.
Фрагмент свитка V века*

Символ Веры (Credo) был дополнен догматом о Святом Духе. Несколькими годами позже, в 391 году, Феодосий своим указом, направленным в Египет, запретил отправление всех языческих культов, тем самым сделав первый шаг по пути уничтожения языческих храмов.

В Александрии, руководствуясь законом Феодосия, кампанию против язычников начал местный патриарх Теофил. В 391 или 392 году христианами был разрушен культовый центр Александрии Серапеум, включая храм бога Сераписа⁴, библиотеку и величественную статую Сераписа

работы скульптора Бриаксия. На обломках Серапеума был построен христианский храм Иоанна Крестителя. Огромное количество строительных материалов, освобождавшееся в процессе разрушения языческих храмов, побудило высших императорских чиновников выпустить в 397 году специальный закон, регулировавший использование этих материалов. <...>

После разрушения Серапеума напряжённость в Александрии усилилась. Известно, что, сохраняя нейтралитет, Гипатия не присоединилась к партии защитников Серапеума. Будучи известным и уважаемым учителем, она не участвовала в столкновениях язычников и христиан. <...> Гипатия не принимала участия в языческой культовой практике. Дело в том, что сформировавшееся вокруг философа Теона, отца Гипатии, и «переданное ей по наследству»

⁴ Серапис — великий солнечный бог, который в народном поклонении заменял Озириса. Он являлся высочайшим богом Египта в течение первых веков христианства.

научное окружение состояло из представителей интеллектуальной элиты, главным предметом интересов которой были утончённые философские изыскания. Это говорит о том, что Гипатия была поборницей интеллектуального эллинского наследия. <...>

Сторонники античной языческой веры сквозь строки законодательства Феодосия с тревогой прозревали крах освящённых веками культурных ценностей. Так, в 394 году Феодосий I в законодательном порядке упразднил Олимпийские игры, их возрождение произошло лишь в конце XIX столетия, в 1896 году. Строгие византийские законы дамокловым мечом нависли над головами язычников: императорские указы предусматривали смертную казнь за участие в любых культовых действиях (жертвоприношении, поклонении идолам и т.п.). Но это ещё не всё. В пылу борьбы с язычеством были осуждены математика и астрономия (последнюю не отличали тогда от астрологии). Закон против математиков был издан ещё в 370 году. <...> Возможно, что именно этот закон и явился главной причиной гибели Гипатии.

Если правление Феодосия Великого можно назвать триумфом христианства над язычеством, то этого нельзя сказать о деятельности его сына Аркадия, который не смог закрепить успех отца. В 408 году Аркадий умирает, оставляя сына Феодосия II и дочь Пульхерию. <...> Пульхерия, как и её дед Феодосий Великий, оказала значительное влияние на укоренение идеалов христианства в Византийской империи. С 408 года она становится опекуном своего брата, который, провозгласив её императрицей (Augusta), тем самым даёт согласие на совместное управление империей. В течение сорока лет, что Пульхерия находилась у власти (Феодосий II был личностью слабой и передал бразды правления в её руки), она целиком посвятила себя делу очищения церкви и защите империи от внешних врагов. <...>

Таким образом, годы жизни Гипатии совпали со временем правления двух сильных политических деятелей — Феодосия Великого и Пульхерии, которых исторические

*Рафаэль. Афинская школа. Фреска. Рим, Ватикан,
Станца делла Сеньятура. 1509–1511*

и политические обстоятельства заставили встать во главе борьбы со старым миром.

В античности женщины-философы или учёные были редкостью; случай Гипатии — исключительный. Её отец Теон (родился ок. 335) был автором многих математических сочинений, из которых до нас дошли издания с его комментариями «Начал», «Данных» и «Оптики» Евклида. Копии этих трактатов, сделанные впоследствии византийскими книжниками, легли в основу современных изданий трудов Евклида. Теоном написаны также комментарии к тринадцати книгам «Альмагеста» (*Syntaxis Mathematica*) и два комментария к упрощённым таблицам Птолемея. <...> Страстный поклонник эллинской культуры, очарованный многими её сторонами, Теон, стремясь сохранить греческое наследие, занимался преподаванием, а также изданием и комментированием различных трактатов, вплоть до теологических текстов орфиков и сочинений Гермеса Трисмегиста.

Теон — один из последних учёных, сотрудничавших с александрийским Мусейоном. Получив прекрасное образование, он отдавал предпочтение занятиям математикой и астрономией, изучал Евклида и Птолемея. <...> Такие авторы, как Сократ Схоластик, Гесихий, Феофан и Малала, называли его мудрейшим из философов, поскольку после Аристотеля математику стали считать разделом теоретической философии.

Рафаэль. Гипатия.

Гипатии, выросшей в интеллектуальной среде и получившей от отца блестящее образование, были близки научные интересы Теона. Поэтому неудивительно, что она со временем становится его ближайшим сотрудником. Говорят, что она даже превосходила своего отца, ибо, как пишет Дамаский, была по природе «талантливее и утончённее».

Жизнь Гипатии, совпавшая по времени с разрушением старого языческого и рождением нового христианского мира, окутана легендой. Рождению этой легенды во многом способствовала скудость исторических свидетельств о её жизни. Наиболее важным и ценным источником о Гипатии является «Церковная история» её современника, константинопольского законоведа Сократа Схоластика (ок. 379–450), представляющая продолжение «Истории Церкви» Евсевия Кесарийского (ок. 260–339). Хорошо информированный о византийских политических и церковных делах, Сократ был к тому же непосредственным свидетелем событий, описанных им затем в главах «Церковной истории», посвящённых Гипатии.

Другим ценным источником служат «Письма» Синезия из Кирен, адресованные Гипатии. Синезий, обучавшийся у Гипатии в Александрии с 390/393 по 395/396 год, до самой смерти (он умер раньше Гипатии) сохранял величайшее уважение к своему учителю. Преданность Синезия Гипатии была исключительной. В одном из писем, адресованных Гипатии, парафразируя стихи Илиады [X. 389–390], он уверяет, что даже в Аиде не забудет своего учителя. Синезий был неоплатоником и служителем языческого культа, а затем стал христианским священником и епископом. Обращение Синезия в христианство было чисто внешним: выражения изменились, а теологические взгляды остались прежними. Став епископом Пентаполя Ливийского, Синезий продолжал посылать ей свои работы.

И, наконец, третьим ценным источником остается «Хроника», написанная Иоанном, епископом Никиу (Нижний Египет), в VII веке. Сохранившаяся в эфиопской рукописи (та, в свою очередь, восходит к арабскому источнику), она воскрешает события, связанные с преподавательской деятельностью Гипатии и её трагическим концом. <...>

Интеллектуальная деятельность Гипатии привлекала к ней множество самых разных людей, считавших её своим учителем. К 390 году вокруг неё образовался кружок учеников. <...> Синезий пишет о том, что в кружок Гипатии входили высокие военные сановники (*comes*) и архонты (благородные), как, например, Пентадий и Гелиодор. Пентадий в 403–404 годах занимал должность императорского префекта Египта. Синезий называет его «приятнейшим и образованнейшим человеком». <...>

Возможно, что среди учеников и слушателей Гипатии были священнослужители или те, кто готовился к принятию священнического сана. Все, в ком было желание изучать философию, стекались к ней отовсюду: христиане и язычники; те, кто относился с сочувствием к христианству или уже находился на пороге крещения; из Кирен и Фиваиды, Сирии и Ливии, Константинополя и отдалённых областей империи приходили к Гипатии, чтобы под её

руководством приобщиться к богатству греческого наследия. В александрийских школах дискриминация студентов по религиозным признакам не практиковалась: язычники посещали лекции для христиан, и наоборот.

В поношенном плаще (*tribon*), который в те времена носили философы, она появлялась на улицах Александрии без сопровождения и публично излагала сочинения Платона и Аристотеля. «Во времена поздней античности интеллектуальная монополия принадлежала божественному Платону... его имя считалось абсолютным авторитетом» [4]. Гипатия учила своих «студентов» относиться к философии как к своего рода религиозной тайне (очевидный отзвук идей седьмого «Письма» Платона), считать философию «самой непоколебимой из всех непоколебимых вещей».

Следуя пифагорейской традиции, Гипатия установила *два уровня обучения*: помимо лекций для широкой публики, она проводила занятия для узкого круга посвящённых. По свидетельству Синезия, «она была истинным проводником по тайнам философии» [5]. Он писал следующее: «Я далёк от того, чтобы разделять взгляды необразованной толпы на этот предмет... Что может быть общего между человеком с улицы и философом? Божественная истина должна оставаться сокрытой» [6].

В своих лекциях Гипатия не ограничивалась философией, которая и во времена классической античности, и в период эллинизма оставалась уделом аристократии, а обучала также математике, включая арифметику, геометрию, астрономию, которую, исходя из платоновского понимания этой науки, Гипатия считала вершиной знания, и музыку, то есть дисциплины, которые римский философ Боэций (480–524) впоследствии назвал квадривием. Но всё же математические дисциплины рассматривались Гипатией лишь как ступени, ведущие к метафизическому познанию. Свою основную задачу она видела в исследовании тайны бытия. <...>

К сожалению, нам неизвестны ни математические труды Гипатии, ни её философские взгляды. Нам даже

неизвестны названия философских сочинений Гипатии. Вероятно, после её трагической гибели всё написанное ею было уничтожено. Сохранились лишь ссылки на её математические и астрономические работы. <...>

В книге «История диофантова анализа от Диофанта до Ферма» И.Г. Башмакова и Е.И. Славутин [7] (в главе «Кто был автором арабской версии “Арифметики”») ставят вопрос о создателе текста, положенного в основу найденной немногим более 20 лет тому назад арабской рукописи. Известные русские историки математики полагают, что автора этого трактата... следует искать в среде александрийских и византийских учёных IV–VI веков. Исключив византийских авторов... Башмакова и Славутин приходят к выводу, что арабская рукопись является не частью «Арифметики» Диофанта, а самостоятельным произведением на ту же тему, написанным неизвестным, но хорошо разбиравшимся в методах Диофанта комментатором. Но в период между V–IX веками жил лишь один математик, о котором источники говорят как о комментаторе «Арифметики» Диофанта. Это — Гипатия. Кроме того, нам ничего не известно о других математиках высокого уровня, живших в этот период. «Таким образом, — заключают исследователи, — можно предположить, что арабский фрагмент является переводом аннотированного ею текста. Если так, то это — единственное сочинение Гипатии, сохранившееся до наших дней» [8].

«Недавние текстологические исследования греческих, арабских и средневековых латинских рукописей приводят к выводу, что Гипатия участвовала в создании многих математических работ. Среди них — фрагменты комментария её отца Теона к “Альмагесту” Птолемея, издание “Об измерении круга” Архимеда, сочинение о площадях и объёмах, представляющее собой переработку материалов Архимеда, и трактат об изопериметрических фигурах, связанный с книгой V Паппа» [9]. Математические достижения Гипатии получили высокую оценку современников. Несомненно, что её репутация была выше, чем у других

александрийских учёных. Характерно высказывание Сократа из его «*Historia Ecclesiastica*»: «Она достигла таких высот познания, что превзошла всех философов своего времени; наследница платоновской школы, возрождённой Платином, она читала философские лекции всем тем, в ком было желание услышать» [10].

В то время главой александрийской Церкви и духовным лидером христиан был патриарх Теофил, занимавший жёсткую позицию не только в отношении александрийских язычников, но и христианских монахов, поселившихся в пустыне Нитрия (часть из них, будучи последователями Оригена, была вынуждена покинуть Египет). Напомним, что нетерпимость Теофила сыграла роковую роль в отставке и смерти (на пути в ссылку) одного из величайших учителей греческой православной Церкви, константинопольского патриарха Иоанна Златоуста. Теофил был выдающимся теологом; но одновременно он известен и как человек «властный, раздражительный, неразборчивый в средствах, готовый в своём стремлении к первенству использовать как чернь, так и монахов против своих противников — александрийских иудеев и язычников» [11].

Тем не менее при Теофиле Гипатия и её окружение продолжали свою деятельность не только не подвергаясь преследованиям, но и пользуясь полной интеллектуальной свободой. Положение изменилось, когда на епископскую кафедру Св. Марка взойшёл Кирилл, племянник Теофила. Избрание Кирилла, положившее начало периоду волнений и насилия, ознаменовалось продолжавшимися в течение трёх дней столкновениями между сторонниками Кирилла и Тимофея — другого претендента на патриархат. <...>

Избрание Кирилла привело к усилению влияния религиозных иерархов на городские дела. Движимый необходимостью искоренения ересей, Кирилл начал кампанию по очищению церкви. Первыми его шагами стали

изгнание из Александрии последователей Новациана⁵, закрытие их церквей, конфискация церковной утвари и лишение их епископов прав на совершение богослужений. Преследования последователей Новациана спровоцировали напряжённость в отношениях между решительно настроенным патриархом и амбициозным императорским префектом Египта Орестом (ключевой фигурой в драматической гибели Гипатии) — напряжённость, которая нарастала по мере приближения развязки.

Орест, занимавший в 412–415 годах должность императорского префекта Египта, был христианином. В соответствии с законом язычники не могли занимать официальные должности. После прибытия в Александрию, возможно, следуя примеру местной элиты, он, привлечённый репутацией Гипатии, стал посещать её открытые лекции, предназначенные для высокообразованной публики (членов местного совета, высших государственных чиновников и т.д.). <...> По-видимому, ученики и слушатели Гипатии, воспитанные в традициях греческой *paideia* (образованности) — семи свободных искусств, могли удовлетворить свою страсть к познанию без ущерба для религиозного чувства. День ото дня ширился круг учеников Гипатии, росло её влияние в городе. <...>

Сторонники Кирилла почувствовали опасность, которая заключалась в принадлежности официальных лиц города, многие из которых занимали высокое положение в государственной и церковной иерархии, к кругу Гипатии, в их преданности учителю. Вот что писал Сократ в «*Historia Ecclesiastica*» об особом статусе Гипатии: «Результат полученного образования, её царственная открытость, ставшая её достоянием, позволяла ей с достоинством вести разговор с первыми лицами города, ибо все высоко ценили её» [12].

Итак, в Александрии, с одной стороны, существовал кружок Гипатии, состоявший из язычников-интеллектуалов

⁵ Новациан — римский священник III века. Его последователи составляли раннехристианскую секту. Они занимали непримиримую позицию, доказывая, что церковь оскверняется через общение с грешниками.

(в основном александрийских неоплатоников) и христианской городской элиты (включая представителя христианской государственной власти Ореста). С другой стороны — нетерпимый Кирилл и его сторонники. Назревал конфликт. <...>

В один прекрасный день толпа монахов преградила путь колеснице, на которой проезжал по городу Орест, и принялась оскорблять префекта, обвиняя его в язычестве. Поводом для слухов, что префект принял язычество, стали его симпатии к Гипатии. Защищаясь от брошенного обвинения, Орест сообщил монахам о том, что был крещён константинопольским патриархом Аттиком, занимавшим патриаршую кафедру в 406 году. (В те времена можно было считаться христианином, даже не будучи крещёным. В этом отношении показателен случай Св. Григория Назианзина Богослова — великого отца церкви IV века.)

Поскольку Атик был союзником Иоанна Златоуста, противника Теофила, то слова Ореста ещё больше разъярили толпу. Противостояние кончилось тем, что один из монахов, Аммоний, бросил в Ореста камень, который попал префекту в голову. Аммоний был схвачен стражей и подвергнут пытке, от которой скончался. <...> Кирилл, представив события как столкновение на почве религии, провозгласил Аммония мучеником; при этом он даже дал погибшему новое имя — Томасий (Великолепный). Это было явным перегибом, за что патриарх подвергся критике со стороны умеренных христиан. Столкнувшись с внутренней оппозицией, Кирилл вынужден был отказаться от дальнейшей кампании по канонизации Аммония-Томасия.

Таким образом, в Александрии на четвёртом году патриархата Кирилла царила атмосфера напряжённости, отчасти вызванная действиями самого патриарха. Кроме того, оставались трения в отношениях между главой церкви и главой императорской администрации, недавно прибывшим в Александрию. Отметим,

когда префект стал объектом критики со стороны Кирилла и его сторонников, многие из влиятельных жителей Александрии поддержали действия Ореста, направленные на нейтрализацию активности самого патриарха.

Между тем, поскольку Гипатия была представителем той самой элиты, которая поддержала Ореста, по городу пошли разговоры, что именно она выступает против примирения патриарха и префекта. Дело в том, что Гипатия была не только выдающимся учёным; говорили также, что она была известна своим благоразумием и гражданской добродетелью. Кроме того, Гипатии был близок дух старой светской системы управления городом, избегавшей политического насилия. Она придерживалась мнения, что влияние патриарха должно ограничиваться сферой церкви и не распространяться на государственные и городские дела. Гипатия выступала за гармонию в отношениях между церковной и гражданской властями.

Поначалу многознающая и мудрая Гипатия, по-видимому, стояла в стороне от политики. Но, вероятно, постепенно её отношение к происходящему изменилось: она, как истинный философ, последователь Платона, решила принять участие в делах своего города. Её сотрудничество с Орестом испугало сторонников Кирилла, заставив их консолидировать свои силы, что, в свою очередь, привело к дальнейшему ожесточению полемики между церковными и городскими властями. Теперь главной мишенью для нападок стала сама Гипатия, которую сторонники Кирилла, на время выпустившие инициативу из своих рук, посчитали главным препятствием на пути реализации своих планов. А борьбу против Ореста им необходимо было выиграть во что бы то ни стало.

Положение Гипатии, пользовавшейся поддержкой городских интеллектуалов, в целом было невыгодным. Прежде всего, принадлежность к элите сделала её непопулярной среди широких слоёв бедноты. Что касается язычников, то они не считали Гипатию

своей союзницей, помня о нейтралитете, занятом ею во время событий вокруг Серапеума. И, наконец, христиане видели в ней представителя той самой эллинской культуры, что была несовместима с суровой строгостью новой религии.

Последователи Кирилла развернули среди жителей города тонко продуманную кампанию. Они распространили слух о том, что Гипатия якобы практикует наиболее зловещую разновидность колдовства — чёрную магию. Такого рода практика предусматривала в Византийской империи строжайшее наказание. Поводом к обвинению в магии, которое и привело Гипатию к гибели, стали прежде всего её математические занятия. Кампания травли, развёрнутая против Гипатии, нашла благодатную почву. Народ поверил, что все его беды и несчастья являются следствием магической практики знаменитого философа, математика и астронома (и, следовательно, также астролога).

Дело в том, что во времена Гипатии границы между математикой и астрономией, с одной стороны, и магией и астрологией — с другой, были размыты. В конце III века из-за повсеместного увлечения научной астрологией и усиления влияния астрологической практики на население, математики стали подвергаться преследованию. Заметим, что предсказание событий человеческой жизни в корне несовместимо с христианским догматом о свободе воли. С целью утихомирить страсти вокруг занятий математикой и астрономией, которые в силу обстоятельств оказались объединёнными с астрологией и магией под общим названием математического искусства (*ars mathematica*), Феодосий I Великий запретил изучение и преподавание математики: «*Cesset mathematicorum tractatus*». Уже в 294 году искусство математики было проклято и запрещено: «*ars autem mathematica damnabilis interdicta est*» [Кодекс Юстиниана IX. 18. 2]. И изучение, и преподавание математики каралось смертной казнью. «Если кто-либо днём или ночью будет задержан в момент занятий (в частном порядке или

в школе) этой запрещённой ложной дисциплиной, то оба (учитель и ученик) должны быть преданы смертной казни. Ибо изучение запрещённого предмета есть такое же преступление, как и его преподавание» [13].

В обстановке враждебности по отношению к математикам, возникшей в связи со строгостью кодекса Феодосия и непримиримой позицией церкви, «злоба поднялась против той женщины» [14], и «святая» или «святейшая», как называл Гипатию Синезий, тут же стала «посланицей ада» [15], «всецело преданной магии, астрологиям и музыкальным инструментам, которая увлекает народ своими сатанинскими хитростями» [16], и прежде всего «правителя города» Ореста [17], который, прекратив обычное для него посещение церкви, «стал принимать неверных в своём доме» [18], а «её осыпал неслыханными почестями» [19].

Зловещие клеветнические слухи о колдовстве Гипатии достигли желаемого результата. Мартовским днём 415 года «множество верующих в Господа» (дикие звери, как сказал о них Дамаский [20]) во главе с неким Петром (чтецом по профессии) подстерегли возвращавшуюся домой Гипатию. Они вытащили её из повозки и повлекли к церкви, называемой Цезарион. Разодрав на Гипатии одежду, они убили её черепками битой глиняной посуды (*ostraka*). Расчленив мёртвое тело, они доставили его на место, называемое Цинарон, где предали сожжению.

Как сообщает Дамаский, те, кто совершил это преступление, остались без наказания, чем навлекли на город большую немилость. Кирилл, имевший прямое или косвенное отношение к гибели Гипатии, получил наконец возможность беспрепятственного исполнения своей миссии в Александрии. Он умер в 444 году и был канонизирован как святой. Как сказано у церковного историка, «[После смерти Гипатии] весь народ сплотился вокруг патриарха Кирилла, называя его новым Теофилом; ибо он разрушил последние остатки идолопоклонничества в городе» [21]. Орест исчез, и истории ничего не известно о его дальнейшей судьбе.

Убийство Гипатии остановило развитие не только греческой философии, но и науки, ведь Гипатия преподавала классический платонизм, придававший особое значение математике. Историк Б.Л. ван дер Варден отмечает, что «после Гипатии наступил конец александрийской математики» [22].

На рубеже IV–V веков Гипатия пала жертвой противоборства между умирающим греческим и рождающимся христианским миром. <...> Гипатия жила в трудное время. Столкновение позднеэллинистической

Убийство Гипатии

культуры с христианством изменило характер истории, в результате чего освящённые традицией ценности старого мира потеряли опору. Гипатия пыталась бороться за сохранение интеллектуальных ценностей... в тот момент, когда происходило разрушение греческого культурного наследия, когда овеванные славой прошлого Мусейон, библиотеки, храмы, да и вообще все античные учреждения стали жертвами драмы, связанной со становлением нового мира.

Спустя несколько лет после гибели Гипатии другая греческая женщина Афинаида, дочь афинского философа Леонтия, ставшая в 421 году императрицей Византии под именем Евдокия, берётся привить греческую мысль к стволу новой имперской идеологии и политики. Но древняя духовно-философская культура всё больше и больше сдавала свои позиции, пока император Юстиниан в 520 году не нанёс ей последний удар, приказав закрыть философскую школу в Афинах, куда переместилась традиция неоплатоников.

Литература

1. Fitzgerald A. The Letters of Sinesius of Cyrene I. Oxford, 1926. Ep.136.
2. Fitzgerald A. Op. cit. Ep. 130.
3. Fitzgerald A. Op. cit. Ep. 136.
4. Fowden G. The Platonist Philosopher and His Circle in Late Antiquity // *Philosophia*. Vol. 7. 1977. P. 360–361.
5. Fitzgerald A. Op. cit. Ep. 137.
6. Idem. Ep. 105.
7. Башмакова И.Г., Славутин Е.И. История диофантова анализа от Диофанта до Ферма. М., 1984.
8. Башмакова И.Г., Славутин Е.И. Указ. соч. С.128.
9. Katz V. A History of Mathematics. New York, 1993. P.176–177.
10. Socrates. *Historia Ecclesiastica*. Ch. VII. 14.
11. Frend W.H. The Rise of the Monophysite Movement. Chapters in the History of the Church in the Fifth and Sixth Centuries. Cambridge, 1972. P.16.
12. Socrates. *Historia Ecclesiastica*. Ch. VII. 15.
13. Pharr C. The Pheodosian Code. Princeton, 1952. IX.16.8.
14. Socrates. *Historia Ecclesiastica* VII. 14.
15. Иоанн из Никиу. *Chronographia*. 86.
16. Иоанн из Никиу. Op. cit. 87.
17. Ibidem.
18. Ibidem.
19. Ibidem.
20. Damascius. *Epitoma Photiana*. 164 // *Damascii Vitae Isidori Reliquae* / Ed. C. Zintzen. Hildesheim, 1967. Fragm. 102.
21. Иоанн из Никиу. Op. cit. 78.
22. Van der Waerden B.L. Science Awakening. New York, 1963. P.290.

Христос и Христианство

А.М. Шустова

В современном мире мы имеем несколько точек зрения на Христа. Согласно учению христианской церкви, Иисус Христос есть Бог, этому представлению следуют массы людей как хорошо образованных, так и не очень. Другие религиозные конфессии видят в нём пророка, религиозного Учителя. Учёные-атеисты до сих пор подвергают сомнению сам факт существования исторического Христа, рассматривая его историю как религиозный миф.

Изучение найденных более чем полвека назад в Египте и Израиле древних текстов, связанных с христианством, а также достаточно широко оповещавшееся исследование Туринской плащаницы с помощью современных технических средств и методов, не разрешили накопившихся вопросов относительно Христа, наоборот, возникло множество новых вопросов, на которые ни наука, ни церковь не могут дать ответов. Более того, значительная часть учёных, воспитанных в христианских традициях, предпочитает замалчивать те результаты исследований, которые не вписываются в уже существующую христианскую картину мира. Таким образом, накопилось множество неразрешённых проблем в изучении христианства, к тому же ситуация осложняется и кризисом внутри христианских церквей.

Новое время требует новых подходов во всех областях жизни и даже в такой казалось бы консервативной, как сфера христологических наук. Более того, Учителя Мудрости призывают снять вековую пыль с уже устоявшихся постулатов, очистить от искажений сокровенную истину Учения Христа; посмотреть ясными, светлыми глазами, не зашоренными догмами и предрассудками, на старые и новые факты, связанные с этой уникальной страницей человеческой истории.

Попытаемся в данной статье, насколько это возможно, прояснить основные положения, связанные с возникновением и развитием христианства, в свете доктрины Сокровенных Знаний.

Термины «Христос» и «Хрестос» и их метафизический смысл

На страницах трудов Е.П. Блаватской, писем Е.И. Рерих, а также в Учении Живой Этики и Учении Храма мы можем найти множество положений, открывающих путь к новому пониманию Христа и Христианства.

Не касаясь пока исторического аспекта проблемы, попробуем выяснить общий философский смысл и содержание важнейших христианских понятий. Начинать надо с самого термина «Христос».

К сожалению, в современном мире понимание смысла термина «Христос» отстоит далеко даже от того, как он понимался многими в Древнем мире, не говоря уже о знании Посвящённых Великих Мистерий, хорошо разбирающихся в тайной науке святылец. Современный христианский мир видит в Христе, скорее всего, идеал личного Бога, могущественного, величественного и справедливого покровителя верующих. Для многих же это только второе имя Иисуса.

Подлинный смысл этого термина неоднократно пыталась разъяснить Е.П. Блаватская. Наиболее полное

разъяснение дано на страницах её работы «Эзотерический характер Евангелий» [5, с. 221–277].

«Христос» — это греческое слово, его производят от *хрио* (*χρίω*) — натирать, помазывать. Отглагольное прилагательное от него — «Христос» (*Χριστός*) — означает быть натёртым (мазью или бальзамом). Греческое «хрио» соотносится с санскритским корнем *гхриш* (*криш*) — трение, натирание, имеющим отношение к имени Кришна. Некоторые санскритологи значение корня «криш» трактуют как чёрный, но это мнение при более тщательном этимологическом анализе не выдерживает критики. Именно те, кто связывают слова «Кришна» («Хришна») и «Христос» общим происхождением, оказываются правы. Каков же истинный, исконный смысл «Кришны» и «Христоса», или «Христа»? Почему «быть натёртым или помазанным», превращённое теологами в «помазанника», Христа, стало таким важным понятием для развития человеческого общества?

Согласно Сокровенному Знанию, «натирание маслом» было последним актом ритуального обряда Посвящения. Его удостоивался тот, кто успешно проходил длительные испытания и страдания, и в итоге становился иерофантом, или Адептом. Но, конечно же, не физическое натирание маслом, помазание им, является сущностью термина «помазанник». Здесь помазание символизирует касание той таинственной Силы, Духа Святого, который нисходил на неопита, преображая всю его природу. Это духовное помазание соединяет преходящую личность человека, идущего по пути духовного самосовершенствования, с нерушимой Индивидуальностью, делая его бессмертным Эго, Христом. С этого момента духовная природа полностью берёт верх над физической, разум человека становится озарённым, способным воспринимать Свет от Высших Миров и Высших духовных существ. Таким образом, символ помазания отражает явление Великого Царственного Озарения (*Illuminatio Regale*). Помазание

царей имеет то же основание. Не случайно и Иисуса называют царём-помазанником.

Помазание священными маслами использовалось также и для более лёгкого отделения тонкого тела, а также сохранения физического во время заключительного этапа мистериального Посвящения — 49-часового транса, из которого посвящаемый выходил (или не выходил) настоящим Адептом — Христом.

Помазание маслом как отголосок архаических посвятельных ритуалов применяется в современной христианской церкви как смазывание лба освящённым маслом (миром, елеем) при возведении на царство, в духовный сан, при крещении, соборовании и других церковных обрядах. Этот ритуал используют не только в христианстве. Индусы мажут маслом изваяния своих божеств. Помазание священных камней, используемое в некоторых ритуалах, также несёт глубокий смысл. «Живым камнем» в Евангелиях назван Христос [1 Кор. 10:4; 1 Пет. 2:4].

Йоги Индии имеют целый арсенал различных мазей для достижения своих йогических целей. Кстати, Е.И. Рерих рекомендовала сотрудникам использовать так называемую «эмульсию йогов», состоящую из различных масел. О такой эмульсии имеются записи в Учении Агни Йоги. «Можно внешне способствовать циркуляции психической энергии через натирание тела уявленной издревле эмульсией из семи растительных препаратов. Это та самая эмульсия, которая употреблялась йогами при оставлении тела на продолжительное время» [13, §582].

«Христос» — сложное, многослойное метафизическое понятие. Оно не относится только лишь к христианству и имеет аналоги во всех философиях, это универсальное понятие всемирного Учения Мудрости. Как сказано: «В основании всех древних народных религий находилось одно и то же древнее Учение Мудрости, единое и тождественное, исповедуемое и применяемое Посвящёнными всех стран» [3, с. 99]. Посвящёнными, или Адептами, становились приверженцы всех религиозно-духовных традиций. Независимо

от национальности и религиозной принадлежности — и индуист, и буддист, и иудей, и христианин, и мусульманин — все способны проявить Христа в своём внутреннем естестве, ибо каждый человек потенциально Христос. Но надо понимать, что стать Христом невероятно трудно, хотя эволюция предполагает такую возможность для любого человека. Е.П. Блаватская пишет, что термин «Христос» «вообще неприменим ни к одному из обычных людей, но только к Посвящённым в момент их второго рождения и воскресения. Тот, кто находит Христа, признавая в нём свой единственный “путь”, становится последователем и Апостолом Христа, даже если такой человек ни разу не проходил через обряд крещения и никогда в жизни не встречался с “христианином”, не говоря уже о том, что и самого себя он таковым не считает» [5, с. 235–236].

Природа Адепта едина во всех религиях, отсюда близость значений греческого «Христос» и санскритского «Будда». «Будда» означает «Просветлённый», обладающий Бодхи, Мудростью. Отсюда и название Единого Учения Мудрости — Будхизм. Будхизм — не есть буддизм, можно сказать, он — эзотерическое ядро буддизма и возник задолго до появления Гаутамы Будды, основателя современного буддизма. Идеи будхической философии можно найти в брахманизме, Каббале, египетском и христианском Гнозисе, философии Платона. Будучи ветвью того же будхического древа, что и все эти учения, философия христианства близка в своей сокровенной сути всем им. Иисус пытался восстановить и вернуть к её первоначальной чистоте Мудрость Древних, искажённую и затемнённую человеческим несовершенством.

Исходя из более глубокого понимания термина «Христос», можно определить и что такое Христизм, или подлинное Христианство, Учение Христа. Христианство — это Учение о духовной природе Вселенной и человека, их эволюции путём духовного восхождения, очищения и преобразования, в результате чего человек становится бессмертным Эго, Христом. Таким образом, ещё задолго до появления христианства как

вероучения, духовное Христианство уже существовало от начала человеческой истории, лишь имело другую форму выражения. Можно и продолжить рассуждения, говоря, что Христианство будет существовать и в будущем, до тех пор пока человек будет нуждаться в слове Истины и пока всё человечество не возвысится до уровня Христа.

Е.П. Блаватская обращает также внимание, что наряду с термином «Христос» существовал греческий термин «Хрестос» (Χρηστός). Он также употреблялся задолго до христианской эры. Его можно найти у Эсхила, Еврипида, Геродота, Демосфена, Платона и других классических авторов. Слово «Хрестос» использовалось и самыми ранними христианскими писателями ещё до того, как повсюду стали употреблять только слово «Христос».

Как и «Христос», термин «Хрестос» имеет много значений. Для нас важно именно то значение, которое вкладывает в это слово Сокровенное Учение. Так, «Хрестос означает ученика на испытании, кандидата на иерофантство. Когда он достигал этого... и был “помазан”... его имя изменялось на Христос» [4, с. 492].

Если Христосом становились редкие индивидуумы, то Хрестос как прозвище носили многие люди античного мира. Таковым был, например, греческий философ Сократ. Хрестос понимался ещё и как праведный, святой человек, идущий путём Посвящения, путём Христа. Если Хрестос обречён на страдания и смерть, то Христос — это тот божественный Свет, к которому устремлён Хрестос, ученик, идущий тернистым путём совершенствования своего духа. Страдания и смерть Хрестоса — это огненное преобразование чувств и тела и в конце концов воскресение (или воссоздание) духовной Индивидуальности, духовного Эго, скрытого в каждом из людей. «Каждый должен умереть как Хрестос, то есть убить в себе всё личностное, все страсти, полностью отринуть идею собственной обособленности от “Отца” — божественного Духа в человеке, чтобы воссоединиться с вечной и абсолютной Жизнью и Светом

(Сат), достичь благословенного состояния Христа, возрождённого человека, обретшего духовную свободу» [5, с. 257–258, прим.].

Хрестосом была и сама Е.П. Блаватская. Вот что она писала одному из своих корреспондентов: «Я достигла своего нынешнего состояния вследствие многолетнего пребывания в стадии Хреста и трёх десятков лет физического и морального мученичества» [6, с. 210].

Позже понятия Хреста и Христа слились в одно, и произошло их отождествление с Иисусом. Так возникла догма, что Иисус и Христос — это одно лицо. Мало кто задумывается, что в привычном «Иисус Христос» каждое из слов несёт собственную смысловую нагрузку.

Санскритское происхождение слова «Христос» приводит к ещё одному очень важному его значению. «Крис» означает также «священный». Отсюда имя Кришны, Священного существа, Чистого Духа, который в индийской метафизике выражает ту же самую идею, что и гностический Христос. Как отмечает Е.П. Блаватская, «во всех языках, однако, синоним этого слова означает чистую и Священную сущность, оно означает первую эманацию невидимой Божественности, проявляющуюся ощутимо в духе» [3, с. 157]. Таким образом, наряду со значением термина «Христос» как Адепта, успешно прошедшего испытания и ставшего бессмертным Эго, у этого термина есть и ещё одно важное значение. В Сокровенном Учении Христос понимается также как вечный, бессмертный божественный Принцип. Он относится к духовной реальности и никогда не может стать физической плотью, как то утверждает современная христианская церковь, создав доктрину, противоположную учениям буддизма, индийской философии, а также античного гностицизма. Не может Христос, «Луч, вышедший из Центра Жизни, сокрытый от глаз человечества в Вечности» [7, с. 182, прим.], быть распятым как тело из плоти и костей!

Этот божественный Принцип является первой дифференциацией Вечносокрытой Причины, Непознаваемого, Того, кто не имеет никаких атрибутов, Абсолюта. Так как

это самая первая эманация сокрытой Божественности, то её называют Перворожждённым. Хорошо соответствует этому духовному проявлению греческое слово «Логос», которое в переводе на русский язык означает «Глагол», «Слово» в его метафизическом смысле. Так, речь есть Логос мысли, внешнее выражение внутреннего действия. Логосом стали называть проявленное Божество Вечносокрытой Причины. В санскрите ему соответствует Вак (буквально речь) — субъективная Творящая сила, эманлирующая из Творящего Божества.

Как известно, Христа называют Мессией. Ивритское слово «мешиах» (машиах), соответственно греческое «мессия», согласно Е.П. Блаватской, имеет следующий смысл: «тот, кто заставляет себя спускаться в преисподнюю» [5, с. 260, прим.], так как ивритский глагол *шах* означает спускаться, нисходить (в преисподнюю). Это нисхождение в преисподнюю, или в ад, имеет глубокий эзотерический смысл. Образ Мессии относится как к космогоническому, так и антропогоническому проявлению Вселенной и человека при нисхождении Духа в Материю. Согласно Сокровенному Учению, Дух, «Христос» (или Логос) нисходит, чтобы стать земным человеком, облечённым в плоть. Именно плотский человек распинается на кресте материи, чтобы стать в конце концов чистым Духом, Христом.

Этот процесс был отражён в Мистериях, когда ученик, неофит (Хрестос) спускался в подземелья Посвящения, чтобы пройти там определённые испытания, после чего следовало последнее испытание — заключительный транс, превращающий его в подлинного Посвящённого. Западные Мистерии давно перестали существовать, но знание, лежавшее в их основе, не исчезло.

В духовном микрокосме Христос — это Атман (или Атма), высший духовный Принцип, огненное Начало, Седьмой принцип в схеме духовных принципов человека. Атма — это Луч Абсолюта, или, как пишут в священных текстах, «Сын Отца». В свою очередь, этот божественный Принцип в человеке можно также рассматривать как Отца,

порождающего Сына — ту личность, которая в конце своего пути (эволюционного цикла) должна слиться с этим Отцом, индивидуальным божественным Духом, пребывающим в каждом из нас. Е.П. Блаватская пишет, что «Христос — это “Путь”, тогда как Хрестос — одинокий путник, следующий этому “Пути” к достижению конечной цели, которая и есть этот самый Христос — сияющий во славе Дух Истины, воссоединяясь с которым душа (Сын) становится единой с Духом (Отцом)» [5, с. 242]. Состояние Христа — это состояние Махатмы, единства человека с заключённым в нём божественным Принципом, Атманом, или Христом.

Как уже упоминалось, этот процесс происходит независимо от того, к какой религии принадлежит человек (или вообще не принадлежит ни к какой). Возможность стать Христом — привилегия каждого из людей. Пока человечество из своей среды выделило мало Христов, так как находится в массе своей ещё на низком уровне эволюции, но будущее для человечества может быть воистину прекрасным, когда духовное развитие приведёт его к ступени Христочеловечества. Тот же, кто умаляет в себе Христа как духовный Принцип, так и останется нехристианином в духовном смысле, несмотря на формальное прохождение им всех христианских обрядов (крещения, причастия и др.) и причисление себя к христианской церкви.

Христос как великий божественный Принцип, проводник сознания, в котором воплощены вся Любовь, вся Мудрость, вся Сила, в котором извечно пребывает высшее «Я» каждого человека и с которым в процессе неуклонной духовной эволюции должно отождествиться «я» малое — разве такой Христос не является более совершенным представлением той высокой духовной реальности, которая пронизывает всё мироздание, на которой зиждется жизнь всех живых существ? Христос стоит за любым проявлением Света, за любым проявлением красоты, жертвенности, гуманизма, за каждым устремлением к добру, истине, справедливости и миру. Именно этот божественный Свет наполнял Учителя

Иисуса, именно он сделал его великим Посвящённым, Подвижником, Целителем и Спасителем душ человеческих. Этот же Свет сиял и прежде через других Великих Учителей, сияет и теперь, и будет сиять всегда. Христос не может умереть, как не может он быть воплощён только в одном земном Спасителе.

Древние обряды Посвящения и доктрина нисхождения Логоса (Христа)

Для ясного понимания христологической проблемы надо обратиться к истории древних духовных учений. Е.П. Блаватская писала: «Первым ключом к постижению затемнённого смысла мистического имени Христа является понимание древних Мистерий ариев, сабеев¹ и египтян. Гнозис, вытесненный впоследствии христианской догматикой, был поистине универсален. Он был эхом изначальной Религии Мудрости, некогда бывшей наследием всего человечества; и, следовательно, можно с уверенностью утверждать, что в своём чисто метафизическом аспекте Дух Христа (божественный Логос) присутствовал в человечестве с самого его появления» [5, с. 234]. Именно древние Посвящённые в арийские, халдейские и египетские Мистерии и их наследники, какими являлись гностики, знали подлинное значение термина «Христос», столь же древнее, как и само человечество. Христос, Богочеловек — единая идея, преломлённая много раз в различных верованиях.

Древние обряды Посвящения, как на Востоке, так и на Западе, основывались на определённой доктрине. Эта доктрина была одной и той же во всех посвятителных центрах. Она содержала в себе знания о развёртывании Вселенной, а также о происхождении и эволюции человечества, — то, что в «Тайной Доктрине» Е.П. Блаватской названо соответственно космогенезисом и антропогенезисом.

---

¹ Сабеев, или сабеяне, — древние халдеи, поклонявшиеся Небесным Владыкам под астрономическими символами.

Нисхождение Логоса в глубину материи — ядро Сокровенного Учения. Единый, То, чему нельзя приписать никаких атрибутов, эманурует из себя Великий Божественный Принцип, Первую Дифференциацию. Во многих религиозных доктринах это явление описано как рождение Сына от Отца, то есть оба участника этого Таинства наделяются мужскими качествами, но это неправильно. Что касается «Отца», то мы вообще не можем определять Его в терминах любых двойственных характеристик. «Сына» же древние определяли как андрогинное, имеющее природу двух Начал Существо, как это признавалось некоторыми философскими школами античности (Деметра-Дионис), индуизма (Вак-Виразд), или гностиками (София-Христос). Неправильно понятая, эта двойственность привела к вырождению великой идеи сотрудничества двух Начал и умалению одного, Женского, Начала. Более того, произошло отождествление его с тьмой, хаосом, злом.

Великий Космический Закон гласит, что Вселенная не может возникнуть, пока Верховное Божество не пожертвует собой. Закон Жертвы универсален: в проявленном мире ничто не может возникнуть без ограничения своей внутренней сущности. Это знание преобразилось в многочисленные ритуалы жертвоприношений, где механическое действие подменило подлинное знание. Так же как и Вселенная, человечество рождается благодаря жертве — огненные частицы, или Лучи единого Логоса, воплощаются в человечестве. Так, непосредственно проявленная эманация из Единого, вечноскрытого Бесконечного и Непостижимого, в процессе своего нисхождения становится человеком. «Чистая Монада, “бог”, воплощается и становится Хрестосом, или человеком, проходящим через испытания жизнью на Земле. Последовательность таких испытаний рано или поздно приводит к распятию плоти, и в конечном счёте к достижению состояния Христа» [5, с. 257, прим.]. Вот откуда происходит понятие жертвы Христа.

Нисхождение Логоса в девственную материю описывалось как рождение его от Девы. Поначалу Логос как бы в

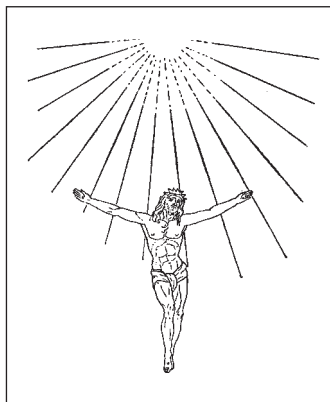
*Статуя Христа. Рио-де-Жанейро.
Бразилия. Возведена в 1931 г.
Отражает идею Человека,
распятого в пространстве*

младенчестве, непрое-светлённая материя заточает его, он не может проявить всего своего могущества. Но постепенно он осветляет и преобразует её природу, изливая все свои жизненные силы. Логос становится как бы распростёртым по всей Вселенной. Символом этого было изображение Небесного Человека, который стоит в пространстве с простёртыми в благословении руками — распятый Христос, чья

аллегорическая смерть на кресте материи оживотворяет её всю духовной силой. Отсюда истинный смысл креста как одухотворения материи Светом Логоса. «С начала человечества крест, или человек с горизонтально вытянутыми руками, указывающими на его космическое происхождение, был связан с его психической природою и с борьбою, которая ведёт к Посвящению» [2, с. 133].

Идея *Человека, распятого в пространстве* принадлежит индусской метафизике. В Индии очень давно возникла аллегория, описание которой можно найти в Ригведе. Логос, Всетворящий бог (Вишвакарман) совершает великое жертвоприношение, то есть принесение себя в жертву самому себе. Эта жертва олицетворялась символическим лишением «Солнца» своих лучей (части Света) и отправлением его на испытание в нижний мир. Успешно выдержав испытание, «Солнце» восходило в славе своего нового рождения, снова овладев своими лучами. Эта аллегория использовалась в Мистериях, когда кандидату на

Посвящение (как Солнцу) надлежало отсечь от себя все пагубные страсти, надеть терновый (с шипами) венец и предать своё тело распятию, чтобы «заново родиться к новой жизни» [5, с. 258–259, прим.], став Христом. Шипы тернового венца как бы тоже лучи, только тёмные, которые надлежало сделать из Света. Именно Вишвакармана индусских писаний изображали как Богочеловека, распятого в пространстве.

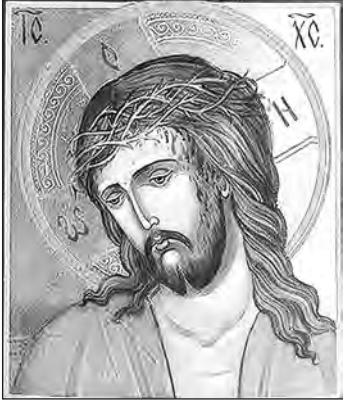
*Человек, распятый
в пространстве*

Распятим изображали также Кришну, аватара Вишну, позже эта традиция была продолжена и в случае Христа. Конечно, все эти распятия не просто совпадения, а символы явлений, имеющих общую духовную природу.

Но, отдавая материи всю свою силу, как бы погребая себя в ней, Логос воскресаёт облачённый покровом просветлённой, очищенной материи, или новым сияющим Телом. Он возносится в Небеса, к своему Отцу, становясь с ним тождественным. Жизнь Отца теперь свободно изливается на Сына. И эта жизнь дарует человеку истинное бессмертие. Такова в очень упрощённом виде концепция нисхождения Логоса.

Нисхождение и вознесение Логоса происходит не только космически, но и в человеческом микрокосме. Каждый человек представляет собою Христа в зачатке. Раскрытие этого внутреннего Христа в человеке повторяет путь Космического Христа. Рождение Христа в пещере сердца, опасности в период Христова младенчества, возрастание духовной силы до полноты возраста Христова, крещение, путь служения, а затем распятие, триумф воскресения и вознесение к своему Отцу Небесному — всё это уготовано каждому сыну человеческому.

Таким образом, Христос имеет два аспекта. Космический Христос выражает космические процессы. Микрокосмический

Икона «Спас в
терновом венце»

уровень представляет собой духовный процесс, совершающийся в человеке. Каждый на своём уровне, эти процессы отражают единую космическую реальность. Именно они легли в основу евангельских повествований. Космическая драма была отнесена к Иисусу, высокие космические символы перестали пониматься в их духовном смысле. Священный символ человека, распятого в пространстве, превратился в физическую смерть Иисуса, пригвождённого к деревянному кресту. Все аллегории были переведены в материальную плоскость: небесная история Христа была превращена в историю жизни Иисуса, его рождения от девы-матери в пещере, полное опасностями детство, физическую смерть на кресте, воскресение и вознесение.

Заметим, что «пещера сердца» — хорошо известное для восточной мысли выражение. Именно эта пещера сердца является тем жизненным центром, в котором духовно пребывает Атман. Здесь скрывается тот божественный зародыш, который со временем может превратиться в младенца Христа. Вот откуда евангельская история о рождении Иисуса в пещере.

Древние обряды Посвящения, получившие отражение в Евангелиях, были частью *Мистерий*. Мистерии делились на внутренние и внешние, так называемые «Большие» и «Малые». Если ко внутренним Мистериям допускались немногие из успешно прошедших все подготовительные стадии, то внешние мистерии проводились для более широкого круга учеников. Во внешних мистериях сокровенные процессы передавались в форме драматических представлений, которые являлись лишь отражением реальности духовного мира, давая по сознанию необходимые знания

их участникам. Ко внутренним, или Великим Мистериям, допускали только тех, кто достаточно возвысил свою душу для принятия света Христа.

«Мистерии представляли собой переход от смертной жизни к кратковременной смерти и испытание переживаний развоплощённых духа и души в субъективном мире» [4, с. 352]. Физические же испытания неопита выглядели следующим образом. В определённое время года, согласующееся с космическими ритмами, определённым образом подготовленного ученика вводили во внутреннее помещение, где проходило таинство Посвящения. В египетских Мистериях это были внутренние покои пирамиды, в других Мистериях использовались пещеры или подземные храмы. Ученик ложился на пол с распростёртыми руками, иногда его клали на деревянный крест или ложе крестообразной формы. Затем до его сердца дотрагивались посвятителем жезлом, «копьем» распятия, после чего он впадал в священный транс, символизирующий смерть. Тело помещали в саркофаг и тщательно охраняли, что соответствовало погребению.

Сознание ученика перемещалось в Тонкий мир, где под руководством Учителя он проходил свой посвятельный опыт. Иерофант Мистерий раскрывал ему тайны невидимых миров, и неопит на себе переживал драму нисхождения Логоса в материю. В течение Посвящения менялось духовное состояние человека, происходило слияние его личного сознания с сознанием его Высшего Я, человек облакался в новую духовную оболочку, способную воспринимать высокие духовные вибрации, исходящие от Логоса, Космического Христа, своего Отца Небесного. Так он реально становился «Помазанником», проводником божественного Света. В новом духовном теле он должен был вернуться в оставленное на время физическое тело.

На третий день находящееся в трансе тело вынимали из саркофага и выносили его для встречи восхода солнца. В момент, когда солнечные лучи касались его лица, повернутого на восток, бывший неопит, теперь уже Посвящённый,

должен был вернуться в своё физическое тело. Если такое возвращение происходило, то праздновалась великая победа духа над материей. Проходящий Посвящение получал доказательство бессмертия своего духа и сохранения своей души. Одним из этапов этого Посвящения является освобождение «семи страдающих душ» из Камалоки, ада Тонкого мира. Вот откуда произошла христианская догма о спуске Христа в ад и освобождении им душ людей, заточённых там.

Духовное тело Посвящённого, осенённого энергией своего Отца Небесного, изменяло и его физический проводник, который приобретал новые свойства и новые способности. Успешное возвращение после посвяtitельного транса рассматривалось как воскресение. Отныне человек становился Адептом, членом великого Братства Учителей Света, проводником божественного Света, посредником между Богом и человеком. Каждый истинный Учитель проходил через Мистерии, и величайшие из них становились их Иерофантами.

Посвяtitельная процедура Мистерий хорошо отражена в Евангелиях. То, что раньше происходило со многими кандидатами на Посвящение, было перенесено на одно лицо — Иисуса Христа.

Мистерии породили *мифы*, в которых посредством символов фиксировались события духовной реальности, высших миров. Ни в какой мере нельзя принижать значение мифов, считая их фантастическими рассказами. На самом деле мифы и легенды гораздо ближе к истине, чем записанная каким-нибудь летописцем история. История повествует о внешних событиях, в то время как миф передаёт знания о событиях внутреннего плана. Содержание мифов скрывает в себе глубокие духовные истины. Поэтому, изучая мифы, надо хорошо усвоить язык символов. Большинство символов — это универсальные обозначения реальных духовных миров. Знание символов очень важно для правильного прочтения

мифов. Ни один Посвящённый не мог обойтись без знания символического языка. Этому учили древние философские школы. Неслучайно достаточно большая часть «Тайной Доктрины» Е.П. Блаватской посвящена эволюции символизма.

Именно Посвящённые стали первыми составителями мифов и легенд. Так они фиксировали сокровенные знания для передачи их из поколения в поколение. Символическим языком записаны и многие духовные откровения, содержащиеся в священных писаниях. Таковы и новозаветные книги. Современные учёные без знания символогии не имеют ключа для прочтения древних текстов, отсюда так много непонимания древней духовной культуры. Невежество учёных в духовных вопросах приводит их не только к ложным интерпретациям и выводам, но и к тому, что они навязывают общественному мнению неверную точку зрения, которая проникает глубоко в сознание, формируя искажённое и узкое мировоззрение.

Древние тексты содержат не только аллегории, обозначающие реалии духовного мира, отражённые в Мистериях, но и разнообразную астрономическую символику. Центральное место среди мифов занимает так называемый *солнечный* миф. В нём герой уподобляется Солнцу, и основные события его жизни соотносятся с движением этого Светила. Солнцестояния, являясь полюсами годового цикла жизни солнца, хорошо олицетворяют и важнейшие моменты жизни солнечного героя. Имеются древние скульптурные изображения, которые представляют солнечное божество внутри круга горизонта: голова расположена на севере, ноги — на юге, а протянутые руки — на западе и востоке, образуя таким образом крест, соответствующий солнцестояниям и равноденствиям.

Солнечный герой всегда рождался во время зимнего солнцестояния, после самого короткого дня в году, когда знак Девы восходил над горизонтом. Умирал же он в

*Вавилонский бог Солнца
Шамаш, с которым
отождествляли Митру*

весеннее равноденствие, побеждал смерть и возносился на Небеса. Таковы египетские Озирис и Гор, греческие Зевс, Апполон, Адонис, Вакх, или Дионис, римский Янус, персидские Митра и Заратустра, вавилонские Мардук и Таммуз.

Праздник зимнего солнцестояния был особо почитаем всеми древними народами. В этот день отмечали рождение солнечного божества, которого считали Спасителем и чья Мать признавалась Непорочной Девой. Позже это стало достоянием и христианской религии.

Весеннее равноденствие связано с пробуждением под воздействием лучей солнца природы после зимнего сна, аллегорической смерти. В это время солнечный герой обычно умирал, чтобы воскреснуть. Именно ожившая природа олицетворяла воскресение солнечного божества. Распятие Христа празднуется весной в так называемое Светлое Христово Воскресение, Пасху. На латыни Пасха — Easter; некоторыми исследователями происхождение этого слова выводится от имени Иштар, Девы-Матери вавилонского солнечного божества Таммуза. По легенде, она вышла из Небесного Яйца.

Пасхальное Яйцо — это «Мировое Яйцо» различных религиозных традиций, не только символ возрождения земной природы, приходящего весной, но и символ возрождения Высшего мира, космоса и человека. Вот почему на Пасху люди обмениваются крашеными яйцами, а также вот почему их подвешивали в древних храмах, как это делают сейчас в христианских церквях и мусульманских мечетях. Заметим, и это важно, что, следуя древней традиции, в праздновании Пасхи, в особенности в православной традиции, акцент делается именно на

воскресении Христа, а не на его распятии.

Почему же солнечный миф был так широко распространён в Древнем мире? Почему именно Солнце стало таким универсальным символом?

В глазах наших современников Солнце есть лишь физический объект, одна из бесчисленных звёзд во Вселенной, древние же знали о великом соответствии между Солнцем и Логосом, «Тем, через Кого всё начало быть» [Иоанн 1:3]. Древние знали, что Солнце хранит Великую тайну. Тайна Солнца относится, конечно же, не к физическому, видимому Солнцу, которое является лишь отражением «Солнца Посвящения», а к *Центральному Духовному Солнцу*. Разгадать до конца эту величайшую тайну под силу лишь великим Адептам. Но, тем не менее, некоторые сведения об этом уже выданы и могут быть взяты для рассмотрения изучающими Сокровенную Доктрину.

«Если бы за физическим светилом не было тайны, — пишет Е.П. Блаватская, — то зачем все народы, начиная с первобытных людей и кончая нынешними парсами, поворачивались к Солнцу во время своих молитв. <...> Все храмы древности неизменно были построены лицом к Солнцу, их порталы открыты на восток» [2, с. 193]. В Центральном Духовном Солнце, чьи лучи и сияние лишь отражаются нашей центральной Звездой, скрывается «всеобщая причина Всего, Верховное Благо и Совершенство» [2, с. 194]. Именно там пребывает Логос нашей системы, который творит мир через Солнце. Эта сила сокровенно связана как с проявлением Великих Адептов, так и с эволюционным

Митра, рождающийся из яйца в зодиакальном круге

Античный бог Солнца Гелиос.
Мраморный барельеф. 300 г. до н.э.

путём каждого воплощённого на Земле. Солнце является не только прекрасным символом Благодетельного Божества, дающего жизнь, но и подлинным фактором духовного бытия любого живого существа. Е.П. Блаватская пишет: «Солнце есть внешнее проявление Седьмого Принципа нашей Планетной системы, тогда как Луна является её

Четвёртым Принципом. <...> Весь цикл Адептства и Посвящения и все его тайны связаны с этими двумя и с Семью Планетами и подчинены им» [2, с. 135].

Все известные священные писания, повествующие о героях, богах, основателях религий, Спасителях человечества, таких как Гор, Рама, Кришна, Орфей, Геркулес, Зороастр, Будда, Иисус и др., похожи в своих сюжетах. Конечно же, если бы кто-то написал внешние биографии этих героев, то они, без сомнения, были бы отличными друг от друга, сходны именно их внутренние, мистические жизни, и это не случайно. Все они отражают одну и ту же истину — универсальный путь Посвящения, или становления Адептом, который непосредственно связан с духовной природой Солнца, а также Луны и других светил. Согласно космическим законам, этот же солнечный, посвятельный путь должно проделать и всё человечество к концу Манвантары. Эта доктрина заложена в обряды и догмы всех существующих религий и культов. На Великой изначальной тайне Солнечного Посвящения построено и всё Сокровенное Учение.

Годовое движение Солнца можно рассматривать как символ Манвантары, оно является также аналогом жизни Логоса, «Сына Божьего», который спускается в мир материи, а затем вновь возвращается в Небеса, к своему Божественному Отцу. Символ Солнца хорошо подходил для Великих

Вестников Божественной Жизни, исходящей из Логоса. Поэтому жизненный путь любого из Великих Посвящённых, как проводника Света Логоса, символизируется Солнцем. Великие Посвящённые, приходящие на Землю с определённой миссией и действующие как Правители, Наставники и духовные Учителя, все имели своим символом Солнце, обозначающее высоту и духовный смысл их служения.

*Аполлон с лучистым нимбом.
Эльдием. Тунис. II век*

Центральное Духовное Солнце — Логос, Солнце физическое и Великие Посвящённые взаимосвязаны, поэтому Посланники Света, неся в себе солнечный импульс, имеют в своих жизнеописаниях сходные черты солнечного героя, или божества. Так и евангельский Иисус, принадлежа Братству Посвящённых, имеет биографию солнечного героя, основные вехи жизни которого совпадают с вехами жизни солнечных божеств других религий.

Таким образом, все солнечные мифы, включая евангельскую историю Иисуса Христа, относятся не к определённой земной Индивидуальности, но ко Вселенскому Христу, символизирующему Божественную Сущность Центрального Духовного Солнца.

Астрономический ключ — один из основных при изучении Тайной Доктрины. Он связан с соотношением сил и энергий, действующих в Космосе, с силами и энергиями, действующими в человеке, микрокосме.

Мистерия Посвящения непосредственно связана с астрономической аллегорией: четыре «стояния» Солнца (зимнее, летнее и два равноденствия — весеннее и осеннее), а также его взаимодействие с 12 Вселенскими творческими силами, олицетворёнными созвездиями, отражают всю

*Статуя Свободы. Нью-Йорк,
США. Возведена в 1886 г.*

Отражает идею солнечного божества

драму Цикла Жизни. Если делать сравнение с календарём христианских праздников, то можно обнаружить удивительное совпадение. «В основе каждого деяния новозаветного Иисуса, каждого приписываемого ему слова и каждого события его служения,

длившегося, как говорят, три года, лежит реальный цикл Посвящения, связанный с прецессией точек равноденствия и знаками Зодиака» [6, с. 205, прим.]. Геометрически четыре стояния Солнца образуют фигуру креста. Связь между Солнцем и символом креста была известна со времён глубокой древности. Различные формы креста отвечают различным проявлениям светила. Так как Мистерию Посвящения, отражающую солнечный жизненный цикл, справедливо можно назвать Крестным Путём, то кандидат на Посвящение именно распинается на кресте, проходя крёстные муки рождения в себе Христа.

Все чудеса и испытания солнечного героя от рождения и до смерти можно соотнести с определёнными зодиакальными символами. Все так называемые двенадцатые праздники в христианстве так же, как, например, подвиги античного Геракла, тоже солнечного героя, связаны с астрономической аллегорией. С ней же связаны и подвиги рыцарей Круглого Стола солнечного короля Артура. Не зная сокровенной связи между Солнцем и солнечным героем, исследователи при изучении Священных писаний различных народов видят в них только так называемый солярный, или солнечный, миф, трактуя его как вымышленный рассказ. Это приводит их к отрицанию исторического существования описанных в них героев,

в том числе и Христа. Сокровенное Учение объясняет, что все священные писания строятся на факте солнечного Посвящения, которое неминуемо проходит герой. То есть события разворачиваются на внутреннем плане его жизни, жизни его души, а не на плане внешних событий, истории его физической жизни. «В дохристианских Митраических Мистериях кандидат, который успешно преодолевал “12 Мучений”, предшествующих заключительному Посвящению, получал маленькое круглое печенье или вафлю из простого теста, символизирующую в одном из своих значений солнечный диск» [2, с. 280, прим.]. Как это похоже на известный ритуал современной христианской церкви!

После успешного прохождения испытаний неофит выходил из транса как духовно возродившийся человек, в некотором смысле родившийся второй раз, — отсюда название «дваждырождённый». Поэтому в Священном Писании, каким являются Евангелия, под словом «жизнь» понимается именно жизнь духовная, жизнь души, а посвящённый, дваждырождённый именуется как «младенец», «дитя». В духовных текстах «годовалое дитя» означает Посвящённого, прошедшего первую степень своего Посвящения. Именно в этом смысле надо понимать и евангельскую историю об избииении младенцев. На самом деле в ней говорится о преследовании Посвящённых, учеников и носителей духовной мудрости.

Со временем священные символы древних Мистерий были перенесены на материальную плоскость. Так, духовное распятие превратилось в распятие физическое, которое описано не только в евангельской истории Христа. Много общего в истории Иисуса и Кришны, оба героя были распяты. Космический Христос Мистерий был слит с историческим Иисусом, чья жизнь якобы описана в Евангелиях. Нужно хорошо понять, что все главные моменты жизни Иисуса — это не конкретные события, а этапы духовного восхождения, роста духа в человеке. Сокровенное Учение утверждает, что описанные в Евангелиях испытания

Иисуса проходили все Посвящённые. Е.П. Блаватская писала: «Я полагаю, что Иисус Христос, то есть христианский Человеко-Бог, скопированный с Аватар, известных в любой стране (с индусского Кришны, равно как и с египетского Гора), вообще не был историческим лицом. Он — обожествлённая персонификация прославленных и великих храмовых Иерофантов; а *история, рассказанная в Новом Завете, — аллегория, безусловно содержащая глубокие эзотерические истины, но всё же аллегория*» [6, с. 205–206]. Это не значит, что не существовало Иисуса как исторического персонажа. Он существовал и проходил обучение среди Учителей Света, его странствия оставили свой след в легендах Востока. Но символ смешался с реальностью, а затем заслонил и вытеснил её, так образ Иисуса превратился в аллереорию.

В потенциале любой человек есть Христос. Возрастающая в нём жизнь Христа неминуемо приведёт его к тем испытаниям, которые описаны в Евангелиях как ступени жизни Иисуса. Ещё раз заметим, что рождение младенца Христа в пещере, бегство в Египет, его крещение, искушение в пустыне, преображение на горе, служение людям, последние этапы Крестного Пути, смерть на кресте, воскресение в новом духовном теле и вознесение — всё это надо понимать как ступени развития духа в человеке. Буквальное понимание этих явлений, привязка их к одному единственному лицу, которое к тому же, согласно церкви, не человек, а Бог, создаёт огромную пропасть между этим Богом и человеком, лишая последнего всякой надежды на собственный духовный рост. Ещё хуже, когда церковь сознательно противопоставляет своего Христа Иисуса Христосам других времён и народов.

Настало время, когда надо уйти от материального понимания великих символов мироздания, новым сознанием разбить церковные догмы, царившие веками, и вернуть подлинное величие всем Адептам древности, видя Иисуса как одного из Великих Учителей Братства Света.

Новый Завет: его происхождение и особенности содержания

В связи с нашим исследованием, в котором мы уже касались проблемы правильного понимания новозаветных аллегорий, закономерно возникают вопросы: какова суть Нового Завета, главного Священного Писания христианства, каково его происхождение и что можно сказать о его содержании? Ответить на них очень важно, поскольку Новый Завет лежит в основании христианства — религии, которую исповедует большинство населения западного мира.

Считается, что Евангелия — это описание жизни богочеловека Иисуса Христа, его священная биография, включающая его Учение, как оно было передано его ученикам. Сокровенное Учение представляет другую точку зрения, утверждая, что авторы Евангелий опирались на предания и тексты, существовавшие задолго до возникновения христианства. Е.П. Блаватская писала, что «Новый Завет есть не что иное, как основанная на универсальных Мистериях западная аллегория, первоисточники которой только лишь в Египте уходят в прошлое как минимум на 6000 лет до начала христианской эры» [7, с. 174]. И, конечно же, как писания, имеющие прямое отношение к Мистериям, Евангелия закономерно носят аллегорический характер. «Множество аллегорий и всевозможных завес, “туманных изложений”, иносказаний и притч в несколько слоёв покрывают оригинальные эзотерические тексты, положенные в основу (как это известно) Нового Завета» [5, с. 268].

Таким образом, как бы мы ни относились к Новому Завету, мы должны знать, что в своей глубине он содержит сияющие истины Единого Сокровенного Знания. Со времён появления письменности эти истины фиксировались в той или иной форме. Задолго до христианской эры, то есть до рождения евангельского Иисуса уже были литературные источники, содержащие подобные тексты. Сюжет христианских Евангелий непосредственно был заимствован из писаний гностиков и древних танаимов, которые в свою

очередь заимствовали эти сюжеты из ещё более древних текстов. Согласно Е.П. Блаватской, «если три синоптические Евангелия являют собой комбинацию языческой греческой и еврейской символики, то “Откровение” написано на тайном языке танаимов — реликте египетской и халдейской мудрости, а “Евангелие от Иоанна” является чисто гностическим» [5, с. 269, прим.].

Танаимы — еврейские посвящённые, хранившие знания, положенные в основу Каббалы. Это учение уходит своими корнями в древнюю Халдею, оно передавалось сначала изустно и только потом было записано, и то частично. Первоначальная книга Каббалы — это книга «Зогар». Обязательно нужно оговориться, что современная Каббала не имеет ничего общего с тем глубоко метафизическим учением, с которым имели дело танаимы. Именно на основе древней Каббалы происходило толкование самых сокровенных библейских аллегорий и символов. Толкование аллегорий священных писаний с помощью символических ключей, скрытых в Каббале, и нахождение таким образом истинного смысла текстов было привилегией халдейских посвящённых. Танаимы были первыми каббалистами среди евреев. Их появление в Иерусалиме относят к началу III века до н.э. Такие библейские тексты, как Книги Иезекииля, Даниила, Еноха, а также Откровение Святого Иоанна — чисто каббалистические труды.

В «Теософском словаре» читаем: «Каббала произошла непосредственно от первоначальной Тайной Доктрины Востока; через Веды, Упанишады, Орфея и Фалеса, Пифагора и египтян. Каким бы ни был её источник, субстрат её, во всяком случае, идентичен с субстратом всех других систем, от “Книги Мёртвых” вплоть до поздних гностиков» [4, с. 205]. Таким образом, Новый Завет можно рассматривать в некотором роде как каббалистическое учение, и ключи для его толкования надо искать в этой древней традиции. Евангелия — лишь часть этой традиции, или особая форма всё той же всемирной Доктрины Мудрости.

Исследователи ветхозаветных и новозаветных текстов заметили, как много общего между доктринами Нового Завета и ветхозаветным апокрифом *«Книга Еноха»*. Считается, что Енох — один из Двенадцати Патриархов, прадед Ноя. За праведность он был взят живым на Небо. Там Енох познал Тайны Небесные, которые и были изложены в *«Книге Еноха»*. В канонической Библии о Енохе имеется лишь краткое упоминание [Быт. 5:21–24]. Согласно Тайной Доктрине, Енох (искаж. Ханох), или Энойхион (греч.), означает «внутреннее око» или «провидец», каким является Адепт. «Эзотерически, Енох есть первый «Сын Человеческий», а символически — первая подраза Пятой Коренной Расы» [2, с. 92]. Это замечание примечательно, оно говорит о том, что происхождение *«Книги Еноха»* теряется в глубине веков задолго до эпохи Моисея. В своём первоначальном виде она была дана Учителями человечества на заре Пятой Коренной Расы. Она, как и многие другие древние книги, написана символическим языком, полна космогонических и астрономических аллегорий. По своей сущности она близка всем священным книгам, содержащим доктрины Единого Учения Мудрости, достояния всех Адептов планеты.

«Книга Еноха» повествует об истории человеческих Рас (пяти из семи), в ней описывается космогоническая система мира, даются сведения о жизни в Тонком мире, а также приводятся некоторые пророчества о грядущих временах. Новый мировой порядок, согласно *«Книге Еноха»*, должен установиться с приходом Мессии — «Сына Человеческого». В ней содержится также много и других тем, сходных с сюжетами новозаветных текстов. Конечно, эта глубоко сокровенная книга в её современном виде мало походит на подлинную *«Книгу Еноха»*. Теперь она содержит множество как дохристианских, так и позднихристианских вставок. Нужно заметить, что ранние христиане признавали этот источник знаний. Как в добиблейский период *«Книга Еноха»* послужила для составления некоторых ветхозаветных текстов, так и в

начале христианской эры она была использована для написания Евангелий.

К сожалению, этот ветхозаветный апокриф, так же как и другие древние книги, не соответствующие новой церковной картине мира, был отторгнут церковью. В IV веке, когда христианство было провозглашено государственной религией и христианская церковь получила особые привилегии, «Книга Еноха» начинает отвергаться даже и как апокриф, а в VII веке она признаётся церковью зловредной и подлежащей уничтожению. Интересно, что на Руси вплоть до XVII века она была популярна и известна под названием «Книга Еноха Праведного». После XVII века, когда произошла церковная реформа, этот так называемый «Славенский Енох» хранился у старообрядцев, скрываемый от официальных церковных властей. Запад же почти на тысячелетие утрачивает этот источник. Только в начале XIX века появляется его перевод на английский язык, сделанный с эфиопской версии этой книги, найденной в Абиссинии (Эфиопии), где сохранилось несколько её экземпляров. Кстати, в Эфиопии, стране древней религиозной культуры и центре древних Мистерий, и поныне хранятся древние иудейские реликвии.

Эзотерическую Доктрину, Сокровенное Учение, как некую духовно-философскую систему, в древности обозначали словом «Мудрость», или «Премудрость», олицетворяя её как мужскими, так и женскими божествами, так называемыми «помощниками, сотрудниками Творца» (таковы, например, индусский Буддха, вавилонский Нэбо, египетский Тот, греческий Гермес, римский Меркурий; богини Сарасвати, Нейт, Метис, Афина, Ахамот, София). Отсюда название некоторых старых трактатов — «Мудрость Соломона», «Мудрость Иисуса». Кстати, и Единое Сокровенное Учение неслучайно носит название Религии *Мудрости*. Именно в этом ключе надо понимать и образованные Пифагором слова «фило-софос» — любящий Мудрость и «фило-софия» — любовь к Мудрости. На Востоке есть понятие

Древние гностические книги из Наг-Хаммади

«Санатана Дхарма» — Вневременная Мудрость. Именно то, что неподвластно времени, и есть Истина, подлинная Мудрость.

Для исследования текстов Нового Завета необходимо знать и сущность учения гностиков. Греческое слово «гнозис» означает знание. Знание это надо понимать как духовное и священное, под которым скрывается всё та же всемирная Доктрина Мудрости. Значения слов «гнозис» и «мудрость» тождественны. Гнозисом, то есть знанием вещей как они есть, Пифагор называл Сокровенное Учение. Именно в гностицизме были разработаны идеи о Софии — Божественной Мудрости, высочайшей эманации Непознаваемого Божества. Можно сказать, что русская софиология начала XX века, возродившая учение о Софии, — преемница древнего Гнозиса.

Философия гностицизма, восходящего к общим древним истокам всех философий, родственна со всеми духовными учениями. Существует много общего в метафизике гностицизма, буддизма и брахманизма. Так, буддисты могут увидеть в Иисусе Бодхисаттву с духом самого Будды в нём, а индуисты — аватара Вишну. Нужно признать, что западная философия полна буддийских идей. Метафизика Канта, Шеллинга, Шопенгауэра, Хайдеггера и других философов содержит немало доктрин буддизма, а значит и философии Гнозиса. Гностицизм и буддизм настолько близки друг

Книга гностиков из Наг-Хаммади

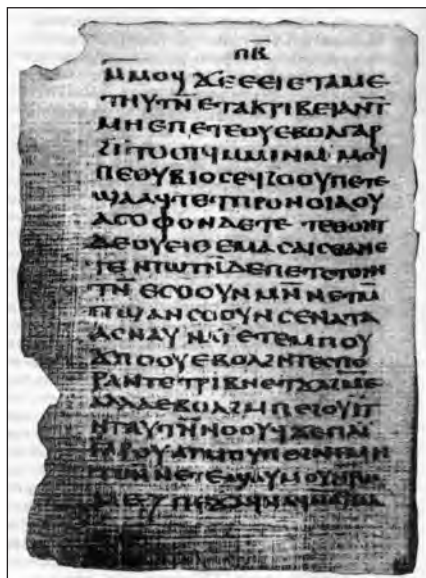
другу, что гностицизм можно назвать «боковой ветвью» буддизма. А как же может быть иначе, если Гнозис, как и учение Будды, да и другие данные Высокими Учителями учения, представляет из себя универсальную духовную науку, имеющую отношение к Высшему Я человека. Ведь следствием Посвящения было не только

приобретение власти над силами Природы, но и достижение Мудрости — Знания вещей как они есть, или Гнозиса.

Школы, изучающие философию Гнозиса, были названы гностическими, а их последователи — гностиками. Как пишет Е.П. Блаватская в «Тайной Доктрине», каждая из гностических школ «была основана Посвящёнными, тогда как их учения основаны были на *правильном знании символизма каждого народа*» [1, т. II, с. 488]. И именно гностиками были написаны первые Евангелия на основе более древних рукописей и обрывков сведений об историческом Иисусе. Гностические школы существовали в грекоязычной среде как до, так и после начала новой эры. Расцвет их пришёлся на III век до н.э. — III век н.э. Неслучайно весь Новый Завет, за исключением Евангелия от Матфея, был написан на греческом языке. Среди знаменитых гностиков первых веков христианства были такие учёные философы, как Валентин, Василид, Маркион, Симон Маг и др. Именно Гнозис, с одной стороны, был вдохновителем первоначального христианства и, с другой стороны, той философской школой, на которую ополчились впоследствии апологеты церкви. Именно они уничтожили первые, написанные гностиками, христианские тексты, а также комментарии к ним. Так, например, были сожжены 24 тома «Разъяснений Евангелий» гностика Василида.

Е.П. Блаватская пишет: «В результате деятельности нескольких поколений наиболее активных отцов церкви,

неустанно трудившихся над уничтожением древних документов и составлением собственных интерполяций для тех из них, которым всё же посчастливилось уцелеть, от гностицизма — законного наследника древней Религии Мудрости — остались только невразумительные и почти неузнаваемые осколки. Однако даже эти крохи будут вечно сиять, подобно чистому золоту... оккультист способен даже в них разглядеть первозданные истины, некогда передававшиеся по всему миру в ходе Мистерий Посвящения» [5, с. 276]. Таким образом, найденные в XX веке гностические апокрифы — лишь жалкие остатки от богатой гностической литературы первых веков христианства и могут дать только приблизительное представление об истинном христианском Гнозисе.

Фрагмент Берлинского папируса (книги гностиков)

История создания Нового Завета также драматична. Имена, стоящие в названии Евангелий, не означают их настоящих авторов. Ни Матфей, ни Марк, ни Лука, ни Иоанн «никогда не написали ни одной строчки в соответственно приписываемых им Евангелиях» [3, с. 514], да и историческое существование этих апостолов не находит никаких свидетельств. К сожалению, Евангелия претерпели ужасную подмену усилиями ревностных сторонников церковного христианства. Везде, где только можно, церковные догматики приложили свою нечистую руку. Вот почему мы имеем так мало ранних христианских трудов, а многие поколения христиан родились и умерли, так и не узнав истинной картины возникновения христианства, подлинной

истории происхождения их религии. Так, самый древний, наиболее полный текст «Евангелия от Иоанна», папирус III века н.э., носит следы неоднократной правки, эта рукопись содержит 440 исправлений! Как сказано: «Грубые ошибки Ветхого Завета ничто по сравнению с ошибками Евангелий» [3, с. 133].

На совести христианских догматиков не только искажение ранних собственно христианских текстов, но и извращение каббалистических трудов, не говоря уже об уничтожении многих ценных книг с так называемой языческой мудростью. Но ведь «священные книги всех великих мировых религий являются своеобразными хранилищами, в аллегорической и символической форме отражающими тайные учения Мистерий Посвящения, известные человечеству в более или менее завуалированной форме с доисторических времён. <...> Первые авторы Логий (ныне Евангелий), безусловно, знали истину, всю истину; однако их наследникам достались уже только догма и форма, ведущие скорее к установлению в сердце человека понятия иерархической власти, нежели к постижению истинного духа так называемого учения Христа. Отсюда и постепенное извращение подлинной сути» [5, с. 229].

Известно, что Иисус не оставил после себя никаких записей своего Учения. По древней традиции он наставлял своих учеников устно. И уже ученики записали его поучения — это были первые *Логии*, или речения Иисуса, впоследствии вошедшие в Евангелия.

Христианство, как и все древние учения, первоначально имело два круга истин: внешний — для постижения многими и внутренний — для немногих. Эзотерическую доктрину своего Учения Иисус называл «Тайнами Царствия Небесного», её он преподавал наиболее близким ученикам при жизни, но ещё больше после своего перехода в Тонкий мир. Для малых сознаний Иисус говорил притчами, как это было принято делать в среде Посвящённых. Ученики Иисуса по возможности собрали и записали как его сокровенные беседы, так и рассказанные им притчи. Всё

это вошло в состав повествований о посвятителем пути Адепта, каким был Иисус, позже ставших Евангелиями. Как известно, различных писаний об Иисусе было более трёхсот, и только четыре из них вошли в Новый Завет.

Тему истории становления канона Нового Завета в своём исследовании попытался раскрыть Евгений Александрович Зильберсдорф (1880–1957), член Латвийского общества Н.К. Рериха. Черновик своей книги «В поисках правды» он отправил Е.И. Рерих. Просмотрев её, она сделала ряд замечаний и ценных предложений. Она высоко оценила это исследование. Книга вышла в 1939 году в Риге, там же в 2001 и 2006 годах была переиздана.

Наряду с каноническими Евангелиями исследователю христианства необходимо привлекать обязательно и апокрифические тексты, подлинный кладёз гностической мудрости. Сейчас таких текстов известно только несколько десятков (около 30). В отношении апокрифов Е.П. Блаватская пишет: «Слово “апокриф” весьма ошибочно стали понимать как нечто сомнительное и ложное. Значение этого слова — сокровенный, тайный; но сокрытое часто может быть более истинным, чем то, что открыто» [3, с. 133]. «Апокрифические Евангелия содержат гораздо больше исторически правдивых событий и фактов, нежели Новый Завет, в том числе и “Деяния”. Первые являются голыми необработанными преданиями, последние же (официальные “Евангелия”) представляют собой тщательно разработанные легенды» [2, с. 110].

Из известных нам Евангелий наиболее часто цитируемым является *«Евангелие от Матфея»*. Оно стоит первым в каноне Нового Завета. В своём первоначальном виде это Евангелие содержало сокровенные беседы Иисуса, как их записал его друг и товарищ Матфей. Этот апостол в первую очередь был гностиком, это позже из него сделали евангелиста — он не сочинял Евангелие специально, но лишь записал сказанное его Учителем. Свои записи он сформировал как беседы. Такие сокровенные беседы были частью Мистерий, когда кандидатам на Посвящение

выдавались небольшие рукописи, в которых раскрывалось значение наиболее важных ритуалов и символов. Беседы Иисуса имели такой же характер и требовали дополнительного истолкования. То, что «Логии от Матфея» были сокровенным писанием, доказывается тем фактом, что автор облёк их в такую форму, чтобы эти тексты не были понятны для всех, кому они попали бы в руки. Они были написаны на арамейском языке. Эти Логии могли быть поняты только при наличии ключа к ним. Заметим, что сокровенные записи Е.И. Рерих также являются беседами между нею и её Учителем. Часть этих бесед, как и во времена Иисуса, легла в основу нового Учения Живой Этики. И сейчас, так же как и раньше, нужен ключ для понимания многих его положений.

Подлинное «Евангелие от Матфея» принадлежало эбионитам (буквально «бедным», «нищим»), одной из самых ранних христианских общин. Кроме эбионитов в течение четырёх веков его признавали назареи, ещё одна еврейская секта ранних христиан, а также другие древние христиане из евреев, не входившие в эти две группы.

Церковный переводчик и богослов Иероним, живший в Палестине на рубеже IV–V веков, нашёл это подлинное «Евангелие от Матфея» в библиотеке города Кесария Палестинская. Он взялся перевести его на греческий язык. Эта задача оказалась для него слишком трудной. И не только потому, что он не понимал сокровенный язык Логий, но потому, что Иероним был уже знаком с греческим текстом ещё одного «Евангелия от Матфея», существовавшим одновременно с еврейским. И эти два текста не были тождественны по содержанию. Поэтому Иероним не смог согласовать свой перевод подлинного Евангелия с известным греческим, которое на самом деле было подделкой. Более того, он признавался, что подлинное Евангелие содержало угрозу начинавшей складываться церковной догматике. В этой ситуации Иероним отдал предпочтение ложному тексту, сознательно отвергнув подлинный. К сожалению, именно поддельный греческий текст

вошёл в Новый Завет и стал каноническим. А подлинное «Евангелие от Матфея» исчезло, его немногочисленные отрывки можно найти только как цитаты в работах того же Иеронима, а также других церковных писателей: Евсевия, Епифания, Климента Александрийского, Оригена. Из-за утери первоначального подлинного текста у исследователей раннего христианства возникло представление о трёх разных апокрифических Евангелиях: «Евангелии эбионитов», «Евангелии назареев», «Евангелии евреев». И они до сих пор не могут понять, как эти Евангелия соотносятся друг с другом. На самом деле все они являются малыми осколками подлинного «Евангелия от Матфея».

Е.И. Рерих также пишет о поддельности известного нам «Евангелия от Матфея»: «Не подлежит сомнению, что канонический греческий перевод Евангелия Ап[остола] Матфея относится к значительно более позднему времени, представляя собою вообще не столько перевод арамейского Еванг[елия] Ап[остола] Матфея, как его переработку, и довольно свободную» [15, т. VII, с. 242; 04.08.1945].

Такова часть истории составления Нового Завета, касающаяся «Евангелия от Матфея». В отношении всех без исключения новозаветных текстов можно провести подобное исследование, доказав их неподлинность. Непредвзятые исследователи уже давно заметили отсутствие логики и последовательности в построении христианского канона. Новый Завет полон противоречивых утверждений. То, что было отвергнуто, вновь возвращалось, того, кто отрёкся, возвысили и наградили особыми почестями.

Тяжёлым преступлением церковных догматиков является умаление универсального Женского Начала и унижение женщин как якобы не способных к духовному возрождению. Гностический Святой Дух всегда имел женскую природу, у церковников же он превратился в Бога мужского рода. Чтя мать Иисуса, они почитают её как деву, но никогда как женщину, превращая её скорее в абстрактный образ, нежели в реальное земное лицо. В своём рвении они доходят до абсурда. Как известно, на Святую гору Афон, где

расположен целый город христианских монахов, не пускают не только женщин, но и всякое животное женского пола. Интересно, если таких фанатиков спросить, что они думают о собственных матерях, то что бы они ответили? Согласно традиции, Афон — это удел Богородицы, утвердившей там своё постоянное присутствие. Как же это может быть, что Богоматерь там пребывает всегда, а её проявлению на земле быть на Афоне отказано?!

История церковных Соборов повествует также о позорном факте обсуждения темы: есть ли вообще душа у женщины? Как известно, именно душа подлежит христианскому спасению, а если нет души, то и спасать нечего. Не подлежащим спасению — и соответствующее отношение. Если б знали эти церковные иерархи, в большинстве своём философски невежественные и даже попросту неграмотные, что именно женщина является тем учеником, который наиболее правильно воспринял Учение, преподанное Иисусом Христом! Согласно гностическим источникам, после распятия Христос в течение 11 лет поучал Марию Магдалину Сокровенному Знанию. Записи её были известны в гностической среде как «Большие и Малые Вопросы Марии Магдалины и Ответы Христа», которые, к сожалению, в большей своей части были утеряны. Эти записи дополнили учение гностицизма. Если Апостола Павла можно считать основателем широкого христианского движения, преобразованного впоследствии в официальную религию, то Марию Магдалину — именно хранительницей и наставницей эзотерического ядра Учения Христа.

Всё же почему Мария Магдалина предстаёт в Евангелиях как порочная женщина? И почему Мария, мать Иисуса, в противоположность Марии Магдалине почитается как идеал чистоты и святости? Гностику древних времён было бы легко ответить на этот вопрос, также особых затруднений не должно быть и у современного исследователя евангельского символизма. «Мария-мать представляет собою неведение, или пассивную чистоту и непорочность, то есть состояние, не знающее искушения; Мария Магдалина

олицетворяет сознательную и активную чистоту; оба этих состояния — два полюса одного великого атрибута» [19, т. I, с. 40]. То есть состояние чистоты и непорочности, с одной стороны, и «падения» и возрождения — с другой, — это атрибуты Вселенской материи, прошедшей эволюционный путь. Этот постулат объясняет и факт первого явления Иисуса после своего воскресения именно Марии Магдалине. Именно сознание, прошедшее через низы циклических воплощений и через свои страдания обретшее духовную высоту, способно

*Симоне Мартини. Мария Магдалина.
XIV век*

узреть Христа и воспринять Его Свет. Этот пример показывает, как важно знать науку аллегорий при рассмотрении новозаветных текстов. Евангельские аллегории, понятые буквально как относящиеся к земной женщине, приводят к ошибочным выводам. Женщина стала отождествляться со злом и грубой материальностью из-за неправильно понятого и искажённого учения о материи.

Здесь уместно ещё раз привести слова Е.П. Блаватской, которая писала, что «христианский канон, и в особенности Евангелия, Деяния и Послания, составлены из фрагментов гностической мудрости, у которой дохристианская основа, уходящая своими корнями в Мистерии Посвящения» [5, с. 230, прим.]. Если читать эти тексты эзотерически, то их можно по праву назвать кладезем универсальных истин. В древности «существовал универсальный язык Мистерий, на котором и были составлены все мировые Писания — от Вед до “Откровения” и от “Книги Мёртвых” до “Деяний”» [5, с. 232].

Особые споры идут вокруг четвёртого Евангелия, наиболее величественного, столь преисполненного красоты и поэзии. Его символический язык более близок гностическому знанию, нежели тексты других трёх канонических Евангелий. Более того, четвёртое Евангелие содержит сведения, которых нет в первых трёх синоптических Евангелиях. В этом Евангелии прослеживается стиль александрийской школы философии, основанной на платонической мысли. Е.П. Блаватская неоднократно отмечала особый характер четвёртого Евангелия как произведения, насыщенного высокой философией и принадлежащего хорошо образованному и мудрому автору. Она сообщает своим читателям поразительное сведение, что «нет надобности констатировать, что “Евангелие от Иоанна” не было написано Иоанном, но платоником или гностиком, принадлежащим к неоплатонической школе» [2, с. 121, прим.]. Однако она нигде не упоминает, кто же на самом деле является этим мудрым автором. Ответ на этот вопрос находится в письмах Е.И. Рерих, которая пишет, что «“Евангелие от Иоанна” записано было Марией Магдалиной, она одна была высокообразованной ученицей среди последователей Христа. Если бы не Мария Магдалина, вряд ли что дошло бы до нас из подлинных слов Христа» [15, т. VIII, с. 127–128; 13.11.1948]. Это свидетельство Е.И. Рерих потрясает: Мария Магдалина — единственная высокообразованная ученица Христа. Как это противоречит навязанному отцами церкви образу Марии Магдалины как неграмотной, падшей женщины!

Необходимо упомянуть ещё один существенный момент в истории развития христианской религии. Церковные отцы наряду с Новым насильственно навязали и Старый Завет, постулаты которого Христос отвергал, говоря о неправомерности многих библейских законов, за что, в конце концов, и был распят. Дело в том, что Ветхий Завет, как и Новый, имеет как бы два пласта знаний: то, что вошло в него от Всемирной Религии Мудрости, и то, что явилось

«откровением» жрецов маленького в тот исторический период народа, отстаивавших свои национальные интересы. Ревнивый, гневный, мстительный Бог израильских священников не мог быть тем Непознаваемым Божеством, Богом любви и милосердия, которого Иисус считал своим Отцом, как и Отцом всего человечества. В «Разоблачённой Изиде» Е.П. Блаватская пишет: «Только этот Отец есть Бог духа и чистоты, и ошибочно сопоставлять Его с подчинённым и капризным божеством Синая. Разве Иисус когда-либо произносил имя Иеговы? Разве он когда-либо сопоставлял своего Отца с этим суровым и жестоким судьёй; своего Бога милосердия, любви и справедливости с еврейским гением возмездия? Никогда! С того памятного дня, когда он произнёс Нагорную проповедь, неизмеримая пропасть раскрылась между Его Богом и тем другим божеством, которое посылало свои заповеди в громе и молнии с другой горы — с Синая» [3, с. 161–162]. «Иисус в поисках своей системы этики направился скорее к подножью Гималаев, а не к подножью Синая... доктрины Ману и Гаутамы гармонировали с его собственной философией, тогда как доктрины Иеговы были противны и ужасали его» [3, с. 163].

Факт двойственности внутри ветхозаветной традиции объясняет и ту борьбу, которая развернулась вокруг нового христианского учения в первые века его становления. Ибо тогда же образовалось две партии: одна из них видела новое учение как продолжение ортодоксального иудаизма, другая же трактовала новое учение как введение новой духовно-нравственной системы, заменяющей заповедь мщения всеобщим законом милосердия. Именно Иисус провёл ту разграничительную линию, которая чётко разделяла высоконравственное новое учение от погрязшего в антропоморфизме старого иудаизма. К сожалению, те, кто принадлежали ко второй партии, гностики и философы-неоплатоники, были разгромлены, и восторжествовал догматизм, создавший порочную религиозную систему, которой было принесено множество кровавых жертв. Религия любви

и милосердия свелась к религии войн, завоеваний, преследования и закрепощения мысли. Е.П. Блаватская выдвигает и такую мысль: зарождение и быстрое распространение мусульманства является следствием «кровавого разгула и сражений между христианами» [3, с. 56]. Есть над чем задуматься церковным историкам, и не только им.

Становление и развитие христианства — драматический этап в истории западного мира. Высокая философская мысль античности была принижена до грубоматериального уровня и догматизирована. Учитель Иисус был превращён в недосягаемого Бога и тем был оторван от смертного человечества, чьим выдающимся сыном он был. Е.И. Рерих с горечью отмечала соответствующий постулат церковного учения в своих письмах: «Средневековые сделали из Христа Недосягаемого Идола и лишили Его всякой человечности, следовательно, и Божественности; так, все Учения Востока гласят — “нет Бога (или Богов), который не был бы когда-то человеком”. Такая *насильственная*² отчуждённость Христа от человеческого естества угрожала и сейчас угрожает полным разрывом общения человечества с Высшим Миром. Можно проследить, как в те времена появлялись большие Святые, которые старались восстановить это почти утраченное общение, причём все они настаивали именно на *человеческом естестве Христа*, и видения и откровения получаемые [подтверждают] это последнее обстоятельство. Особенно яркие утверждения этому можно найти на страницах автобиографии Св. Терезы, испанской святой шестнадцатого века, и ещё раньше в видениях и писаниях Св. Екатерины Сиенской и Св. Гертруды. <...> Церковь наша, установив догму о *Едином* и *Единородном Сыне Божьем Иисусе Христе*, тем самым опрокинула и смысл молитвы, завещанной самим же Иисусом Христом — “Отче наш, иже еси на Небеси...”, а также и слов Писаний: “Когда Бог сотворил человека, по подобию Божью создал его” [Бытие, гл[ава] 5, стих 1]. Так, установив *исключительность Сыновства и естества*

---

² Здесь и далее в этой цитате — выделено Е.И. Рерих.

Божьего в Иисусе Христе, Церковь тем самым разъединила его навсегда с человечеством. Так произошли тяжкие последствия явления: изъятие Иисуса Христа из жизни человечества, уничтожение Его жизненного Подвига и страшное внушение понятия, что крестная смерть Христа спасла человечество от “первородного” греха (?!) и всех последующих. Так “Тенью ходит Он по миру, а тело Его в Церкви заковано в ризы икон. Тело надо найти в миру и Закованного в Церкви расковать” (“Иисус Неизвестный” Мережковского)» [15, т. IV, с. 128–129; 2.04.36].

«Сын Человеческий» — не красивое наименование, а высокодуховный символ Адепта, человека из плоти, из самой гущи человеческой, восходящего духом к своему Отцу, становящегося Христом. Он — пример для подражания, Старший Брат, указывающий путь всем стремящимся за ним.

Таким образом, надо различать два совершенно разных исторических явления. Во-первых, подлинное христианство, уходящее корнями во всемирную Доктрину Мудрости, чьи универсальные истины принадлежат всем народам и всем духовным традициям. И, во-вторых, церковное христианство, выстроившее своё учение на выхолощенных древних духовных аксиомах, но с самого начала отрицавшее хоть какое-нибудь родство с древними традициями и утверждающее своё превосходство и непогрешимость.

Иисус как историческое лицо

Как мы уже показали, Евангелия — это в основном аллегорические, а не исторические тексты. Вследствие этого закономерно возникает вопрос: если евангельский Иисус Христос — это аллегория, то существовал ли исторический Иисус? И почему ни один известный исследователям писатель, современник евангельского Иисуса, живший на территории Палестины, не упоминает ничего о евангельской драме? Историки давно обратили внимание на этот поразительный факт.

Е.П. Блаватская также обращает на это внимание, упоминая Филона Александрийского (ок. 20 г. до н.э. — ок. 50 г. н.э.), который тщательно описал различные религиозные секты, общества и общины Палестины, но ничего не упомянул об Иисусе и его учениках. Она приводит также пример игнорирования истории Иисуса и у Иосифа Флавия (ок. 37 г. — ок. 100 г. н.э.), и в талмудических трактатах Мишны, авторы которых, излагая историю еврейских первосвященников, виновных, согласно Евангелию, в казни Иисуса, сохранили странное молчание в отношении этой драмы, как сохранили они молчание и в отношении деяний апостолов, в то же время составив полный перечень всех других еретиков и восстаний против авторитета Синедриона.

Вслед за Е.П. Блаватской истории зарождения христианства посвятили свои работы крупные теософские авторы: А. Безант, Дж.Р.С. Мид, Ч. Джинараджадаса, Г. Пурукер и др. Внимание заслуживают вышедшие недавно книги А. Владимирова «Кумран и Христос» и «Апостолы».

Да, действительно, исторический Иисус существовал, хотя и не в тех временных пределах, которые отводит ему евангельская история. К сожалению, до нас дошло совсем мало текстов, проливающих свет на подлинную историю жизни Иисуса. Прежде всего указывается на древнюю еврейскую книгу под названием «*Сефер Толдос Иешу*». Эта книга, как пишет Е.П. Блаватская, «великой древности, очень драгоценный документ, который евреи заботливо скрывали от христиан» [2, с. 123]. И было, что скрывать. Так, согласно «*Сефер Толдос Иешу*», Иисус жил на столетие раньше описанных в Евангелиях событий, и история его жизни мало походит на жизнь того Иисуса, которого мы знаем из Евангелий.

Книга «*Сефер Толдос Иешу*» («Тольдот Иешу» — буквально родословие Иешу) давно известна исследователям. Считается, что она была написана не позднее V века на арамейском языке. Христианский философ Ориген уже в середине III века ссылаясь на этот источник. «Тольдот

Иешу», как и другие древние тексты, подверглась искажению — многие описания в ней стали носить антихристианскую направленность. Но, как сказано в «Разоблачённой Изиде», «как бы ни приходилось быть осторожным в принятии каких-либо сведений об Иисусе из еврейских источников, надо признать, что в некоторых вещах их изложение кажется более правдивым» [3, с. 198], нежели изложение церковных отцов. Таким образом, решение проблемы существования исторического Иисуса, как бы ни было оно сложно для учёных, всё же возможно.

Теософская традиция, не признавая историчности Иисуса из Евангелий, утверждает, что истинный Иисус — это тот великий человек, Учитель Сокровенного Знания, Адепт, который был упомянут «в древнейших талмудических³ и некоторых христианских книгах под именем Иешуа бен Пантера. <...> Решение проблемы можно найти в свидетельствах евреев и даже Иринея⁴. Они утверждают, что этот Иешу (или Иешуа) был сыном женщины по имени Стада (по прозвищу Мириам) и Пантеры, римского солдата; что он жил с 120 до 70 года до н.э. и был учеником раввина Иешуа бен Перахиах, своего двоюродного деда, с которым он во время преследования евреев Александром Иоаннесом (царём евреев с 106 г. до н.э.) убежал в Александрию, где был посвящён в египетские Мистерии, или магию, и по возвращении в Палестину, будучи обвинённым в ереси и колдовстве, был допрошен, приговорён к смерти и повешен на древе позора (римском кресте) в окрестностях города Луд, или Лидда⁵. Эта историческая личность (такая же достоверная, как и любая другая) была великим Адептом» [8, с. 203–204]. В этом отрывке из древней еврейской книги, приведённом Е.П. Блаватской, мы сталкиваемся с множеством новых и таких непривычных для нас сведений относительно жизни Иисуса. У эбионитов, одной из самых

³ См. Гемару вавилонского Талмуда, трактаты Санхедрин (гл. XI, 107в) и Сотак (гл. IX, 47а) — прим. Е.П. Блаватской.

⁴ См. Irenaeus Adv. Haer. Кн. II, гл. XXII, 5 — прим. Е.П. Блаватской.

⁵ См. Вавилонскую Гемару к Мишне, трактат «Шаббат», 67–104 — прим. Е.П. Блаватской.

ранних христианских сект, также было предание об «Иассу (Иисусе), Адепте-аскете, вокруг которого создавалась легенда Христа. Так как существование нищих аскетов можно проследить по крайней мере на век раньше хронологического христианства, то это является дополнительным доказательством того, что Иассу или Иешу жил во времена царствования Александра Ианнея в Лиде (или Лоде), где он был предан смерти, как утверждает в “Сефер Толдос Иешу”» [4, с. 517].

Надо отметить, что Е.П. Блаватская неоднократно повторила эти сведения относительно Иисуса на страницах своих различных работ, касающихся правильного понимания истории возникновения христианства. Многие ей возражали, не желая расставаться с евангельской сказкой, так глубоко укоренившейся в умах людей западного мира. Редактор парижского журнала «Le Lotus», который издавался при жизни Е.П. Блаватской и в котором она опубликовала ряд своих статей, посвящённых проблемам христианства, сделал следующее примечание: «После того, как до сведения мадам Блаватской было доведено, что некоторые учёные считают эту версию ошибочной, мадам заявила следующее: “А я говорю, что эти учёные либо врут, либо несут чушь. Наши Учителя подтверждают подлинность этого сообщения. Если история Иегошуа или Иисуса Бен Пандиры — враньё, то получается, что и весь Талмуд, весь еврейский канон это тоже ложь. Он был учеником Иегошуа Бен Перахии, 5-го Председателя Синедриона, после Эзры, который переписал Библию. Скомпрометированный в ходе Фарисейского восстания против Ианнея в 105 году до н. э., он бежал в Египет, увозя юного Иисуса. Эта история намного правдоподобнее, нежели сюжет Нового Завета, не имеющий исторических подтверждений”» [7, с. 182–183, прим.].

Е.И. Рерих поддерживала теософскую точку зрения, о чём также неоднократно писала в своих письмах. Вот её слова: «Хронология жизни Христа очень неточна. Вел[икие] Уч[ителя] относят рождение Иисуса на более ранний период, нежели указанный в Евангелиях» [15, т. VI, с. 137;

24.05.1938]. Таким образом, это ещё раз доказывает, что многовековые изыскания хоть каких-нибудь исторических документов, подтверждающих реальность существования человека по имени Иисус из Назарета, жившего с 1 по 33 год н.э., не могут увенчаться успехом. Евангелия и труды отцов церкви не могут считаться полновесным доказательством из-за их заинтересованности и предвзятости.

Е.П. Блаватская приводит со слов Учителей Мудрости характеристику личности Иисуса. Иисус — «это великий и чистый человек; реформатор, который с радостью бы жил, но вынужден был умереть за то, что считал величайшим неотъемлемым правом человека — абсолютную свободу совести; Адепт, который проповедовал всемирную религию, не признающую никакого другого “храма Господня”, кроме самого человека; благородный Учитель эзотерических истин, которые он не успел объяснить; Посвящённый, который не делал различий — кроме моральных — между людьми; кто отвергал привилегии и презирал богатство; и кто предпочёл смерть разглашению секретов Посвящения. И, наконец, тот, *кто жил за сто лет до начала общепринятого, так называемого христианского летоисчисления.* <...> Махатмы... совсем не считают Иисуса евангельским Христом» [9, с. 401–402].

Находки древних рукописей в Палестине и Египте

В 1945 году на территории Палестины в районе Мёртвого моря была обнаружена библиотека древнейших текстов, принадлежащих, как впоследствии доказали учёные, общине ессеев, проживавших в местечке Кумран. Эта библиотека состоит из библейских рукописей (были обнаружены фрагменты почти всех книг Библии), апокрифических сочинений и документов самих кумранитов⁶. Древность свитков впечатляет. Их относят к I–III векам до н.э. Это поистине

---

⁶ С некоторыми из кумранских текстов можно познакомиться по книгам Тантлевского И.Р. «История и идеология Кумранской общины» (1994) и Владимирова А. «Кумран и Христос» (2002).

сенсационное открытие, если учесть, что самый древний из известных текстов Библии датируется 1008–1009 годами н.э. Кстати, он хранится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге.

Удивительно то, что одновременно с обнаружением древнейших библейских свитков в Кумране в 1945 году были обнаружены древние тексты и в Египте, в районе Наг-Хаммади в 300 милях к югу от Каира. Эта находка содержит христианские апокрифы⁷, гностические трактаты, зороастрийские и манихейские труды, а также выдержки из «Государства» Платона, относящиеся к I веку до н.э. – IV веку н.э. За несколько лет до этой знаменательной находки Е.И. Рерих писала: «Немало утерянных апокрифов, относящихся до жизни Христа, может быть найдено, когда сроки *подойдут* и люди захотят больше узнать об этой чудесной, самоотверженной трогательнейшей Жизни, всё отдавшей и всё принявшей» [15, т. VII, с. 162; 03.12.1943].

В обнаружении важных древних текстов наука часто видит лишь случайность. Другого мнения придерживаются те, кто изучает Сокровенное Учение. Конечно же, совсем не случайно произошло открытие целого ряда подлинных документов, касающихся древних религий, начиная с середины XIX века. Так в руках исследователей оказались и были прочитаны тексты Древнего Египта, санскритская литература ведическо-брахманического периода, многие канонические книги буддизма, зороастризма и других религиозно-философских систем древности. Разве мог случайно такой мощный поток древней священной литературы буквально обрушиться на головы западных учёных? Не было ли здесь какого-то сокрытого плана? Как утверждается в эзотерических источниках, обнаружение священной литературы прошлого — лишь один из признаков и необходимый элемент, наряду с другими важными открытиями, смены больших исторических циклов. Предсказание Е.П. Блаватской о том, что «другие подлинные и столь же значительные

---

⁷ Некоторые апокрифические тексты из этой находки опубликованы в книге «Апокрифы древних христиан» (2006).

документы, вероятно, снова появятся весьма неожиданным и почти чудесным образом» [3, с. 31], нашло замечательное подтверждение в случае палестинских и египетских находок 1945 года.

Обнаружение древних рукописей в Кумране и Наг-Хаммади имеет огромное значение, и мир ещё не до конца осознал это грандиозное открытие. 1945 год — год конца Второй мировой войны, когда многие народы прошли через кармическое искупление. В конце 1940-х годов

окончательно рушится мировая колониальная система, многие народы становятся свободными. В 1949 году была образована Организация Объединённых Наций (ООН) — своеобразное мировое правительство — новая форма международного устройства. Это время отмечено также и многими открытиями в разных областях знания. В этом ряду египетские и палестинские находки занимают особое место. Они дают людям возможность по-иному посмотреть на собственную историю, историю западных религий и культуры, что в конечном счёте должно способствовать сдвигу их сознания.

Более того, образование государства Израиль в 1948 году в Палестине и новый виток религиозной активности на этой территории неслучайно последовали

Карта Палестины во времена
Кумранской общины

Наг-Хаммади на карте Египта

сокрытие священных текстов, хранящих в том числе и древнюю еврейскую мысль.

Палестина издревле была перекрёстком различных религиозных движений. Образование древнего еврейского государства связано с развитием иудаизма. Наряду с ним в Палестине и прилегающих территориях существовало множество других верований. С религией евреев соседствовали египетская, греческая, халдейская религиозная мысль. Сюда доходили и буддийские монахи, которые охотно селились на палестинских и сирийских землях. Их влияние было достаточно заметным, свои каноны общинножития они привили ессеям, в среде которых некоторое время обучался Иисус. Халдейские теурги дали начало общинам назаров, потомки которых основали различные гностические и раннехристианские секты.

Ортодоксальный иудаизм, объединивший последователей экзотерического Моисеева закона, всё больше скатывался к служению мёртвой букве этого закона, введя многие ограничения в духовной жизни населения. Религиозно-политические противоречия сотрясали иудейское общество II–I веков до н.э. Партии саддукеев и фарисеев открыто вели друг с другом религиозную борьбу. Глубочайший кризис в сфере духовной мысли привёл, в конце концов,

вслед за обнаружением древнейших библейских и христианских рукописей. Как известно, древнее еврейское государство прекратило своё существование после падения Иерусалима в 70 году н.э. и разрушения его до основания римлянами. Тогда для евреев начался многовековой период рассеяния. Как раз в это же время происходило

к падению государства. Многие палестинские общины стали искать себе другое местоположение. Именно тогда ессеи, хранители древнейших знаний, вынуждены были укрыть свою библиотеку, чтобы сохранить мудрость веков.

Наг-Хаммади

И вот эта мудрость веков вновь становится доступной и попадает в руки исследователей. Государство Израиль вновь появляется на карте мира. Будет ли оно повторять старые ошибки или же продолжит своё развитие в условиях обновлённого сознания?

Нужно заметить, что с обнаружением и исследованием свитков Мёртвого моря и текстов Наг-Хаммади не всё так уж и хорошо. Оставляя в стороне историю, связанную с обнаружением Свитков, нельзя не упомянуть о драме, последовавшей за этими находками. То, что было написано в найденных текстах, повергло в шок многих исследователей, воспитанных в традициях христианства, равно как и иудаизма. Рушится сложившийся веками догмат об уникальности христианства. Свитки подрывают давно устоявшуюся идеологию, в них обнаружили тексты, противоречащие каноническим Евангелиям. Естественно, учёные христиане почувствовали себя очень неудобно и стали предпринимать попытки замалчивания открытия, оспаривания уже полученных результатов и даже нападок на других учёных.

Кардинально встал вопрос датировки Свитков: до или после становления христианства они были написаны? Как стало известно, в Свитках упоминаются община, по своей организации близкая к первым христианским сообществам, а также религиозный наставник, так называемый Учитель

Один из свитков Мёртвого моря

Праведности, мученически погибший основатель этой общины. Его история близка истории Иисуса.

После многочисленных исследований, скептических утверждений, споров и обсуждений большинство учёных пришли к выводу, что свитки

Мёртвого моря надо датировать *двумя первыми столетиями до н.э.* и что они являются небольшой частью библиотеки общины, расположенной в местечке Кумран. Были даже сделаны утверждения, что современные книги Нового Завета и Библии более уязвимы в вопросе своего происхождения, нежели найденные тексты. Датировка Свитков очень важна, и то, что они были написаны *до* появления христианства, заставляет изменить наши взгляды на его истоки.

Указанная датировка стала очень неприятным фактом не только для христианских богословов, но и для еврейских, ибо это открытие требует и пересмотреть установки христианства, и по-другому осмыслить историю еврейского народа. Со стороны и тех, и других последовала естественная реакция — всяческое замалчивание и торможение продолжения исследований открытых материалов. Прилагаются немалые усилия, чтобы как меньше информации по этому поводу стало достоянием широкой общественности. В свете этого и мы можем задаться вопросом: многие ли из нас знают о находке древних текстов в Египте и Палестине? И что именно знают?

Дело со Свитками называли «академическим скандалом XX века». Целый ряд текстов, в особенности спорных, не переводился и не публиковался. И только к 2001 году, спустя более чем полвека после их обнаружения, в результате огромных споров кумранские рукописи, те, которые не перевели сразу, были опубликованы в виде фотографий на CD, и им ещё предстоит перевод. Так что приходится ждать появления этого перевода в будущем, так же как

непредубеждённого анализа найденных сокровищ древней мысли.

В общем-то, понятны причины философской битвы вокруг Свитков. Открытие этих рукописей рушит выстроенные веками догмы, нанося удар по христианской церкви. Естественно, богословы, чьё спокойствие зависит

Фрагмент свитка Мёртвого моря

от церковной идеологии и которые сами являются плотью церкви, будут до конца стоять на своём, ибо в противном случае они должны согласиться с потерей своего влияния на прихожан, а также согласиться с тем, что историю происхождения их церкви надо пересмотреть. Всё это представляет для церкви смертельную опасность. На самом деле, это трагедия всех жрецов как древнего, так и современного мира, стоящих на стороне антиэволюционных сил. Разве не таковы были жрецы Древней Индии, Халдеи, Египта, Греции, Израиля, павшие морально и духовно? Во многом христианские служители повторяют их историю, они не могут стать оплотом нового развития мировой религиозной мысли. Все их попытки после периода гонений восстановить утраченную власть старыми методами угнетения свободы мысли потерпят неминуемый крах.

Конечно, надо оговориться, что критика в адрес церковников не распространяется на тех, кто искренне верует и следует пути Христа, для кого христианская этика — не распоряжения со стороны, а сердечная потребность. Всегда, во все времена в лоне христианского учения находились люди, доказавшие примером своей жизни приверженность общине Христовой, чьи основы являются устоями подлинного Братства и чьи взгляды соотносятся с идеями всемирной Доктрины Мудрости.

Новая Эпоха стимулирует именно свободу развития мысли. Историческое миропонимание обновляется, в русле

*Храм Книги в Иерусалиме,
в котором хранятся
свитки Мёртвого моря*

этого обновления многое, что было сокрыто, обнаруживается, становится достоянием человечества. В мире всё больше растёт интерес к древней истории. Поэтому битва вокруг Свитков — это битва за Новую Мысль, за пересмотр истории, и не для того, чтобы кого-то ущемить, что-то умалить, а для формирования нового исторического сознания народов, нового понимания

тех вещей, от которых зависит их эволюция, гармоническое существование в условиях Нового Мира.

Неслучайно находки рукописей отсылают нас к самым первым векам христианства. Исторически и сейчас состояние мира во многом подобно тому, что было на заре христианской эры. В муках и страданиях, в хаосе материального мира рождаются новые духовные ростки, новая идеология, отвечающая новым космическим срокам. От того, как мы выучим уроки прошлого, зависит наш взгляд и на будущие эпохальные события. Западный мир, где происходит сейчас драматическая переоценка ценностей, является в основном христианским миром. Западная культура — это культура, построенная на христианских ценностях. Кризис западной культуры побуждает нас вернуться в самое начало христианской эпохи, именно в то время, когда формировались идеи, положенные затем в основание западной цивилизации.

Е.П. Блаватская ещё в конце XIX века обратила внимание людей на этот сложный период мировой истории. Весь второй том её труда «Разоблачённая Изида» посвящён анализу развития духовно-философской мысли христианства. Особое внимание уделено раннему христианству и

критике церковных догм, сдерживающих развитие свободной мысли. Ведь действительно, кризис современного христианства происходит именно от угнетения мысли, от недостатка духовного знания. В других своих работах она также многократно касалась

Интерьер Храма Книги

этих вопросов. Своими изысканиями она внесла огромный вклад в развитие новой исторической науки, построенной на новых принципах, ставящих во главу угла вопросы духа, духовного развития, а не материального улучшения существования людей. Е.И. Рерих высоко оценивала «Разоблачённую Изиду», многие любопытные сведения из этой книги она сообщала своим корреспондентам, а также советовала «ознакомиться с этим трудом, там приведено много интереснейших фактов и дано правильное освещение им» [15, т. VII, с. 376; 20.01.1947].

Очищение учений от вековых напластований — необходимый труд, и в этом труде участвуют все великие труженики Света. Сам Учитель Иисус назван великим религиозным реформатором, Адептом, пришедшим выправить неправильное понимание законов Моисея, провозгласить утерянные и забытые духовные истины, тем самым давая толчок для обновления сознания и скорейшего духовного развития.

Это было необходимо сделать, и Учитель Иисус совершил свой подвиг именно на переломе эпох — это было время зарождения новой пятой подрасы Пятой Коренной Расы и начала новой европейской истории. Эта была именно та эпоха, которую обозначили позже началом новой эры и которую можно назвать началом развития западной цивилизации. Те духовные истины, которые Иисус принёс

тогда в мир, были в некотором роде посланием будущим поколениям, они должны были составить духовные ориентиры для становления новой европейской культуры.

В те далёкие времена, более 2000 лет назад, Палестина стала тем духовным центром, от которого волна событий разошлась по всему миру и который в последующие века неоднократно оказывался в центре действия исторической драмы. Земной Иерусалим стал олицетворением священного духовного центра, Небесного Иерусалима, владение которым понималось слишком буквально.

И, конечно же, нет вины Великого Учителя в искажении тех духовных истин, которые он принёс в мир. Становление христианской церкви как учреждения пошло путём умаления Учения Иисуса, церковная догматика разрушила веру человека в своё бессмертие, в своё высшее «Я», внутреннего Христа каждого человека, она подорвала и нравственную свободу личности, затормозила развитие науки. Поэтому, как уже сказано, надо разделять духовное Учение Христа и догматическое учение церкви. Е.И. Рерих писала: «Христианство в его современной форме и Учение самого Христа — две совершенно разные вещи» [16, т. I. с. 239; 14.06.34].

В наше время история повторяется, опять внимание общественности в связи с находками древних рукописей, и не только с ними, направляется в палестинский регион, как бы возвращая сознание западного человечества к его истокам. Как когда-то зарождалась пятая подраза, так и сейчас зарождается шестая подраза Пятой Коренной Расы и даётся толчок для развития Шестой Коренной Расы. Виток спирали эволюции повторяется, раскрывая перед сознанием народов прошлые страницы в книге их жизни и давая напутствие на будущее развитие.

Е.И. Рерих продолжила начатый Е.П. Блаватской труд по очищению Учения Христа. Она писала в 1934 году: «Словесное признание и исповедание Христа — одно, но принятие сердцем и истинное следование Христу — совершенно другое. Истинный последователь Христа тот, кто признал Основы

Всемирной Доктрины, напитавшей Христа. Только такой последователь вступил в цепь духовной эволюции. Учение Христа тоже искажено до неузнаваемости, и пришло время очищения его. Наступил черёд христианскому миру сделать выбор своей кармы» [15, т. II, с. 126; 26.05.1934].

Обнаружение древних рукописей в Палестине надо рассматривать обязательно с точки зрения велений Новой Эпохи. Эти тексты призывают человечество ещё раз взглянуть новыми глазами на то, что в них сказано. Ещё раз вдуматься в слова, произнесённые древними пророками Израиля, и соотнести их с современностью. Рассмотреть в новом свете глубочайшие аллегории, находящиеся в священных писаниях. Важно, что помимо другой ценной информации древние свитки дают сведения и по важным христологическим вопросам. В целом они хорошо согласуются с теософскими источниками, которые заключают следующие выводы.

- Христианство — одна из форм развития Единой Духовной Доктрины и не является обособленным от других учений. Христианские идеи имеют аналоги в религиозных учениях и философиях всех других времён и всех других народов.
- Священное Писание христианства — Новый Завет — построен на основе сильно переработанных и искажённых версий более древних документов.
- Новый Завет — это не рассказ о конкретном историческом лице, а прежде всего аллегорическая форма повествования о духовном пути человека. Путь этот присущ как отдельному человеку, так и человечеству в целом.
- Все якобы реальные важные события из жизни евангельского Христа надо понимать как универсальные символы. Каждый из таких символов — это многослойная аллегория, которую надо прочитывать в определённом смысловом поле: астрономическом,

космологическом, антропологическом, духовном и психическом.

- Христос — не Бог, оторванный и недостижимый для человека. Любой человек в потенциале Христос.

Что касается истории Иисуса, то её надо искать не в Новом Завете, а в других источниках. Этими источниками, в частности, могут служить как древние еврейские книги, так, вероятно, и найденные в XX веке рукописи, а также некоторые эзотерические тексты.

Жизненный путь исторического Иисуса

Согласно талмудическим источникам, которые приводит Е.П. Блаватская, рождение Иисуса (Иешу, или Иегошуа) относят приблизительно к 120 году до н.э. Местом его рождения, по тем же источникам, является древний палестинский город Луд (Лод, или Лидда). Мнение, что Иисус родился в Вифлееме, а жил в Назарете, не подтверждается никакими историческими данными. Города Назарета в те времена вообще не существовало. Иисус был назарей, то есть член общины назареев, и в древних еврейских источниках он упоминается как Иешу ха-Ноцри. Неправильный перевод превратил его из *Иисуса назарея*, члена общины назаров, в *Иисуса из Назарета*.

Матерью Иисуса была еврейская женщина Мария, или Мириам. Что касается его отца, то версия, что им мог быть римский солдат Пантера (Пандира), сомнительна. Именно чтобы очернить происхождение Великого Учителя, выступившего против иудаистской ортодоксии, была выдвинута версия о том, что Иисус не чистокровный еврей. Нужно оговориться, что евреи не чистые семиты, в них течёт и арийская кровь, поэтому неудивительно, что у Иисуса были светлые волосы и синие глаза. В детстве и юности наставником мальчика был его двоюродный дед Иегошуа бен Перахия, который являлся большим мудрецом и наставлял своего внука еврейской

премудрости. Бен Перахия — историческое лицо, Пятый Председатель Синедриона. Он был вовлечён в один из религиозных конфликтов, сотрясавших Иудею тех лет. Скомпрометированный в ходе Фарисейского восстания против правителя Александра Ианнея в 105 году до н.э., он вынужден был бежать. С собой Бен Перахия взял юного внука, так Иисус оказался в Александрии — духовном центре египетских Мистерий. Там он некоторое время постигал тайную науку и был посвящён в египетские Мистерии. С изменением политической обстановки Иисусу и его деду удалось вернуться в Иудею.

Духовные общины в Палестине, Сирии и Египте были связаны друг с другом. Известно, что Иисус некоторое время обучался у ессеев, а также знал многие другие духовные сообщества. Так, Е.П. Блаватская писала, что Иисус был назареем, последователем учения назареев. «Назаретская секта существовала задолго до появления Моисеевых законов и зародилась среди людей, наиболее враждебных к “избранным” Израиля, а именно среди людей Галилеи... где была построена Назара, нынешний Назарет. Именно в Назаре древние назории или назириаты проводили свои “Мистерии Жизни” или “собрания”... которые были ничем иным как тайными Мистериями Посвящения» [3, с. 131]. Назареи называли себя Сынами Пророков и были халдейскими Посвящёнными. Они проживали по берегам Иордана и на восточном берегу Мёртвого моря за 150 лет до н.э.

Еврейское слово *назар* происходит от персидского «на-заруан», которое относится к халдейскому «Ветхому Днёми» — каббалистическому Эйн Софу, Единому Высочайшему Богу. Назары, или назареи, были служителями Единого. Воздержание, чистота, строгие предписания были в уставе их общины. К ним принадлежал Пророк Илия, а также известный евангельский персонаж Иоанн Креститель. Назареи носили длинное белое одеяние, как и жрецы ессеев, и не стригли волосы. Этому обычаю следовал и Иисус.

В Учении Живой Этики в книге «Надземное» имеется описание облика Иисуса. «Напомним ещё раз черты Его: волосы светло-русые и, действительно, довольно длинные, концы их несколько темнее, слегка волнистые, мелкими извивами, но пряди остаются заметны. Лоб светлый и широкий, но не видно морщин; брови несколько темнее волос, но невелики, глаза синие и подняты в углах, ресницы дают глазам глубину. Немного заметны скулы, нос небольшой и довольно мягкий, небольшой рот, но губы довольно полные. Усы небольшие, не закрывающие рта. Также борода небольшая и слегка раздвоенная на подбородке. Такие черты побуждали любить Учителя. Не столько красота, сколько выражение делало Учителя запоминаемым» [14, §159]. «Поразительные черты Великого Путника — глаза, лоб и светлые русые волосы. Так необычны эти черты среди местного населения, что они порождали нелепые рассказы, но нужно помнить, что люди всё поразительное пытаются извратить в нелепость» [14, §147]. В «Надземном» Учитель Иисус назван Великим Путником, и ему посвящены параграфы с 146 по 178.

В «Разоблачённой Изиде» Е.П. Блаватской также есть строки о внешнем облике Иисуса. «Волосы Иисуса описаны, как “волнистые и вьющиеся... спадающие на плечи” и разделены пробором посредине, как принято у назареев» [3, с. 150].

Однако Иисус не был в полном смысле ни назареем, ни есеем. Он был посвящён в Учение Братства Света, которое глубже всех тогда существовавших конкретных форм религиозных движений отражало Единую Истину. Хотя Иисус и оставил ессейскую общину после того, как пребывал там некоторое время, но именно в ней он вырос духовно и узнал многое из хранимой ессеями вековой мудрости.

Ессейское движение является сложным по своей природе, и учёные до сих пор не могут понять не только какова их религиозная принадлежность, но и к какому народу они

относились, не говоря уже об истории возникновения их общин. Вокруг братства ессеев существует много домыслов и нелепых утверждений. Как утверждают учёные, именно им принадлежала найденная в пещерах Мёртвого моря Кумранская библиотека. Большинство историков склоняется к тому, что, раз кумранские рукописи близки библейским, то ессеи были евреями-иудаистами, лишь с некоторыми отличиями от ортодоксальной веры. Кем же они были на самом деле?

Слово *ессей* — эллинизированный (греческий) вариант от еврейского «Аса», что значит «целитель». Действительно, ессеи были хорошими целителями и изучали науку о здоровье. Так как Иисус провёл значительное время, обучаясь у ессеев, то и он хорошо знал вопросы целительства.

Происхождение ессеев надо искать в глубине веков и далеко за пределами Палестины. Е.П. Блаватская так писала о них: «У ессеев ещё за два века до н.э. были свои великие и малые Мистерии. Они были изаримы, или Посвящённые, *потомки египетских иерофантов*, в стране которых они прожили несколько веков до того, как они были обращены в буддийское монашество миссионерами царя Ашоки, и впоследствии слились с ранними христианами; и они существовали, вероятно, до того, как старые египетские храмы были осквернены и разрушены беспрестанными вторжениями персов, греков и других орд завоевателей» [2, с. 241, прим.].

Когда в Египте наступили беспокойные времена для существования эзотерических школ, многие из них были перенесены в другие, более безопасные места. Египетские священные писцы и иерофанты вынуждены были скрывать свою Мудрость в горах и пустынях. Так возникли ессеи Мёртвого моря и горы Кармель. Они стали хранителями Древнего Знания. Именно из Египта была воспринята священная традиция трепетного отношения к рукописям, на основе которой возникла школа создания и переписки священных текстов, где обучались мастерству древние писцы. В Египте работа с текстами была привилегией

Кумран с высоты птичьего полёта

высоких жрецов. Если посмотреть на Кумранскую общину с этих позиций, то можно увидеть, насколько всё было продумано и отвечало цели сохранения и передачи Знания потомкам. Зная о грядущем разрушении своей общины, кумраниты очень планомерно и целе-

сообразно сделали всё для сохранения своей библиотеки. Тщательно упакованные в глиняные кувшины свитки были спрятаны в пещерах и пролежали там две тысячи лет, пока не были найдены и обнародованы. Потомки древних писцов вновь обрели записи, осталось только правильно прочесть эти Послания.

Что касается буддийского влияния в этом регионе, то оно неудивительно. Отношения между Адептами Египта, Греции, Палестины, Сирии, Персии, Бактрии и Верхней Индии были налажены очень хорошо. Западные Адепты часто путешествовали на Восток, а восточные — на Запад. Пифагор учился у мудрецов Востока, а Орфей пришёл из Индии и стал основоположником орфических Мистерий на Западе. В своё время Иисус также оказался в Индии, но это не было особенно удивительным, подобное путешествие предпринимали многие Адепты как до него, так и после. В свою очередь, последователи учения Будды не были чем-то исключительным в Палестине и других районах Средиземноморья. Они добирались даже до Ирландии. Основы Учения как западных, так и восточных Адептов были одни и те же.

Шёл широкий обмен знаниями и практиками. Именно буддисты принесли в Палестину идею монастырских общин и строгого соблюдения монастырского устава. Позже идея общины легла в основу и христианского монашества. Буддисты проповедовали духовную этику,

постулаты которой несколько столетий спустя проповедовал и Иисус. Кстати, женщины как у буддистов, так и у ессеев, что бы ни писали некоторые источники, были допущены к Посвящениям. Христианская же церковь отделила женщин от священства. Как и все буд-

Пещеры Кумрана

дисты, ессеи знали законы Кармы и перевоплощения. Иисус также следовал этим воззрениям. Ортодоксальное еврейство, в отличие от Каббалы, к тому времени уже утеряло это знание. Что касается христианства, то только с VI века н.э. концепция перевоплощения была полностью удалена из него.

Ессеев и назареев роднит то, что обе эти общины были близки единой Религии Мудрости, откуда черпали своё знание и последователи Будды. Палестинские подвижники выступали против идолопоклоннических обрядов и служения мёртвой букве. Вот почему их пророков часто побивало камнями невежественное население, подстрекаемое жрецами, создавшими себе доходную жизнь от народного суеверия. Не избежал этой участи и Иисус, подвергнувшийся поруганию людской чернью по наущению взбешённых священников, чью власть над слепым народом он попытался пошатнуть.

Таким образом, хотя ессеи и жили среди еврейских племён и писали и говорили на еврейском, или арамейском (но не только), судя по их идеологии, ессеев скорее всего надо отнести к международному братству Посвящённых, нежели к какой-нибудь конкретной национальной религии. Среди ессеев было много людей не еврейской национальности, и сами ессеи посещали общины других народов.

Конечно же, надо понимать, что любое духовное движение со временем теряет свою чистоту, не избежали

Сосуды-футляры для свитков

этой участи как назареи, так и ессеи. Но исследователи должны в своих изысканиях опираться прежде всего не на те источники, которые отражают упадок и деградацию общины и учения, а на то время, когда они наиболее чисто представляли идеи, заложенные в основание их

традиции. Если бы упадок не имел места, то ничего не надо было бы очищать. Иисус пришёл именно во время такой необходимости.

По мнению некоторых исследователей, кумранский Учитель Праведности и есть Учитель Иисус, в их учениях они находят достаточно много общего. Интересно, что ессеи называли своего наставника Учителем Праведности, или Учителем Истины, тем самым обозначая его миссию служения божественной Мудрости. Именно таким Учителем был и Иисус. Хотя он и находился некоторое время в среде близких ему по духу назареев и ессеев, но, как любой Адепт, он был духовно намного выше своих собратьев по общине, и миссия его была более глобальной. Если назареи и ессеи назывались Сынами Пророков, то Иисус сам был таким Пророком.

От ессеев и назареев со временем откололись новые религиозные сообщества, создав множество различных сект и групп. Они стали той основой, на которой развивалось раннее христианство. Но не разность названий этих духовных школ является существенной, а сущность их мировоззрения. Всех их можно разделить на тех, кто близок древней эзотерической Доктрине, и тех, кто довольствовался мёртвой буквой и далеко отошёл от первоначальных Основ.

Возвращаясь к истории жизненного пути Иисуса, надо отметить, что Иисус хорошо освоил традиции Египта и Палестины, своей родины. Он обучался и потом активно участвовал в духовно-религиозной жизни ессеев: соблюдал предписания и совершал

Кумранский свиток в футляре

обряды, среди которых были совместная трапеза и очистительные омовения. Иисус, что уже упоминалось, как и многие ессеи, был хорошим целителем. Кумранские свитки свидетельствуют, что некоторые практиковавшиеся ессеями ритуалы перешли впоследствии к христианам. Многие, что совершает евангельский Иисус, имеет своим прообразом обычаи есеевской общины.

Благодаря своим способностям и знаниям Иисус наверняка занимал высокое место среди есеевских братьев. Однако было и то, в чём он разошёлся с ними во мнении. Иисус, так же как и другие великие Адепты до него, горел желанием облагодетельствовать всё человечество, дать всем людям чистую, светлую религию, основанную на высокой нравственности, выдать предназначавшуюся им часть сокровенной истины перед новым циклом развития.

Для продолжения духовного обучения и подготовки к самой ответственной ступени своей миссии Иисус отправляется на Восток к индийским мудрецам. Там он находится достаточно долго, не менее 7 лет.

Существование индийского периода в жизни Иисуса подтверждают несколько источников. Это апокрифическое *Тибетское Евангелие* («Тибетское сказание об Иисусе Христе»), найденное в одном из монастырей Ладака русским исследователем Н. Нотовичем в 1887 году и изданное в 1894 году на французском, а затем в 1910 году

*В.В. Верецагин. Монастырь Хемис
в Ладакхе. 1875. В этом монастыре
хранилось Тибетское Евангелие*

на русском языках. Как свидетельствовали ламы монастыря, это предание было записано в Индии на языке пали в середине I века н.э. со слов людей, встречавшихся с Иисусом в Индии, а также индийских купцов, торгующих с Палестиной. Затем эти сказания были пере-

ведены на тибетский язык, Н. Нотович видел копии переводов.

Н.К. Рерих во время пребывания в Ладаке в рамках Центрально-Азиатской экспедиции подтвердил существование этих манускриптов. По его мнению, они относятся к V веку н.э. и связаны с несторианами — последователями Учения Христа в Азии. Е.И. Рерих писала по этому поводу: «Я не сомневаюсь, вернее, знаю, что Христос был в Индии, но учёные-востоковеды, поддержанные представителями церкви, яро отрицают эту возможность» [15, т. VI, с. 31; 08.02.1938]. Пребывание Иисуса, Иссы, как называет его Тибетское Евангелие, в Индии и его обучение у Махатм подтверждает, что он действительно является величайшим Адептом мирового значения.

Е.И. Рерих сообщает некоторые сведения об этом пребывании. «Мы знаем, что Иисус также учился и у Великого Мудреца Востока Россула Мориа и пробыл у Него не менее 7 лет. После чего они вместе путешествовали по Индии, а затем Иисус направился с благословения Вл[адыки] М[ории] в свою страну» [17, с. 421; 13.04.1953]. Об этом также можно прочитать в «Криптограммах Востока». Таким образом, в Гималайских ашрамах Иисус продолжил своё духовное становление и по завершении его отправился к себе на родину. Ещё в Индии он начал свою проповедь

Н.К. Рерих. Перекрёсток путей Христа и Будды. 1925

об общине мира. И именно после Индии наступило время его Страстного пути.

Крещение Иисуса

По возвращении Иисуса на родину произошло событие, представленное в Евангелиях как Крещение от Иоанна. То, что Иисусу в это время было тридцать лет, не подтверждается никакими достоверными источниками. По мнению некоторых авторов, ему тогда могло быть уже больше сорока лет, может быть, 42. Это не соответствует традиции, но на самом деле такой возраст Иисуса более правдоподобен, если учесть все его деяния, а самое главное — ту духовную подготовку, которую он прошёл в закрытых школах Сокровенного Знания. Нельзя стать Адептом быстро, нужны годы и годы оккультной учёбы.

Теософские источники также указывают на более зрелый возраст Христа, когда он принимал Иоанново Крещение. Е.П. Блаватская отмечает, что «каббалисты говорят, что Иисусу было более сорока лет, когда он впервые появился у врат Иерусалима» [3, с. 135, прим.]. Не только каббалисты, но и ранний христианский писатель Иринеи Лионский (ок. 130–200) упоминал, что Иисус был довольно взрослым человеком, когда проповедовал учение. Да и в

самих Евангелиях имеется следующее выражение: «На это сказали Ему иудеи: “Тебе нет ещё пятидесяти лет, — и ты видел Авраама?”» [Иоанн: 8:57]. Обычно так говорят человеку, перешагнувшему свой сорокалетний рубеж. Отсюда опять напрашивается соответствующий вывод: как и многое другое в Евангелиях, возраст Христа в 33 года надо понимать аллегорически.

Наиболее острые споры велись относительно факта тех изменений, которым подверглась внутренняя природа Иисуса. Эзотерическое Учение способно в какой-то мере осветить проблему духовной трансформации под воздействием слияния сознаний земного Посвящённого и Высокой Божественной Сущности. Эта доктрина, конечно же, была наиболее сокровенным и ревниво охраняемым знанием. Как сказано, «Танаимы сообщали его своим избранным, изаримам, в торжественном уединении криптов и пустынных мест» [3, с. 152]. Гностики также знали эту доктрину, утверждая, что Иисус был человеком, осеняемым божественным Духом — Христом. Иисус — именно человек, ставший благодаря своим духовным заслугам обиталищем божественности, в силу чего он мог проявлять божественную мудрость и выявлять божественные силы. Церковное богословие не восприняло это знание, результатом чего стал догмат о едином Сыне Божиим Иисусе Христе, о его исключительности и недосягаемости для остальных смертных. Тем самым не только были умалены высокодуховные идеи древних учений, но и человечество получило ущербную религиозную систему, отделяющую его от божественной эволюции.

Мы должны понимать всю сложность и сокровенность данного явления: Учитель Иисус, великий Адепт, соединивший свою личность (Сына) с индивидуальным божественным духом (Отцом) и ставший Христо-человеком, и Величайшая Индивидуальность, которую мы называем Христом, слились в одном проявлении. Естественно, были великие космические причины, почему понадобилась такая трансформация. Если об Учителе Иисусе мы можем, хоть и фрагментарно, изложить ряд фактов из

его истории, то Тайна Христа может быть вполне раскрыта только в будущем, при новом уровне сознания земного человечества. Только крохи знания сообщены нам по этой теме.

Так, в истории с Иисусом мы сталкиваемся с таинственным явлением нисхождения божественного Существа, Великого Духа, который осеняет человека и работает на плотном плане через его физический проводник. Восточная метафизика такое божественное воплощение обозначает санскритским термином *Аватара*. Аватары приходят на переломе циклов человеческой истории с целью усиления духовного влияния на людей и предоставления готовым сознаниям эволюционных возможностей для перехода в новый цикл развития. Приход Аватара — это великое Таинство, которое становится возможным при сопряжении множества условий и земных, и космических, как это было в случае Иисуса, а ещё раньше в случае других божественных нисхождений. Как утверждает Сокровенная Доктрина, к таким проявлениям неприменимы обычные законы перевоплощений и кармы, так как они находятся «за пределами цикла общих перевоплощений» [2, с. 317], которым подвержена основная масса людей.

Осеняющим Иисуса был тот Высочайший Дух, которого называют Дхиани-Будда, Дхиан-Коган, Кумар, или Планетарный Ангел. Этот Высочайший Сын Света закончил свой цикл обычных человеческих воплощений в предшествующей Манвантаре и, находясь в высокой сфере, не может иметь собственного тела, пригодного для проявления в нашем земном мире. Поэтому когда требуется Его проявление, высокий Адепт предоставляет свой земной проводник, становясь носителем божественного Присутствия.

Индусская философия содержит знание о Вишну, который, с одной стороны, является великим духовным Принципом, содержащим в себе «семена» аватаризма, или причину и энергию проявления всех Аватаров. Как сказано,

«Все Спасители Мира, Бодхисаттвы и Аватары, суть деревья спасения, выросшие из единого семени, Биджи, или Маха Вишну» [2, с. 316]. Это семя ещё называют, согласно «Тайной Доктрине», Ади-Будда — Первоначальная Мудрость.

С другой стороны, Вишну — один из первоначальных Семи Сынов Света, Семи Пламён, Дхиан-Коганов, который направляет духовную эволюцию данной Манвантары. Каждый раз, когда наступают переломные этапы эволюционных циклов и духовность падает, происходит нисхождение Высокого Духа через Аватара. Поэтому все «Аватары представляют собою одно и то же: Сыновей их “Отца” по прямой линии происхождения; “Отец” или одно из Пламён становится до поры до времени Сыном, и эти два суть одно — в Вечности» [2, с. 317]. Кришна, Зороастр, Готама, Иисус — каждый рождались в своём веке, все они становились обиталищами божественного Присутствия, следуя одним и тем же божественным законам. Вот что говорит индусский Аватар Кришна своему ученику Арджуну:

*«Я Атман, нерождённый, непреходящий, Я существ владыка,
И всё же, превосходя свою природу,
Я рождаюсь собственной майей.
Всякий раз, когда ослабляется дхарма
И беззаконие превозмогает, Я создаю себя сам, Бхарата.
Для спасения праведных, для гибели злодеев,
Для утверждения закона из века в век Я рождаюсь.
Дивно моё рождение и Моё дело» [21, с. 104].*

Эта доктрина была хорошо известна на Востоке. Знали её и гностики, которые почерпнули свои гностические идеи из восточной метафизики. Так, гностик «Керинф учил, что после того, как мир и Иегова отпали от добродетели и первоначальной чистоты, Всевышний разрешил одному из блистательных Эонов⁸, чьё имя было “Помазанный” (Христос), воплотиться в Иисусе» [2, с. 517, прим.].

---

⁸ У гностиков греческое слово «эон» использовалось для обозначения божественных небесных Существ, Ангелов и Гениев. В восточной эзотерической доктрине Эоны тождественны Дхиан-Коганам.

О духовной трансформации, которой подвергся Иисус перед последним этапом своего служения, Е.И. Рерих писала так: «Интересен упоминаемый гностиками факт воплощения в Иисуса перед выходом Его на проповедь Величайшего Духа, который дал всё Учение и принял позорную смерть. Это — истина. Христос был Величайшим. Любя Его, мы любим всех Великих Учителей человечества. Он истинный Мессия всех народов и Великий Аватар Вишну в нашей Манвантаре» [15, т. VIII, с. 131; 18.11.48]. Продолжая тему Христа, Е.И. Рерих писала: «Несомненно, каждый народ ожидает своего Мессию и в том Облике, который ему ближе. Но Мессия — Един, ибо все земные Облики Его нанизаны как бусы одного ожерелья. Так, Будда, Христос, Майтрейя — Единое Величайшее Эго, Существо, стоящее во Главе Иерархии Света, во главе нашей Манвантары, и проявлявшееся многократно во всех расах как Законодатель, Вождь, Учитель и Спаситель.

Каждый народ, каждый почитатель может видеть своего Мессию в том Облике, к которому он привык и в котором он хочет видеть Его. Мысль творит, и Высокие Духи могут принимать любой из своих Обликов. Закон отображения точен в мире Тонком, мире Мысли. “Как позовёшь, так и откликнется”.

Припомните... прекрасную библейскую легенду о Лестнице Иакова — эта лестница существует в мире Высшем во всём её Величии и Красоте как Солнечная Иерархия нашей Солнечной системы. Великий Мессия — Майтрейя, или Аватар Вишну, есть Солнечный Иерарх.

Дух Аватара воплощается на Земле, когда духовность падает и надо дать новое Провозвестие человечеству. Так и Кришна, и Зороастр, и Будда, и Христос, и Майтрейя дают Великое Учение новой расе, отбирающейся среди хаоса и бедствий расы уходящей» [15, т. VIII, с. 161; 18.12.1948].

Таким образом, Христос есть Дхиан-Коган, Кумар, один из Семи Сынов Света, Величайший Дух, направляющий

нашу земную эволюцию. Согласно Е.И. Рерих, Великий Владыка Христос пришёл с Венеры на заре зарождения физического человека. Поэтому Он является Божественным Прародителем и Наставником земного человечества [15, т. III, с. 541; 24.09.1935].

Имеется ещё одна интересная цитата из писем Е.И. Рерих: «Так Иисус из Назарета может оказаться Солнечным Иерархом, пройдя через такие смены облика, как облик Кришны, Зороастра, Моисея, Будды, Христа, не считая другие меньшие, которые в своём самоотвержении эти величайшие Духи принимали, чтобы ещё ближе подойти к человеку и поднять его и его страну» [15, т. VIII, с. 459; 26.12.1950].

Сокровенное учение о нисхождении божественной Сущности на смене веков церковное христианство приносило и искажило, затемнив её содержание малопонятным явлением Духа Святого в виде голубя во время иорданского крещения Иисуса. Величественная доктрина *циклического* проявления Аватара была заменена представлением об однократном акте Боговоплощения, уникальном и отличаемом даже от так называемого Второго Пришествия Христа, тогда как эти два явления имеют одну и ту же метафизическую основу.

Таким образом, последний этап в жизни Иисуса был особенным. После вхождения в него Духа Христа его по праву можно было уже называть Иисусом Христом. Именно с этого момента он начал проповедь Нового Учения и обличение надуманных религиозных догм, сдерживавших эволюцию духа. Его Благая Весть послужила хорошим импульсом для развития духовной мысли. В особенности её подхватили многочисленные гностические школы, которые восприняли её как близкую своему знанию.

Привычное для нас словосочетание «Иисус Христос», как показывает Е.П. Блаватская, может быть объяснено с каббалистических позиций. В этом случае не только слово «Христос», но и «Иисус» не связывается с именем

конкретного человека. В Каббале понятие *Иеш* имеет значение огонь, солнце, божество, человек. С этим понятием связано имя египетской богини Исиды (Isi-s). В греческом языке эквивалентом «Иеш» является *Jes-us*, что тождественно имени Иисус. Исходя из этих рассуждений, можно сделать вывод, что «Иисус Христос» — это не только конкретное, относящееся к определённому лицу имя, но и ещё метафизическое понятие. Следствием этого является тот факт, что произнесение словосочетания «Иисус Христос» придаёт всем молитвам Иисусу Христу оккультный смысл, который выходит за рамки христианства.

Казнь Иисуса

Яркое религиозно-духовное выступление Иисуса, а также критика им ортодоксального еврейского священства, забывшего Мудрость своих Пророков, навлекли на него ненависть и предательство. В конце концов, Иисус был схвачен и казнён. Об этом трагическом событии Е.П. Блаватская пишет: «Согласно раввинской традиции, зафиксированной в вавилонской “Гемаре” под названием “Сефер Толдош Иешу”... обвинённый иудеями в колдовстве, которому обучался в Египте, и в похищении из Святая Святых Непроизносимого Имени, Иегошуа (Иисус) был приговорён к смерти Синедрионом в Луде. Его забросали камнями, а затем распяли на дереве в канун праздника Песах (Пасха)» [5, с. 242, прим.]. О распятии (повешении) на дереве можно найти также и в Новом Завете [Посл. Галатам 3:13; Деяния Апостолов 5:30; 10:39]. Казнь Иисуса была проведена в соответствии с еврейским законом.

Город Луд (по-гречески Лидда, или Лидия) — очень древнее поселение, по преданиям существовавшее уже в XV веке до н.э. Луд расположен на перекрёстке торговых путей недалеко от Иерусалима. Для нашего исследования важно то, что он был центром еврейской учёности, здесь базировались каббалистические школы, в которых преподавали известные учителя. С этим городом, как указывают

исследователи, связывается деятельность рабби Элиазара бен Гиркана, рабби Акибы (15–135(?)), автора «Сефер Иециры», и даже Симеона бен Йохая (I–II вв. н.э.), который, если верить текстам «Зогара», записал этот мистический трактат как раз возле Луда. Именно в этом городе произошла казнь учёных каббалистов, которая описана в Евангелиях как «избиение младенцев» царём Иродом.

Как известно из эзотерической литературы, «младенцами», или «малыми детьми» называли Посвящённых. Е.П. Блаватская пишет, что «таково было имя, даваемое в древней Иудее Посвящённым, называемым также “невинными” и “младенцами”, то есть ещё раз “рождёнными”». Этот ключ открывает одну из тайн Нового Завета: избиение Иродом 40 000 “невинных”. <...> В Новом Завете Ирод представляет Александра Януса (из Лидии), преследование и избиение которым сотни и тысячи Посвящённых привели к принятию библейского [евангельского — прим. авт.] повествования» [1, т. II, с. 632–633, прим.]. К «малым детям» принадлежал и сам Иисус, отсюда и его слова в Евангелиях: «Кто не примет Царствия Божия как малое дитя, тот не войдёт в него» [Марк 10:15]. Как «малое дитя» упоминается в Талмуде и апостол Павел, который, согласно сокровенным источникам, был Посвящённым.

Традиция казнить Посвящённых в Луде продолжилась и в случае с Иисусом. И нет ничего удивительного, что религиозного реформатора казнили в одном из центров иудаистской ортодоксии.

Справедливо возникает вопрос: а как же Иерусалим со всеми его святыми местами, так или иначе связываемыми с казнью Иисуса? Тем, кто хорошо усвоил аллегорический характер Евангелий, будет просто ответить на этот вопрос. Обожествление земного Иерусалима произошло по причине перенесения на него великого символа Небесного Иерусалима как важного духовного центра. Да, действительно, евангельский Иисус Христос должен был принять свою смерть, полную мистического смысла,

именно в священном центре, каким считался Иерусалим.

Чтобы лучше понять, почему евангельская драма должна была обязательно разыграться в Иерусалиме, нужно опять рассмотреть проблему интерпретации священных текстов. Обратимся к трудам *Оригена* (185–254), великого философа раннехристианского периода, знатока гностической философии. Он в последней части своего трактата «*О Началах*» пишет о том, как надо понимать Священное Писание. Продолжая экзегетическую традицию апостола Павла, как

Ориген

он его называет, «Провозвестника Премудрости», то есть Адепта Религии Мудрости, хорошо знавшего науку аллегорий, Ориген приводит многочисленные указания этого апостола о духовном понимании главных понятий священных текстов. Такие имена и названия, как Израиль, Египет, Вавилон, их народы, имена главных Пророков, цари Давид и Соломон, храм Соломона, Иерусалим и многие-многие другие важные смысловые единицы надо понимать в духовном смысле как принадлежащие не только конкретному одному-единственному народу, но всему человечеству и всей человеческой истории.

Вот слова Оригена: «Желая как бы приподнять от земли и возвысить наше разумение, апостол говорит в одном месте: “посмотрите на Израиля по плоти”. Этими словами он указывает, конечно, то, что существует другой Израиль — Израиль не по плоти, но по духу. И в другом месте он говорит “и не все те израильтяне, которые от Израиля”» [23, 4:21(Р), с. 283]. Вот ещё цитаты из Оригена: «Мы должны думать, что все предсказания об Иерусалиме

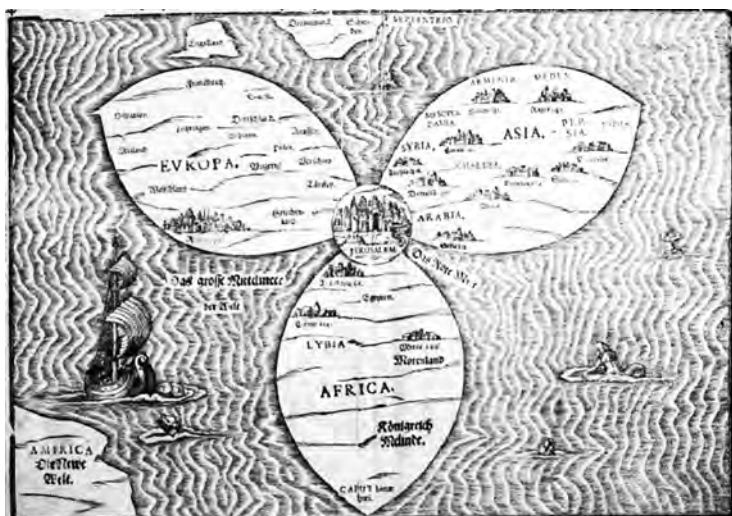
и повествования о нём Писание возвещает о небесном городе и обо всей стране, заключающей в себе города небесной земли» [23, 4:22(Ф), с. 283]. «Итак, мы научены апостолом, что есть один Израиль по плоти, а другой — по духу. Поэтому, слыша слова Спасителя: “Я послан только к погибшим овцам дома Израилева”, мы понимаем эти слова не так, как мудрствующие о земном... но мы разумеем, что существует некоторый род душ, называемых Израилем, сообразно со значением этого имени, — ибо Израиль означает: “ум, видящий Бога” или “человек, видящий Бога”. Подобное же апостол открывает ещё об Иерусалиме, говоря, что “вышний Иерусалим свободен: он — мать всем нам”. И в другом своём послании он говорит: “но вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живого, к небесному Иерусалиму” и множеству ангелов славословящих, к “церкви первенцев, написанных на небесах”. Итак, если в этом мире есть некоторые души, называемые Израилем, а на небе есть какой-то город, именуемый Иерусалимом, то, следовательно, небесный Иерусалим служит столицей тех городов, которые, как говорится (в Писании), принадлежат к израильскому народу. <...> Таким образом... все повествования и предсказания об Иерусалиме, согласно учению Павла, мы, конечно, должны понимать в отношении к тому городу, какой он называет небесным Иерусалимом» [23, 4:22(Р), с. 284–285].

Таким образом, следуя традиции раннехристианских философов, таких как Ориген, мы должны прочитывать Священное Писание, думая о категориях прежде всего священной истории всего человечества, а потом уже конкретного народа.

Выводы Оригена подтверждает Е.И. Рерих: «Израиль не означает, непременно еврей, но буквальный перевод этого слова — избранный» [15, т. IV, с. 123; 30.03.1936]. «Избранным или израилем называется каждый непредубеждённый и чистый ум, чтущий древнее Откровение, или единый Источник всех религий и философий» [16, т. II, с. 262; 9.12.1936]. «Израиль может встречаться во всех

народах» [15, т. IV, с. 245; 22.06.1936]. «Новый Иерусалим не означает непременно Иерусалим в Палестине. Сокровенный язык всегда пользовался символами. Имеется Иерусалим Небесный — Обитель Светлой Иерархии — и Иерусалим земной, и быть ему на том месте, которое на протяжении всех земных катаклизмов оставалось нетронутым» [15, т. IV, с. 123; 30.03.1936]. «Новый земной Иерусалим не в Палестине, но пока место его не может быть названо» [15, т. IV, с. 245; 22.06.1936].

Христианская практика почитания мест, связанных с казнью Иисуса Христа, складывалась постепенно. Интересно, что ранние христиане не проявляли интереса к местам, связанным с земным путём Иисуса, как они представлены в известных нам Евангелиях. Только с утверждением христианства как государственной религии Римской империи в IV веке, то есть спустя четыре столетия после гибели Иисуса, было положено начало такого почитания. За эти четыре столетия Палестина претерпела множество войн и восстаний, которые сильно изменили всю местность. В 70 году римляне разрушили Иерусалим до основания, после чего еврейское государство прекратило своё существование. Несколько десятилетий на месте разрушенного Иерусалима ютилось убогое поселение римского гарнизона. Только в 130 году был возведён новый город, который носил название Элия Капитолина. Это был провинциальный населённый пункт Римской империи, и он был, конечно же, не таким, как во времена Иисуса. В IV веке при императоре Константине Иерусалим начал обустриваться как священный город христиан. Современная историческая наука не располагает какими-либо достоверными знаниями, которые бы подтверждали, что почитаемые ныне христианским миром святые места действительно связаны с Иисусом Христом. А как иначе? Наука не знает ничего и об историческом Иисусе Христе, а следовательно, не знает и тех мест, где проходила его жизнь. Эзотерические же источники указывают на совершенно другую историю, нежели та, которая

Карта XVI века, изображающая Иерусалим как центр мира

описана в Евангелиях. Исходя из них, мы имеем другие данные как по годам жизни Иисуса, так и по географическим местам, где разворачивались события его жизни.

Тогда как же мы должны рассматривать тот факт, что миллионы паломников уже многие века стекаются в Палестину на христианские праздники в так называемые священные места христианства и участвуют в различных ритуалах прославления христианского Бога? В оправдание верующих (и христианских, и других), совершающих паломничество, можно сказать следующее. Они чтут прежде всего евангельского Христа, а не исторического Иисуса. Искренняя вера соединяет их с категориями духовной реальности, в которой географическое местоположение, как и временной фактор, не играют ключевой роли. Их физическое поклонение является следствием их духовной практики. Конечно же, наложение психической энергии определённого качества, соответствующее христианской символике, очень важно. Но, поклоняясь Гробу Господню в Иерусалиме, осознавая то или не осознавая, они чтут прежде всего не камни, а событие именно духовной реальности, и это почитание терафимирует, освящает и сами камни, само пространство, которые, хотя и

не были прямыми свидетелями, но стали притягательными магнитами благодаря наслоению мыслей, психической энергии искренне верующих. Духовное пространство — там, где люди создают его, и оно не зависит от географических и временных параметров. Эти места действительно святы, благодаря людям,

Современный сувенир, отражающий идею Иерусалима как священного центра

почитающим их, они соединяют их именно с той другой, духовно-религиозной реальностью, которую эти люди представляют в своём воображении. Кроме того, современные места христианского поклонения если и не связаны с историческим Иисусом, то связаны с объектами древних Мистерий. Так, пещера Вифлеема — это пещера Мистерий Адониса, город Назарет, как уже было упомянуто, место проведения Мистерий Жизни древних назаров, а река Иордан — место проведения их очистительных обрядов. Кстати, Адонис, как и Христос, был Солнечным богом, он каждый год умирал и воскресал вновь.

Заметим, что мы не знаем также и точных дат рождения, смерти и других важных событий в жизни Иисуса, но это не мешает нам отмечать их, привязав эти события к солнечному годовому циклу. Причём разные христианские конфессии празднуют их не в один день. Таким образом, существует не только условность географическая, но и хронологическая. Но разве от этого значение праздника становится меньше? В книге «Надземное» приведены следующие слова Великого Учителя относительно дат почитания Великих Героев, Братьев Света: «Они являлись на Землю под особым Лучом, и потому рождение Их соединялось с некоторыми легендами. Не будем нарушать эти сказания, они поднимают торжественность и помогают воспринять

Иерусалим. Старинное фото

Великие Облики. Мы не поправляем сроки, условно установленные. Со своей стороны, Мы посылаем добрые мысли к Празднику человечества» [14, §125].

В Учении Живой Этики говорится о принципе экстериоризации [12, §174], согласно которому важны не конкретное географическое место и время развития события, а прежде всего идея, которая осуществляется теми или иными деятелями. В случае христианства важна именно та Благая Весть, которая была принесена в мир Христом и утверждение которой потребовало такой Великой жертвы. «Несомненно, Жертва Христа, принятие Им крестной смерти за принесение Учения Света, имела великое значение для всего человечества на всех планах бытия» [15, т. III, с. 718; 28.12.1935].

В связи с нашим исследованием важно решить для себя следующий вопрос. Могут ли новые данные об историческом Иисусе поколебать основы христианства? Если иметь в виду подлинное христианство, то конечно же нет. Это подлинное христианство как путь восхождения Духа существовало всегда, оно существовало до исторического Иисуса, и в принципе почти всю картину христианского вероучения можно выстроить и без знания о его жизни. Ведь известно, что большую часть своего Учения Христос дал, находясь в Тонком мире, то есть отсутствуя в земной истории телесно. Важен факт проявления Высокого Духа, Христа. Он стал тем, кто дал импульс развитию новой ступени Сокровенного Знания. Он тот, кто напитал своей

энергией на многие века вперёд западный мир, которому суждено было открыть новую страницу своей истории и культуры.

Из Палестины, где развиваются евангельские события, христианство переносится в Европу и распространяется далее по всему миру. Так начался новый этап истории. В связи с этим полезно знать, как был установлен рубеж между старой и новой эрами.

Летоисчисление «от Рождества Христова», положившее границу между историческими временами, стало воистину значительным поворотом в мировой истории. Мало кто знает, что такое летоисчисление установилось только в VI веке. А до этого каждое государство чаще всего вело отсчёт по годам царствования того или иного правителя. Государства и народы были разрознены, новое же летоисчисление позволило говорить о единой истории человечества.

Издревле религиозно-мистическая жизнь всех народов связывалась с весенним пробуждением природы, когда весеннее солнце возрождало из зимней спячки всё живое. Астрономически это увязывалось с весенним равноденствием. Однако древние брали в расчёт не только Солнце, но и Луну, повсеместно использовали лунно-солнечные календари. С архаических времён было известно, что 19 солнечных лет соответствуют 235 лунным месяцам. Именно на основании лунно-солнечных календарей и рассчитывали праздник весеннего солнца, или Пасху. Важность этого астрономического события для жизни землян была столь велика, что к этой дате привязывались самые значимые события в жизни того или иного народа. Христианство вложило свой смысл в этот космический праздник, связав с ним празднество Христова Воскресения, ещё раз показав, во-первых, насколько христианство в своих датах, образах и символах близко древним обычаям, и во-вторых, показав отождествление Христа с Солнцем.

Революцию в историческом исчислении произвёл монах Дионисий Малый, который при вычислении пасхальных дат

заметил дату, когда один 19-летний цикл солнечно-лунного календаря заканчивался, а другой начинался. Один из таких рубежей он и связал с годом Рождества Христова. В его время исчисление проводилось по так называемой эре Диоклетиана, что в глазах церкви было малозначимым, вот Дионисий Малый и заменил 248 год Диоклетиана на 532 год от воплощения «господа Иисуса Христа».

Более того, этот временной рубеж был приурочен к дате 4320 лет, якобы прошедших от сотворения мира. Конечно, христианские богословы хотели показать, что рождение их Бога является космическим, астрономическим и пророчески-предопределённым событием. Такая хронология, какой бы странной она ни казалась в глазах европейских исследователей, хорошо соотносится с индусским знанием о продолжительности Юг, или Дней Браммы, которые, так же как и Ночь Браммы, равняются 4 320 миллионам лет. Этот период соответствует продолжительности Пралайи, после которой начинается отсчёт новой Манвантары. Отзвук этого знания и отразился в выборе нулевой отметки христианского летоисчисления, которая на своей собственной шкале является хронологическим аналогом начала некоторого манвантарного цикла. А рубеж между так называемыми старой и новой эрами соответствует рубежу между как бы малыми пралайным и манвантарным циклами для западного мира. Таким образом, новое летоисчисление хорошо вписалось в универсальную шкалу отсчёта планетарных циклов. Это ещё раз говорит в пользу того, что дата рождения исторического Иисуса скорее всего иная, нежели нулевая отметка христианского летоисчисления.

Приурочивание же дня рождения Иисуса Христа к 25 декабря, то есть ко дню зимнего солнцестояния, тоже становится понятным путём аналогичных рассуждений. Этот день связывается с известным астрономическим явлением, зимним солнцестоянием, и имеет важное эзотерическое значение. Дата 25 декабря отвечает сокровенному исчислению, только уже на шкале годового солнечного цикла.

Таким образом, дата рождения Христа как по дню года, так и по самому году соотносится с отметкой на универсальной шкале космических циклов, а не с датой рождения конкретной личности.

До Рождества Христова день 25 декабря был днём рождения солнечных богов. В Римской империи это был Митра. С утверждением христианства его заменил Христос. Е.П. Блаватская пишет: «“Солнце Праведности и Спасения” ещё раз восстало и рассеяло тьму хаоса и Не-Бытия на плане нашей объективной маленькой Планеты и Цепи. Раз предмет почитания был установлен, легко было принорочить предполагаемые события его рождения и смерти к требованиям Зодиака и к старым традициям, хотя, конечно, для этого случая пришлось их несколько переделать» [1, т. I, с. 822].

Воскресение и Вознесение Христа

Не только земная жизнь Иисуса Христа, но и смерть, и события, последовавшие за ней, обросли несуразными трактовками. Согласно Е.И. Рерих, смерть Иисуса была необходимым завершающим аккордом его земной Миссии — принесения Учения Света, говорящего о существовании жизни после телесной смерти. Именно Иисус подвигом своей жизни и смерти запечатлел доктрину существования Тонкого мира и продолжения жизни духа в нём. В Живой Этике сказано: «Можно указать, почему Учителя Знания страдали, уходя с Земли. Конечно, это страдание сознательное и добровольное. Как хозяин наполняет до краёв чашу, так и Учитель хочет запечатлеть последний знак Завета» [13, §8].

Желая показать силу духа над физической материей, Христос смог сделать то, что не удавалось никому до него. Е.И. Рерих пишет: «После своего распятия Христос разложил своё физическое тело на атомы, потому тело его не было найдено. Высокий Дух в тонком теле, очищенном огнём психической энергии, освободившись от физической

оболочки раньше срока (то есть раньше положенного ему естественного срока смерти), владеет необычайной силою на Земле. Мощь эта могла сжечь целую страну, но Христос уничтожил или разложил на атомы только своё физическое тело. Такое действие явилось тогда величайшим достижением, ибо никто раньше не мог достичь такой силы огненной энергии на Земле. Это достижение осталось единственным по силе, утончению и красоте» [15, т. VIII, с. 130–131; 18.11.1948].

В настоящее время учёные вновь обратились к исследованию так называемой Туринской плащаницы, якобы погребальной пелены Христа, чтобы более точно узнать её возраст. Сам факт большого интереса к истории Плащаницы также говорит об особом времени, которое мы сейчас переживаем. Так же как и кумранские свитки, Туринская плащаница обращает наш взор на тот важный период истории, когда христианство только зарождалось. Установление точной датировки Плащаницы при помощи современной техники будет правомерным только тогда, когда исследователи не будут идти путём подтягивания экспериментальных данных к евангельским датам, которые, как мы уже убедились, надо понимать как условные.

Воскресение и Вознесение Христа также надо интерпретировать в духовном смысле. Как пишет Е.И. Рерих, «совершенно дико представить себе, что Христос думал доказать существование загробной жизни тем, что, подвергнув себя мучительной смерти, снова ожил бы в том же теле! Нет, не бессмысленное воскресение в физическом теле было целью Христа! *Христос хотел доказать сознательное существование человека в Надземном мире и в оболочке, соответствующей тому Миру.* <...> Так и вознесение, конечно, совершилось в огненном апофеозе тонкого тела. <...> Конечно, тело тончайшее, или “Тело Славы”, как называет его Ап[остол] Павел, не распыляется, но остаётся облачённым в сублимированную ткань Материи Люциды и пребывает на соответствующем плане Бытия» [15, т. VIII, с. 130–131; 18.11.1948].

Относительно Вознесения Е.П. Блаватская писала: «Легенда о вознесении — не более чем метафора, старая как мир; воспринимать её буквально значит признавать также и подлинность вознесения Илии, который был живым увлечён в космическое пространство, вместе с конями и колесницей» [7, с. 192, прим.].

А вот что пишет Е.И. Рерих о Воскресении: «Мы знаем, какое значение придавалось последователями Христа возможности Его воскресения на третий день, и они были правы, ибо одним из заданий Христа было доказать своим ученикам переживание⁹ человека душевного и бессмертие духа. <...> Христос, говоря о своём воскрешении, имел в виду не свой сознательный переход в Тонкий мир, но, именно, своё *появление в тонком теле среди физических условий*. Конечно, такое появление физически умершего человека в материализованном тонком теле явилось ярким доказательством воскрешения Его и укрепило в учениках веру в Его Учение» [15, т. V, с. 304–306; 27.11.1937].

«Сейчас никто из интеллигентных или просвещённых людей не сомневается, что Христос воскрес не в своём физическом теле, но в теле тонком, или теле Света. Не Апостол ли Павел подтверждает это своими неоднократными речениями: “Тленное не может стать нетленным” или “Не умрём, но изменимся” и т.д. Также в Евангелиях подчёркивается, что Христос после своей крестной смерти или своего воскресения обычно при появлении своём становился видим внезапно и так же внезапно исчезал. Именно эти внезапные появления и исчезновения (как теперь это научно установлено) так характерны для временной материализации тонкого тела. В гностической литературе можно найти указания, что именно во время таких появлений Христос передавал ученикам тайны потустороннего мира» [15, т. V, с. 317; 3.12.1937].

---

⁹ В старой лексике «переживание» (англ. *survival*) могло означать, как здесь, «продление жизни после смерти» (кого-то или чего-то), здесь — жизнь человека душевного после смерти физического тела.

Роль Апостола Павла в развитии христианства

Основная работа по развитию и оформлению Учения велась уже *после* смерти Христа. «Христианство, — как пишет Е.И. Рерих, — утвердилось, главным образом, на посмертных появлениях Христа ученикам» [15, т. V, с. 317; 3.12.1937]. Одним из таких учеников был Павел, и он сыграл ключевую роль в развитии нового учения. Евангелие приводит его слова: «По милости Божией, которая дана мне, как мудрому мастеру-строителю, я заложил основание» [1 Кор., 3:10]. То же утверждает и Е.П. Блаватская, когда пишет: «*То был не Иисус, но Павел, кто является настоящим основателем христианства*» [3, с. 558].

Важно, что этот апостол, который, согласно предположениям, был современником Иисуса, никогда не говорил, что он знал Иисуса или хотя бы того, кто был лично знаком с Иисусом как человеком во плоти. Он был вдохновляем гностическим Христом и преподавал учение, связанное с путём духовного восхождения, пробуждения внутреннего Христа в каждом человеке. «Павел сам был гностиком, то есть “Сыном Мудрости”, посвящённым в истинные мистерии Христа. <...> Но его Христос не был тем Иисусом из Назарета» [5, с. 226, прим.]. Он был посвящён в Древнюю Мудрость и хорошо знал сокровенные доктрины, поэтому ему был чужд антропоморфизм Ветхого Завета, который он отвергал. Заслуга Павла в том, что он провел чёткое разграничение между старым иудаизмом и новым учением христианства. Он рассматривал Христа «не как Царя, Мессию евреев, и не как сына Давида, имеющего какое-либо отношение к Закону или пророкам, но как божественное Существо, посланное, чтобы открыть людям духовную религию, совершенно новую, и Бога доброты и милосердия, доселе неизвестного» [3, с.161]. К сожалению, «Послания» Святого Павла также дошли до наших дней в искажённом виде и мы не можем по ним составить полноценное мнение о его истинных наставлениях. Но

даже в таком виде они трактуют не об историческом Иисусе, а о гностическом Христе.

Павел учил в среде различных гностических школ древней Палестины. Он объединял их единым Учением, основанным на Сокровенном Знании, борясь против искажённого понимания древних истин. Новое духовное движение состояло из ессеев, набатеев, терапевтов¹⁰, и других гностических братств. Они составили то ядро, вокруг которого объединялись искатели истины первых веков новой эры. Только при императоре Константине это движение получило название христианства. Все истинные подвижники христианства были, как и Павел, вдохновляемы духом Христа, а не выдуманным отцами церкви «Сыном Божиим». Их мистические переживания были совершенно далеки от холодных догматов церковного вероучения, а иногда и находились с ними в противоречии. Как справедливо отмечала Е.И. Рерих, «мёртвая догматика убила светлое Учение Христа. <...> Потому на смену этому упадку должна прийти возрождённая церковь первых дней христианства, в свете очищенного Учения Христа. Именно должно прийти очищение заветов Христа» [16, т. I, с. 298–300; 8.09.1934]. В Учении Живой Этики сказано: «После учеников Оригена начала ложная вера духовенства расти» [11, 29 мая, 1922].

Только в первые века новой эры христианство сохраняло в некоторой степени соответствие с истинным Учением Христа, впоследствии произошло его ужасное искажение и духовный упадок. Сравнивая первоначальное христианство

*Святой Павел. Фрагмент
мозаики. Равенна,
Италия. VI век*

¹⁰ См. сноску на с. 35.

с современным, мы можем сделать неутешительный вывод о том, насколько велика разница между ними, как много доктрин Сокровенной Мудрости, входящих в первоначальное Учение, было отвергнуто, взять хотя бы доктрину перевоплощения. Как неправильно понимаются Евангелия, их высокая метафизичность, скрытая в аллегориях, отринута, а взято на вооружение лишь буквальное понимание, заволащивающее мышление в непроходимый тупик. Исследователь, следующий мысли Новой Эпохи, обращаясь к христианским источникам, обязательно должен исходить из первоначальных Основ, обращаться к тому корневому Гнозису, на котором выросло древо христианства. Вот почему столь необходимо обращение к первым векам христианской эры.

Исследование истории возникновения христианства, если опираться на весь свод древних священных писаний, уводит нас в далёкие глубины веков. Как показала Е.П. Блаватская, первоисточки христианства надо искать в древних учениях Индии. Она утверждала, что реальный источник всех христианских догм надо искать в древнейших арийских учениях ведического и брахманического периодов. «Греческие Мистерии целиком возникли из Брамано-ведических ритуалов, а последние от доведических религиозных Мистерий — первоначальной Философии Мудрости» [2, с. 121, прим.]. «Индия была *Alma Mater* не только цивилизации, искусств и наук, но и всех великих религий древности, в том числе и иудаизма, значит, и христианства» [3, с. 35].

Архаические доктрины Индии были принесены в Халдею, именно туда направлялся большой поток переселенцев с древнего Индостана. Метафизика халдеев восприняла эстафету Сокровенных Знаний от древних арийских Посвящённых. Вавилонский плен еврейского народа был не только пленом, но и хорошей философской школой, откуда еврейские мудрецы почерпнули свои Знания. «Религия хозяев-идолопоклонников вавилонян и ассирийцев — почти целиком была перенесена в Священное Писание пленников,

данное как откровение, а оттуда перешла в христианство» [3, с. 227]. Как мы уже отмечали, Каббала и гностицизм берут своё начало от буддизма через другие звенья единой цепи в передаче Сокровенной Мудрости. «“Христос” и “Логос” существовали за века до христианства; восточный Гнозис изучался задолго до дней Моисея, и начало их нам следует искать в архаических периодах первичной азиатской философии» [3, с. 201].

П.Ф. Саччи. Святой Павел. 1520

Земное служение

Иисуса пришлось на сложное с духовной точки зрения время. С одной стороны, в Палестине существовало множество философских школ, так или иначе отражающих доктрины Единого Сокровенного Учения. Но с другой стороны, все они уже утратили чистоту первоначальных заветов. Более того, в Палестине нарастала тирания синагоги, удушающей свободу религиозной мысли. Иисус пришёл для того, чтобы обновить духовно-религиозную ситуацию, выправить заходящую в тупик духовную мысль.

После смерти Иисуса первые его последователи объединились вокруг веры в то, что Иисус был праведником и пророком, осеяемым Христом. Они выступали против идолопоклоннических обрядов фарисеев. Затем первоначальная группа разделилась на две ветви: на тех, кому ближе было учение танаимов, иудейский гностицизм (Пётр, Иоанн — автор «Откровения»), и тех, кто был привержен платоническому гнозису, философии неоплатонизма (Павел).

Эти две ветви хотя и пользовались разной терминологией, были тождественны по своей сокровенной сути.

Некоторые из писаний обоих направлений мысли вошли в Новый Завет, в котором содержатся как чисто каббалистические тексты («Откровение Иоанна Богослова»), так и произведения, содержащие гностическое учение неоплатонизма («Евангелие от Иоанна»). Конечно, оба Иоанна в заглавиях этих трактатов не тождественны. Как мы уже показали, авторство этого Евангелия принадлежит Марии Магдалине, воспринявшей платонический Гнозис и принадлежавшей второй упомянутой выше ветви раннехристианской мысли. «Деяния Апостолов» также полны гностических выражений. В «Откровении Иоанна» содержатся целые параграфы, взятые из каббалистических трудов «Книги Еноха» и «Книги Даниила». Кстати, и «Деяния Апостолов», и «Откровение Иоанна» какое-то время отвергались и не сразу вошли в Новый Завет.

Неоплатонизм как философское учение продолжает традицию философской школы Платона (428/27–348/47 до н.э.), великого древнегреческого философа, основавшего в Афинах философскую Академию. Учение Живой Этики описывает его как Великого Адепта, Посвящённого, и называет его Мыслителем, ибо его мысль наполнила своей энергией целую эпоху и легла в основание многих направлений философии. До сих пор философы высоко оценивают его философскую систему. Учение Платона неотделимо от Единого Учения Мудрости; вслед за Пифагором, также Посвящённым, Платон открыл миру ту часть истины, которая должна была быть раскрытой в соответствии с законом циклов. Впоследствии эта мысль питала учение гностиков и ранних христиан.

Египетская Александрия начиная с III века до н.э. в течение многих столетий была выдающимся центром философии и учёности. Древние учения, преподаваемые Гермесом, Пифагором, Платоном и другими выдающимися умами, стали основой наук Александрийской философской школы. Эта Школа стала преемницей философских учений Афинской Академии. Высокая мысль платонизма сформировала блистательную философию, которая продолжала свою жизнь во многих направлениях так называемого

Рафаэль. Св. Павел, проповедующий в Афинах. 1515

неоплатонизма, развиваемого в Александрии. Самые прославленные школы гностиков возникли в этом философском городе. Целая плеяда выдающихся учёных и философов жила и работала здесь: Евклид, Никомах, Филон Иудей, Иосиф Флавий, Ямвлих, Порфирий, Климент Александрийский, Аммоний Саккас, Плотин, Гипатия и др. Согласно талмудическим источникам, именно в Александрию прибыл молодой Иисус вместе со своим дедом и там прошли его первые университеты.

В конце II – начале III веков н.э. Александрийская философская школа осуществляла дальнейшее развитие платоновских идей через философскую школу, основанную гностиком Аммонием Саккасом. Эта школа разработала так называемую эклектическую (то есть синтетичную) теософскую систему, или Теософию. Представителей этой школы называли аналогетиками, потому что они интерпретировали все легенды, мифы, сокровенные предания и сказания с помощью метода аналогии и соответствия. Все события, описанные как конкретно-исторические действия, рассматривались как испытания души и прохождение человеком

стадий духовного опыта. Именно так надо читать и христианский Новый Завет. С разгромом этой Школы был утерян и метод, следствием чего стало буквальное понимание новозаветных преданий, а легенды и мифы воспринимались как выдумки и фантазии.

Наиболее известным неоплатоником является философ третьего столетия Плотин. Как сказано: «Он учил доктрине, тождественной доктрине ведантистов» [4, с. 349]. Из этого утверждения следует, насколько неоплатоническая мысль была близка Сокровенному Учению, ведь Веданта как никакое другое учение близка Философии Мудрости.

Современным исследователям Сокровенного Знания надо знать, что Теософия Е.П. Блаватской является прямым наследником и продолжателем дела древней эклектической теософской школы. Была провозглашена та же задача: «примирить все религии, секты, нации общей системой этики, основанной на вечных истинах» [10, с. 10]. Учение Живой Этики как раз и является такой этической системой уже в развёрнутом виде. Ту же задачу, что и древние и современные теософы, ставил перед собой и Иисус, который пытался восстановить и вернуть к первоначальной чистоте Мудрость Древних.

Ранние христиане, выросшие в среде ессеев, назареев, эбионитов, набатеев и др. подобных подвижников, по праву считались древними палестинскими теософами. Учениками древних философских школ были многие богословы первых веков христианства. Учеником Аммония Саккаса был и греческий философ III века н.э. Ориген, чьи труды дошли до нас, к сожалению, в искажённом виде. Подлинный греческий текст его главного труда «О Началах», за исключением немногих отрывков, находящихся в произведениях других авторов, утерян, сохранились только его вольные переводы со многими искажениями.

Изучение сочинений Оригена полезно для понимания сути христианства. Книга «О Началах» — одно из самых лучших его произведений. Ряд мыслей, изложенных в ней, находится в противоречии с ортодоксальной трактовкой

христианства, за что Ориген был осуждён на V Вселенском соборе в VI веке. Е.И. Рерих высоко оценила книгу Оригена «О Началах» и советовала всем интересующимся историей христианства основательно изучить её.

Долгое время философская Школа Аммония пользовалась успехом и процветала. Но, преподнося свои истины открыто, а также тесно связываясь с правителями и их окружением, она не могла не навлечь на себя недовольство и ревность со стороны церковников. Неоплатоническая школа была закрыта по приказу императора Юстиниана. Светлое учение гностицизма, проповедующее неоплатонические идеи, стало преследоваться, а гностическая литература искажаться и уничтожаться. Именно когда учение гностицизма уже угасало под натиском недоброжелателей, в более-менее завершенной форме появился Новый Завет. Это было спустя 300 лет со времени так называемых апостолов, авторов новозаветных текстов. Осколки гностического символизма вошли в учение христианской церкви, оставаясь неправильно понятыми, ведь ключ к их пониманию был утерян. Кроме того, было вставлено множество ошибочных утверждений в священные тексты. Новый Завет «утерял свою чистоту, когда его собиратели стали виновными в самовольных вставках. Откровение божественной истины было принесено ими в жертву, чтобы осуществлять эгоистические цели и поддерживать ссоры» [3, с. 167]. Множество чрезвычайно грубых ошибок, логических противоречий и просто выдумок было втиснуто в систему высоких духовно-философских идей, базирующихся на доктринах Единого Учения Мудрости. Но всё же, если анализировать христианство с философской точки зрения, то его можно охарактеризовать как сильно искажённый платонизм. «Всё, что велико и благородно в христианском богословии, пришло туда от неоплатонизма» [2, с. 271].

Несмотря на то что две ветви первоначального христианства, а именно первая — стоявшая за обновление и исправление иудаизма, а вторая — за создание новой религиозно-философской системы на базе платонизма, имели

в основе своей одну и ту же коренную доктрину, между ними существовал и определённый антагонизм, который в некоторых раннехристианских текстах описан как борьба между Петром и Павлом. Отчасти эта борьба отразилась в новозаветном «Послании к Галатам» святого апостола Павла. С веками этот антагонизм не был преодолен, он приобретал другие формы и в конце концов вылился в раскол западной и восточной христианских церквей.

Западная церковь выбрала своим покровителем Петра, который, кстати, не имеет никакого отношения к основанию римской католической церкви. Симон (Пётр), согласно еврейским источникам, никогда не был в Риме, он жил и умер в Вавилоне, проповедуя еврейскую Каббалу. И этот Пётр не был Посвящённым. Но тот выдуманный Пётр, который считается основателем и духовным покровителем латинской церкви, носил все черты ревнивого и мстительного иудаистского божества. Именно католическая церковь породила такое зверское явление, как инквизиция, а позже вскормила орден иезуитов, ставший мощной реакционной силой, выступающей против просвещения, свободы мысли, социального прогресса и в конечном итоге против эволюции человечества. Именно среди католического духовенства процветали такие явления, как страшное колдовство и чёрная магия, велось подстрекательство к жестоким войнам, культивировалось фанатичное миссионерство, приводящее к гибели целых народов, остатков древних рас, и уничтожению их самобытной древней культуры.

Как реакция на преступления по удушению свободы мысли и гуманистических идеалов возник протестантизм, разветвившийся на сотни различных направлений. Такое раздробление единого когда-то ствола христианского учения, конечно же, не способствовало его успеху в деле расширения сознания человечества.

Восточная ветвь христианства, которую мы теперь называем православием, избежала наиболее страшных ошибок своей западной сестры, католической церкви. Конечно же, и в её лоне было и есть много реакционных черт. Но в

учении восточной церкви, несмотря на суровый догматизм, всё же больше осталось от раннехристианского гностицизма, особенно в том, что касается практической составляющей учения. Именно восточную церковь, хоть и с определённой натяжкой, но можно считать наследницей мудрости Павла, единственного апостола Посвящённого, преподававшего истины Учения Мудрости. Особым светом сияет православная духовная практика, содержащая так много примеров следования подлинной христианской этике, религии любви и милосердия.

Гностические зёрна, глубоко запрятанные в православии, ко времени дали заветные ростки. В истории развития мировой духовной мысли важной ступенью стало возрождение гностических идей в русской религиозной философии первой половины XX века. Философы, принадлежащие этому направлению, своим творчеством возродили и дали новый импульс развитию древних философских идей, соединяя таким образом эпохи, отстоящие друг от друга почти на 2000 лет. Наряду с распространением в России теософских знаний и учений восточной метафизики, русская религиозная философия обогатила русскую культуру Серебряного века многими идеями Доктрины Мудрости. Кстати, на западе в эти годы не наблюдалось подобного культурного возрождения. Развитие русской духовно-философской мысли и культуры в начале XX века можно считать в некотором роде подготовительной ступенью для всеобщего обновления сознания, которое провозглашает Учение Живой Этики.

Причины упадка христианства

Почему же начиная с III века христианство становится на путь вырождения, искажения своих первоначальных истин? Причину этого надо искать в характеристиках того этапа в человеческой истории, во время которого началось развитие христианства. Христианская эра — это период преобладания интеллекта, быстрый рост которого

парализовал духовные восприятия. Интеллект живёт за счёт мудрости, и, как сказано, можно быть гигантом интеллекта и при этом совершенно бездуховным существом. Европейская раса не только развивала христианскую религию, но и переживала период быстрого роста интеллектуальных навыков, приведших в конце концов к современной цивилизации с её нездоровым увлечением техницизмом.

Христианская цивилизация отвергла священную науку храмов, потеряла древние способы познания мира, чем крайне затруднила развитие духовной мысли. Многие хорошо известные древним исследователям постулаты предавались забвению, целые отрасли знания были загублены. Были уничтожены древние философские школы, тысячи философов и посвящённых в древнюю науку Мудрости были убиты или изгнаны со своих мест и вынуждены были искать убежища в горах и пустынях и скрывать свои знания. Уничтожались древние свитки и рукописи. Пострадала знаменитая Александрийская библиотека, сожжённая Цезарем, и не только она одна. Были разграблены библиотеки Египта, Палестины, Малой Азии, Греции, Галлии и других центров древней учёности. Что-то удалось спрятать, как это было со свитками Мёртвого моря и текстами Наг-Хаммади. Многие рукописи были увезены далеко от мест своего происхождения и исчезли из вида. Как пишет Е.П. Блаватская: «Большинство этих бесценных трудов было спасено для учеников оккультизма, но утеряно для мира» [2, с. 264, прим.].

Христианские фанатики приложили руку к тому, что осталось. Уничтожалась вся древняя литература, которая хоть как-то могла зародить у читателя сомнения в догматах новой религии. А что нельзя было уничтожить, подвергалось сознательному и неосознанному искажению и умалению. Ревнители новой религии повинны не только в реках крови, но и в страшном удушении мысли, что гораздо хуже. Тёмное средневековье было следствием преступлений против свободы мысли.

Начало упадка христианства в точности совпало с прекращением деятельности старых философских школ, которые приняли в своё время эстафетную палочку знаний у ещё более древних Мистерий. Цикл храмовых Мистерий с приходом христианской эры завершился. Их заменили школы Гнозиса, в которых обучали как теоретическим, так и практическим основам Сокровенной Мудрости. Но и эти школы пали под враждебным натиском нарождающегося церковного догматизма.

«Дни Константина были последним поворотным пунктом в истории, периодом чрезвычайной борьбы, закончившейся в Западном мире удушением древних религий во славу новой, созданной на их трупах. С тех пор началось насильственное и неукоснительное, всеми правыми и неправыми мерами проводимое, сокрытие от любопытства потомства перспектив в далёкое прошлое, за пределы Потопа и Сада Эдема. Каждый вход был заделан, каждый рекорд, на который можно было наложить руки, был уничтожен» [1, т. I, с. 31].

К IV веку, когда христианство было провозглашено государственной религией, гонения на древних философов становятся наиболее сильными, что привело к окончательному закрытию философских школ. Вследствие этого христианство перестало подпитываться гностической мыслью, постепенно утрачивалось знание священных истин и возвышенных символов древних учений. Более того, христианство отреклось от своих корней, подвергнув отрицанию своё происхождение от дохристианских философий. Обрядовость и догма вышли на первое место, а Сокровенное Знание, сердце любого Учения, преследовалось и умалялось.

Нужно знать, что многие из отцов церкви, те, кто заседали на церковных соборах и принимали важные для развития церкви решения, не только не знали религиозной философии и христианского богословия, но попросту были неграмотными. Решение важных вопросов они принимали на основании жребия. Именно так был решён вопрос с каноническими Евангелиями, когда из

огромного количества (более 300) писаний нужно было выбрать и канонизировать именно те, которые считались бы церковью боговдохновенными. В истории становления христианства было слишком много человеческого недомыслия и разногласия. Но, тем не менее, всем негативным факторам не удалось умалить величие духовного Учения Христа, берущего начало в глубокой древности, а также Его светлого Облика. Именно дух этого Учения является неугасимым магнитом, притягивающим искренние сердца к этому источнику.

И вот пришло время возродить древнее знание, положенное в основу христианства, показать, что Учение Христа находится в русле развития всех мировых религий, являющихся ветвями Единого Древа Священной Науки. Веление Новой Эпохи — восстановить высокие истины христианства, чтобы дать возможность множеству образованных людей черпать духовные знания из этого источника. Ведь именно недостаток духовного знания — причина кризиса христианской религии.

Христианство и Учение Живой Этики

Учение Живой Этики разъясняет вопрос, как соотносится Учение Христа с новым Провозвестием. Говорится о непосредственной связи этих двух Учений. Более того, как писала Е.И. Рерих: «Учение Жив[ой] Эт[ики], или Уч[ение] Жизни, поясняет и дополняет Евангелия» [15, т. V, с. 329; 04.12.1937]. Для тех, кто сердцем избрал для себя Христа, нет противоречия в принятии и Живой Этики. Е.И. Рерих писала одной из своих корреспонденток в 1937 году: «Ваша любовь к Христу так понятна, и кто может, понимая дух Учения Жизни, разъединять Великие Облики, которые являют Собою Единое Сердце, стоящее на страже нашего мира? Образы Будды, Христа и Майтрейи в своём единстве образуют Единое Эго, потому предуказанное Пришествие правильно понимать, как проявление этих Трёх Величайших Образов. <...> Советую Вам объединить в сердце Великие

Образы. <...> Все Учения исходят из Одного Источника. Все Учителя образуют Единое Эго» [15, т. V, с. 329–330; 04.12.1937]. Так мы узнаём, что преемственность Великих Учителей Света представляет собой Единое Эго, вот почему мы имеем Единый Источник, откуда исходят все Великие Учения, сообразно эпохе.

Вот ещё одно важное замечание Е.И. Рерих: «Те, кто хотят следовать исключительно Христу, и должны следовать Ему. Но пусть отдадут себе ясный отчёт, какому Христу хотят они служить — Христу ли евангельскому или же Христу позднейших церковников? В этом осознании уже будет сдвиг сознания. Никто из Великих Учителей никогда не будет умалять ни одного Основоположника древних или позднейших религий, ибо, истинно, Одно и то же Эго неоднократно воплощалось в некоторых из Них» [15, т. VI, с. 171; 12.07.1938]. Таким образом, «Учение Христа ни в чём не расходится с Учением Жив[ой] Этики, и как это может быть, когда Великие Учителя представляют собой Единое Эго, так велико Их духовное слияние» [15, т. VI, с. 396; 07.05.1939].

Как известно, христианский мир ждёт Второго Пришествия Христа, а буддийский мир, согласно пророчествам, — Будду Майтрею, которого провозглашает и новое Учение Живой Этики. Более того, в свете понимания всех Великих Учителей как Единого Эго, Живая Этика соединяет два великих имени в одно — Христос-Майтрея. Е.И. Рерих советует своей корреспондентке: «Вы же должны прежде всего объединиться сердцем с Обликом Христа-Майтреи» [15, т. V, с. 330; 4.12.1937], тем самым указывая на единство и христианского, и буддийского Мессии.

Более того, в письмах последних лет Е.И. Рерих особенно заостряет внимание на том вопросе, что нельзя разъединять облики *трёх* Владык — Будды, Христа и Майтреи. «Три Великих Образа, или Личности, были и есть в действительности жертвенные проявления *Единой* Величайшей Индивидуальности нашей Вселенной. Можно указать, что согласно с самыми древними учениями и

Писаниями Индии, когда в мире наступает период или цикл падения религии и нравственности, Единая Высокая Индивидуальность *частично* воплощается в избранной стране для принесения нового Учения и утверждения нового сдвига сознания в человечестве.

Великая Космическая Истина и Тайна в том, что Единое Эго воплощается во всех Великих Спасителях Мира. <...> Также и утверждение, что Вл[адыка] Майтрейя и Христос являются Единою Индивидуальностью — Истина» [17, с. 421; 13.04.1953].

«Ведь Христос утверждён в нашем Учении Величайшим. Но даже в раннем христианстве можно найти понимание, что Единый Великий Дух сходил на Землю и воплощался там, где была явлена особая нужда в новом понимании Истины. Уявите тождественность всех Великих Учителей. Пора человечеству приблизиться к мировой космической тайне — Единого Аватара, оявленного с каждой Манвантарой» [17, с. 395; 26.02.1951].

«Для меня Рама и Кришна, Зороастр и Лао-Цзы, Будда и Христос, Майтрейя и Калки Аватар — Все сливаются в Едином Облике грядущего Мессии» [15, т. VII, с. 184; 16.08.1944].

«Второе Пришествие» Христа

В свете знания о Едином Эго надо понимать и так называемое Второе Пришествие. В мире нет ни одной религии, в которой бы не существовало предания о светлом Спасителе, который должен прийти в конце времён для спасения человечества. Это одна из центральных идей всех мировых религий.

Сокровенное Учение утверждает, что Спаситель Един для всего человечества, и самые разные пророчества о Мессии — это предсказания об одном и том же явлении, которое будет *всеобщим* для Земли. «Второе Пришествие» будет не только для христиан, но и для тех, кто вообще ничего не знает о христианстве.

Великая Тайна «Второго Пришествия», явления Мессии, или Грядущего Аватара была приоткрыта в «Теогенезисе», повествующем о будущей эволюции человечества. Эта область Сокровенного Знания особенно трудна для понимания, она была строго эзотеричной и только частично преподавалась ученикам оккультного знания.

В Евангелии содержится следующее пророчество: «И увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою» [Мф. 24:30]; «Явится Он во мгновение ока, и каждый глаз узрит Его. Ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого» [Мф. 24:27].

Прежде всего надо хорошо понимать, что явление Аватара связывается с определённой эпохой, определённым циклом в развитии Земли и человечества, имеющим соответствующие этому циклу природно-космические условия. Цикл, связываемый с будущим Мессией, находится на восходящей дуге эволюции, когда плотные формы жизни теряют свою плотность в силу действия новых космических законов, преобразующих материю Земли. Меняется не только тело человека, которое становится более разрежённым, более эфирным, но изменяется и его разум, и способ восприятия действительности. Представления и идеалы человечества приобретают новое значение: вся жизнь устремляется к тому единству, из которого она когда-то вышла. Причём все изменения протекают с нарастающей быстротой. Может ли в этих условиях сохраниться старый способ Божественного Проявления?

В «Теогенезисе» сказано, что «если бы Аватар должен был явиться в физической форме, в строгом смысле слова, то для исполнения этих пророчеств нужно было бы приостановить действие законов Природы» [20, с. 171]. Таким образом, воплощение Аватара в теле ребёнка какой-нибудь расы, как это могло быть в древности, сегодня уже противоречило бы космическим законам. Действительно, как может в современном мире осуществиться рождение

божественного ребёнка? Представим, как потом он будет расти вместе со всеми другими детьми в том окружении, которое есть у каждого современного ребёнка, а потом выйдет на подвиг, чтобы быть униженным и казнённым? Как в этих условиях он смог бы осуществить возлагаемую на него Миссию?

Относительно грядущего Мессии есть ещё одно неверное суждение. Оно основано на том, что Аватар должен прийти в каком-то сверхъестественном теле, сопровождаемый аномальными явлениями и чудесами, как бы «на облаках небесных с силою и славою великою» [Мф. 24:30].

Сокровенное Учение не поддерживает и такое мнение. Оно рассматривает проблему Прихода в двух аспектах: объективном и субъективном, которые в высшем понимании отождествляются. Объективным фактором является то, что Христос — это определённое состояние сознания вселенской энергии, «хотя оно и далеко превосходит всё, что доступно познанию и даже воображению человека на данной ступени жизни» [20, с. 166]. Эта божественная энергия, или Духовный Свет, в различной степени отражён как в душе человека, так и других живых существ. Каждый человек, как это уже было сказано, потенциально является Христом. Новый цикл развития устремляет человечество по пути раскрытия в себе Христа. И человечество в силу новых космических условий вынуждено ускорить своё продвижение по этому пути. Если люди в основной своей массе объективно достигнут степени Адепта, когда их личность будет слита с их Высшим «Я», Христом, то справедливо можно будет считать, что приход Христа для такого человечества состоялся.

Субъективный же аспект связан с Великой Миссией Того Великого Духа, который взял на себя ответственность за развитие человечества на всю Манвантару. Е.И. Рерих писала: «На протяжении целой Манвантары, или большого Круга нашей планеты, мы имеем одного Ману (Учителя Учителей), стоящего во главе Высоких Собратьев Его. <...> Майтрейя, как приносящий Великий

Синтез Учений для Шестой и Седьмой расы, будет этою же Индивидуальностью. Так, Единая Индивидуальность принимает на себя ответственность за планету на целую Манвантару» [15, т. V, с. 109; 14.05.1937].

На первых стадиях Манвантары в начале каждой великой эпохи Аватар воплощается среди людей как Учитель, Провозвестник Единой Истины. На последних же этапах манватарического цикла Аватар развивает определённую духовную форму, через которую Он может воздействовать на человечество. В Сокровенном Учении такое облачение Высокого Духа называется Телом Славы, или Одежанием Нирманакая. Именно в таком Теле предстал Иисус перед учениками на горе Фавор во время своего Преображения. Приближение тела Нирманакая какого-нибудь Высокого Духа к ауре Земли ускоряет вибрации всей субстанции и всех существ, находящихся на ней, а сам этот Великий Дух становится для Земли Аватаром. В результате такого Духовного Озарения меняется природа всей человеческой расы. Именно через Аватара на Землю проникает Свет Центрального Духовного Солнца, или энергия Христа.

Как утверждает «Теогенезис», быстрое развёртывание с середины XIX века мировых событий как физическо-го плана, так и духовного связано, с одной стороны, с вхождением в Нирвану Великой Души, которая прошла полный круг развития, и с другой — с вхождением в ауру Земли ещё одной Великой Души.

«Сказано, что столь быстрые изменения происходят во флоре и фауне различных частей Земли. Естественно, такие изменения бывают всегда, но заслуживает внимание та быстрота, с какой они происходят в настоящее время. Великие Учителя сообщили также, что эти изменения достигнут своей высшей точки в 1928 году... замыкая, таким образом, цикл времени и пространства, начавшийся около двух тысяч лет тому назад» [20, с. 170]. Таким образом, мы имеем ещё одно подтверждение о начале развития нового эволюционного цикла и исполнения

древних пророчеств. В связи с проблемой Аватара, главное, конечно же, не его форма, а то воздействие, которое он может оказать на земной мир. Именно здесь важно сознательно понимать значение рубежа циклов и влияния Нового Мессии.

«Готовность человека к Зову Христа будет зависеть исключительно от индивидуальных усилий и духа бескорыстия, движущего ими» [20, с. 171].

Новая Эпоха предъявляет особые требования к обновлению христианства. Термин «христианство» должен пониматься правильно, так, как это принято Сокровенным Учением. Основные истины христианства те же, что и во всех других религиозных учениях всех времён и народов. Более того, они те же, что и в новых провозвестиях — Теософии и Учении Живой Этики. Новые духовные Учения призваны возродить подлинный христианский дух, который фактически был давно утерян. Разве наш мир живёт по принципам Братства, любви между народами и индивидуумами? «Зародыш христианства существует в каждой человеческой душе, но он должен быть оплодотворён и взращён любовью и пониманием проблем других душ, а не только собственной» [19, т. II, с. 252].

События в современном мире должны оцениваться в соответствии с тем, насколько то или иное действие, та или иная организация, то или иное государство руководствуются духом подлинного христианства. Именно так можно научиться распознавать, куда направлен вектор эволюции и какие старые формы должны быть разрушены эволюционной волной. Сегодня как никогда раньше нельзя суживать божественные идеалы христианства, замыкать их в рамках уже устаревшей религии и церкви, поддерживающей эту религию. Теперь каждый должен определиться, на какой стороне он находится в наступившем великом испытании человечества и насколько надо усилить свой собственный внутренний свет души,

чтобы не только суметь распознать новое Пришествие Христа, но и стать действенной частью Его сущности.

Литература

1. Блаватская Е.П. Тайная Доктрина. Т. I, II. Рига: Угунс, 1937. Репринт, М., 1991.
2. Блаватская Е.П. Тайная Доктрина. Т. III. Новосибирск, 1993.
3. Блаватская Е.П. Разоблачённая Изида. Т. II. Москва: Сфера; Минск: Лотаць, 2000.
4. Блаватская Е.П. Теософский словарь. М.: Сфера, 1994.
5. Блаватская Е.П. Эзотерический характер Евангелий // В кн. Блаватская Е.П. «Происхождение Начал». М.: Сфера, 2006.
6. Блаватская Е.П. Ответ на неверное истолкование аббатом Рока моих замечаний о христианском эзотеризме // Там же.
7. Блаватская Е.П. Заметки по поводу «Эзотеризма христианской догмы» аббата Рока. // Там же.
8. Блаватская Е.П. Беседа с «Нулём» // В кн. Блаватская Е.П. «Смерть и бессмертие», М.: Сфера, 1997.
9. Блаватская Е.П. Замечания к статье «Статус Иисуса» // Там же.
10. Блаватская Е.П. Ключ к Теософии. М.: Сфера, 1993.
11. Листы Сада Мории. Ч. 1. Зов.
12. Община.
13. Агни Йога.
14. Надземное.
15. Рерих Е.И. Письма. Т. II–VIII. М.: МЦР, 2000–2008.
16. Письма Елены Рерих. Т. I, II. 1929–1938. Новосибирск: Прамёб, 1992.
17. Рерих Е.И. Избранные письма // В кн. Рерих Е.И. У порога Нового мира. М.: МЦР, 2000.
18. Сент-Илер Ж. [Рерих Е.И.] Криптограммы Востока. М.: МЦР, 1992.
19. Учение Храма. Т. I, II. М.: МЦР, 2001.

20. Теогенезис. Третья часть древних Станц Дзиан. М.: Дельфис, 2002.
21. Бхагавадгита. Пер. Б.Л. Смирнова. СПб.: А-сад, 1994.
22. Апокрифы древних христиан. М.: Сфера, 2006.
23. Ориген. О Началах. Самара: Ра, 1993.
24. Зильберсдорф Е.А. В поисках правды. Рига; Москва, 2006.
25. Владимиров А. Кумран и Христос. М.: Беловодье, 2002.
26. Владимиров А. Апостолы. М.: Беловодье, 2003.

Истина Православия¹

Н.А. Бердяев

Христианский мир мало знает Православие. Знают только внешние и по преимуществу отрицательные стороны Православной церкви, но не внутренние, духовные сокровища. Православие было замкнуто, лишено духа прозелитизма и не раскрывало себя миру. Долгое время Православие не имело того мирового значения, той актуальной роли в истории, какие имели католичество и протестантизм. Оно оставалось в стороне от страстной религиозной борьбы ряда столетий, столетия жило под охраной больших империй (Византии и России) и хранило вечную истину от разрушительных процессов мировой истории. Для религиозного типа Православия характерно то, что оно не было достаточно актуализировано и выявлено вовне, не было воинственно, но именно потому небесная истина христианского откровения наименее в нём исказилась. *Православие и есть форма христианства, наименее искажённая в существе своём человеческой историей* [здесь и далее — курсив ред.]. В Православной церкви были моменты исторического греха, главным образом в связи с внешней зависимостью от государства, но само церковное учение, самый внутренний духовный путь не подверглись искажению.

---

¹ Впервые опубликовано в «Вестнике русского западно-европейского патриаршего экзархата», Париж. 1952. № 11. С. 4–11.

Православная церковь есть прежде всего церковь предания, в отличие от церкви Католической, которая есть церковь авторитета, и церквей протестантских, которые суть церкви личной веры. Православная церковь не имела единой внешне-авторитарной организации, и она незыблемо держалась силой внутреннего предания, а не внешнего авторитета. Она оставалась наиболее *связанной с первохристианством* из всех форм христианства. Сила внутреннего предания в церкви есть сила *духовного опыта и преемственности духовного пути*, сила сверхличной духовной жизни, в которой всякое поколение выходит из сознания самодовольства и замкнутости и приобщается к духовной жизни всех предыдущих поколений вплоть до Апостолов. В предании я имею один опыт и одно ведение с *Апостолом Павлом*, с мучениками, со святыми и со всем христианским миром. В предании моё знание есть не только знание личное, но и сверхличное, и я живу не в отдельности, а в теле Христовом, в *едином духовном организме* со всеми моими братьями во Христе.

Православие есть, прежде всего, ортодоксия жизни, а не ортодоксия учения. Еретики для него не столько те, кто исповедует ложную доктрину, сколько те, кто имеет ложную духовную жизнь и идёт ложным духовным путём. Православие есть, прежде всего, не доктрина, не внешняя организация, не внешняя форма поведения, а *духовная жизнь, духовный опыт и духовный путь*. Во внутреннем духовном делании видит оно сущность христианства. Православие есть наименее нормативная форма христианства (в смысле нормативно-рациональной логики и морального юридикзма), и наиболее духовная его форма. И эта духовность и сокровенность Православия нередко бывали источником его внешней слабости. Внешняя слабость и недостаток проявления, недостаток внешней активности и реализации бросались всем в глаза, духовная же его жизнь и духовные его сокровища оставались сокровенными и незримыми. И это характерно для духовного типа Востока в отличие от духовного типа Запада, всегда актуального и выявляющегося вовне, но нередко в этой активности себя духовно истощающего. В мире нехристианского Востока духовная жизнь

Индии особенно сокровенна от внешнего взора и не актуализируется в истории. Эта аналогия может быть проведена, хотя духовный тип христианского Востока очень отличается от духовного типа Индии. Святость в мире православном, в отличие от святости в мире католическом, не оставила после себя памятников письменности, она оставалась *сокровенной*. И это ещё причина, почему трудно извне судить о духовной жизни Православия.

Православие не имело своего века схоластики², оно пережило только век патристики³. И Православная церковь и доныне опирается на восточных учителей церкви. Запад считает это признаком отсталости Православия, замирания в нём творческой жизни. Но факту этому можно дать и другое истолкование; в Православии христианство не было так рационализировано, как оно было рационализировано на Западе в католичестве при помощи Аристотеля и воззрений греческого интеллектуализма. Доктрины никогда не приобретали в нём такого священного значения, и догматы не были прикованы к обязательным интеллектуальным богословским учениям, а понимались прежде всего как мистические факты. В богословском же и философском истолковании догматов мы оставались более свободными. В XIX веке в России была творческая православная мысль, и в ней было проявлено больше свободы и духовного дарования, чем в мысли католической и даже протестантской.

Духовному типу Православия принадлежит изначальный и нерушимый *онтологизм*⁴, который представлялся явлением православной жизни, и затем уже и православной

² Схоластика (от лат. *schola* — школа) — религиозно-философское учение в средневековой Европе (XI–XIV вв.), стремившееся рационально обосновать религиозные догмы путём применения логических методов доказательства. [Здесь и далее — прим. ред.].

³ Патристика (от греч. *πατήρ*, лат. *pater* — отец) — совокупность философских и теологических доктрин христианских отцов церкви II–VIII вв.

⁴ Онтологизм (новолат. *ontologia* от др.-греч. *ὄντος* (род. п. от *ὄν*) — сущее, то, что существует, и *λόγος* — учение, наука) — принцип православной мистики, выражающий веру в божественную сущность мира и абсолютную реальность христианских святынь. Принципу онтологизма противостоят идеи эгоцентризма и богопокинутасти.

мысли. Христианский Запад шёл путями критической мысли, в которых субъект был противопоставлен объекту, и была нарушена органическая цельность мышления и органичная связь с жизнью. Запад силён сложным развёртыванием своего мышления, своей рефлексией и критикой, своим утончённым интеллектуализмом. Но тут и была нарушена связь познающего и мыслящего с первобытием и перво-жизнью. Познание выводилось из жизни, мышление выводилось из бытия. Познание и мышление не протекали в духовной целостности человека, в органической связанности всех его сил. На этой почве Западом были сделаны великие завоевания, но от этого разложился изначальный онтологизм мышления, мышление не погружалось в глубину сущего. Отсюда схоластический интеллектуализм, рационализм, эмпиризм, крайний идеализм западной мысли.

На почве Православия мышление оставалось онтологическим, приобщённым бытию, и это явлено всей русской религиозно-философской и богословской мыслью XIX и XX веков. Православию чужд рационализм и юридизм, чужд всякий норматизм. Православная церковь не определима в рациональных понятиях, она понятна лишь для живущих в ней, для приобщённых к её духовному опыту. Мистические типы христианства не подлежат никаким интеллектуальным определениям, они также не имеют признаков юридических, как не имеют признаков и рациональных. Подлинное православное богословствование есть богословствование *духовно-опытное*. Православие почти не имеет схоластических учебников.

Православие сознаёт себя религией Святой Троицы; не отвлечённым монотеизмом, а конкретным тринитаризмом. В духовной жизни, в духовном опыте и духовном пути отображается жизнь Святой Троицы. Православная литургия начинается со слов: «Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святаго Духа». Всё идёт сверху, от Святой Божественной Троичности, от высоты Сущего, а не от человека и его души. В Православном представлении нисходит сама Божественная Троичность, а не восходит человек. В западном христианстве

гораздо меньше выражена Троичность, оно более христоцентрично и антропоцентрично. Это различие намечается уже в восточной и западной патристике, из которой первая — богословствует от Божественной Троицы, а вторая — от человеческой души. Поэтому Восток раскрывает, главным образом, тайны догмата тринитарного и догмата христологического. Запад же, главным образом, учит о благодати и свободе и об организации церкви. На Западе было большее богатство и разнообразие мысли.

Православие и есть христианство, в котором наиболее раскрывается Дух Святой. Православная церковь поэтому и не приняла *filioque*⁵, что видит в этом субординационизм в учении о Духе Святом. Природа Духа Святого наименее раскрывается догматами и доктринами, но по действию своему Дух Святой нам ближе всего, наиболее имманентен миру. Дух Святой непосредственно действует на тварный мир и преображает тварь. Это учение раскрыто величайшим русским святым Серафимом Саровским. Православие не только существенно тринитарно, но видит задачу мировой жизни в преображении Святой Троицы, и по существу пневматично.

Я говорю всё время о глубинах тайн в Православии, а не о поверхностных в нём течениях. Пневматологическая теология, ожидание *нового излияния Духа Святого в мире* легче всего возникает на православной почве. Это замечательная особенность Православия: оно, с одной стороны, консервативно и традиционно более, чем католичество и протестантизм, но, с другой стороны, в глубине Православия есть всегда великое ожидание религиозной новизны в мире, излияния Духа Святого, явление Нового Иерусалима. Почти целое тысячелетие Православие не развивалось в истории; ему чужд был эволюционизм, но в нём таилась возможность религиозного творчества, которая как бы приберегалась для новой, ещё не наступившей исторической эпохи. Это выявилось в русских религиозных течениях

---

⁵ *Филиокве* (лат. *filioque*, «и от Сына») — принятое в католичестве добавление к Символу веры о том, что Святой Дух исходит не только от Бога-Отца, но и от Бога-Сына.

XIX и XX века. Православие более резко разграничивает божественный и природный мир, Царство Божие и царство кесаря, и не признает тут возможных аналогий, к которым часто прибегает католическая теология. Энергия Божественная действует скрытно в человеке и в мире. Протварный мир нельзя сказать, что он есть божество или что он божественен, нельзя и сказать, что он вне-божественен. Бог и божественная жизнь не похожи на мир природный и природную жизнь, тут нельзя проводить аналогии. Бог — бесконечен; природная жизнь — ограничена и конечна. Но энергия божества переливается в природный мир, воздействует на него и просветляет его. Это и есть православное видение Духа Святого. Для православного сознания учение Фомы Аквината⁶ об естественном мире, утверждающее его в противополжении миру сверхъестественному, есть уже форма секуляризации мира.

Православие в принципе своём *пневматично*⁷, и в этом его своеобразие. Пневматичность и есть последовательный, до конца доведённый Тринитаризм. Благодать не есть посредник между сверхъестественным и естественным; благодать есть действие Божественной энергии на тварный мир, присутствие в мире Духа Святого. Именно пневматизм Православия и делает его наименее законченной формой христианства, выявляя в нём *преобладание новозаветных начал над началами ветхозаветными*. На вершине своей Православие понимает задачу жизни как стяжание, приобретение благодати Духа Святого, как духовное преображение твари. И это понимание существенно противоположно законническому пониманию, для которого мир божественный и сверхъестественный есть закон и норма для мира тварного и естественного.

---

⁶ Фома Аквинский (Thomas Aquinas) (1225–1274) — средневековый западный философ и богослов, систематизатор католической схоластики, основатель томизма — учения, стремившегося рационально обосновать положения христианской веры. Его «Сумма теологии» считается в католичестве второй по значимости книгой после Библии.

⁷ Пневма (греч. *пνεῦμα* — дыхание, дуновение, дух) в христианстве — термин, обозначающий Святой Дух, третье Лицо Троицы.

Православие, прежде всего, *литургично*⁸. Оно научает народ и развивает его не столько проповедями и преподаванием норм и законов поведения, сколько самим литургическим действием, в котором дан прообраз преображения жизни. Оно научает также народ образами святых и внушает культ святости. Но образы святых не нормативны; в них дано благодатное просветление и преображение твари действием Духа Святого. Эта ненормативность Православия делает его труднее для путей человеческой жизни, для истории, мало благоприятным для всякой организации и для творчества культуры. Сокровенная тайна действия Духа Святого на тварь не была актуально переведена на пути человеческой жизни.

Для Православия характерна свобода. Эта внутренняя свобода может не замечаться извне, но она повсюду разлита. Идея свободы как основы Православия была выявлена русской религиозной жизнью XIX и XX века. Признание свободы совести очень отличает Православную церковь от церкви католической. Но понимание свободы в Православии отличное и от понимания свободы в протестантизме. В протестантизме, как и во всей западной мысли, свобода понимается индивидуалистически, как право личности, охраняющей себя от посягательства всякой другой личности и определяющей себя автономно. Православию чужд индивидуализм, ему свойственен своеобразный коллективизм. Религиозная личность и религиозный коллектив не противостоят друг другу, как внешние друг для друга. Религиозная личность находится внутри религиозного коллектива, и религиозный коллектив находится внутри религиозной личности. Поэтому религиозный коллектив и не является внешним авторитетом для религиозной личности, извне навязывающим личности учение и закон жизни. Церковь не находится вне религиозных личностей, к ней противопоставляемых; она внутри них, и они внутри её. Поэтому церковь не есть авторитет. Церковь есть благодатное единство любви и свободы.

---

⁸ Литургия (греч. *λειτουργία* — общая работа) — центральное богослужение в христианской церкви, во время которого совершается таинство причастия.

Православию чужда авторитарность, потому что эта форма порождает разрыв между религиозным коллективом и религиозной личностью, между церковью и её членом. Без свободы совести, свободы духа нет духовной жизни, нет даже представления о церкви, так как церковь не терпит внутри себя рабов, и Богу нужны лишь свободные. Но подлинная свобода религиозной совести, свобода духа раскрывается не в изолированной, автономной личности, самоутверждающейся в индивидуализме, а в личности, сознающей себя в сверхличном духовном единстве, в единстве духовного организма, в Теле Христовом, то есть в церкви. Моя личная совесть не внеположна и не противоположна совести сверхличной, совести церковной: она раскрывается лишь внутри церковной совести. Но без активного, духовного углубления моей личной совести, моей личной духовной свободы не осуществляется жизнь церкви, ибо эта жизнь церкви не может быть внешней для личности, навязанной ей. Пребывание в церкви требует духовной свободы не только в первый момент поступления в церковь, что признает и католичество, но и в течение всей жизни. Свобода церкви в отношении к государству всегда была в опасности, но свобода внутри церкви всегда была в Православии.

В Православии свобода сочетается органически с *соборностью*, то есть с действием Духа Святого на религиозный коллектив, которое присуще церкви не только во времена Вселенских Соборов, но и всегда. Соборность же в Православии, которая и есть жизнь церковного народа, не имела внешних юридических признаков, она имела лишь внутренние, духовные признаки. Даже Вселенские Соборы не обладали внешним непререкаемым авторитетом. Непогрешимость авторитета признавалась лишь за церковным целым, на протяжении всей её истории, и носителем и хранителем этого авторитета являлся весь церковный народ. Вселенские Соборы обладали авторитетом не потому, что они соответствовали внешним юридическим признакам легальности, а потому, что церковный народ, вся церковь признала их Вселенскими и подлинными. Лишь

тот Вселенский Собор подлинный, в котором произошло излияние Святого Духа; излияние же Духа Святого не имеет внешних юридических критериев, оно узнаётся церковным народом по внутренним духовным свидетельствам. Всё это указывает на не-нормативный и не-юридический характер Православной церкви.

Вместе с тем православное сознание понимает церковь наиболее онтологически, то есть видит в церкви прежде всего не организацию и учреждение, не просто общество верующих, а религиозный духовный организм, мистическое Тело Христово.

Православие *космичнее* западного христианства. Ни в католичестве, ни в протестантизме не была достаточно выражена космическая природа церкви как Тела Христова. Западное Христианство преимущественно антропологично. Но церковь есть также охристовлённый космос; в ней подвергается воздействию благодати Духа Святого весь тварный мир. Явление Христа имеет космическое, космогоническое значение; оно означает как бы *новое творение, новый день миротворения*. Православию наиболее чуждо юридическое понимание искупления как разрешения судебного процесса между Богом и человеком и более свойственно онтологическое и космическое его понимание как явления *новой твари и нового человечества*. Центральной и верной идеей восточной патристики была идея theosis'a, обожения человека и всего тварного мира. Спасение и есть обожение. И обожению подлежит весь тварный мир, весь космос. Спасение есть преобразование и просветление твари, а не судебное оправдание.

Православие обращено к тайне Воскресения как к вершине и последней цели Христианства. Поэтому центральным праздником в жизни Православной церкви является праздник Пасхи, Светлое Христово Воскресение. Светлые лучи Воскресения пронизывают православный мир. В православной литургике праздник Пасхи имеет безмерно большее значение, чем в католичестве, где вершина — праздник Рождества Христова. В католичестве мы, прежде всего, встречаем Христа Распятого, в Православии же — Христа

Воскресшего. Крест есть путь человека, но идёт он, как и весь мир, к Воскресению. Тайна Распятия может заслонить собой тайну Воскресения. Но тайна Воскресения есть предельная тайна Православия.

Тайна же Воскресения не только человеческая, но и космическая. Восток всегда космичнее Запада. Запад же человечнее; в этом его сила и значение, но также и его ограниченность. На духовной почве Православия возникает стремление ко всеобщему спасению. Спасение понимается не только индивидуально, но и соборно, вместе со всем миром. И из недр Православия не могли бы раздаться слова Фомы Аквината, который сказал, что праведник в раю будет наслаждаться муками грешника в аду. Также на почве Православия не могло возникнуть учение о предопределении⁹, не только в форме крайнего кальвинизма¹⁰, но и в форме представлений Блаженного Августина¹¹. Большая часть восточных учителей церкви, от Климента Александрийского¹² до Максима Исповедника¹³, были сторонниками апокатастасиса¹⁴, всеобщего спасения и воскресения. И это характерно для современной русской религиозной мысли. Православная

⁹ Предопределение, промысел Божий, провидение. Учение о предопределении утверждает извечную предопределённость Богом судеб как индивидов, так и народов, и человечества в целом. В крайней трактовке — идея жёсткого, установленного ещё до рождения человека предопределения его либо к спасению, либо к вечным мукам. В применении к человеческой истории это — крайний фатализм.

¹⁰ Кальвинизм — одно из основных течений в протестантизме, теоретические основы которого разработал французский теолог Жан Кальвин (1509–1564).

¹¹ Августин (354–430) — христианский теолог, сыгравший огромную роль в разработке католической догматики. В католической церкви считается святым, в православной — блаженным.

¹² Климент Александрийский (?–до 215) — христианский теолог и писатель, стремившийся к синтезу эллинской культуры и христианской веры.

¹³ Максим Исповедник (ок. 580–662) — византийский богослов, христианский мистик, в своём учении провозглашал идею целостности природы человека и космоса.

¹⁴ Апокатастасис (греч. *αποκαταστασις* — восстановление, воссоздание) — восходящее к греческой философии представление ранних отцов церкви о том, что в конце космического цикла творения все души, даже величайших грешников, обретут спасение.

мысль никогда не была подавлена идеей божественной справедливости и она никогда не забывала идеи божественной любви. Главное, она не определяла человека с точки зрения божественной справедливости, а идеи преображения и обожения человека и космоса.

Наконец, последнюю и важную черту в Православии нужно видеть в его сознании *эсхатологичности*¹⁵. В недрах Православия более сохранилась первохристианская эсхатологичность, ожидание второго пришествия Христа и грядущего Воскресения. Эсхатологичность Православия означает меньшую привязанность к миру и земной жизни и большую обращённость к небу и вечности, то есть к Царству Божьему. В христианстве западном актуализация христианства в путях истории, обращённость к земной устроенности и земной организации заслонила собою тайну эсхатологии, тайну второго пришествия Христова. В Православии, именно вследствие его меньшей исторической активности, сохранилось великое эсхатологическое ожидание.

*Апокалиптическая*¹⁶ сторона христианства осталась наименее выраженной в западных формах христианства. На Востоке же, на православной почве, особенно на почве русского Православия, возникли течения апокалиптические, ожидание новых излияний Духа Святаго. Православие наиболее традиционная, наиболее консервативная форма христианства, ибо охраняло древнюю истину, но в нём же заложена возможность наибольшей религиозной новизны, не новизны человеческой мысли и культуры, которая так велика на Западе, но новизны религиозного преображения жизни. Примат всей целостной жизни над дифференцированной культурой был всегда особенно характерен для Православия. На почве Православия не создано той великой культуры, которая создана на почве католичества и протестантизма. И быть может поэтому это так было, что Православие

---

¹⁵ Эсхатология (греч. *ἔσχατος* — конец во времени и пространстве, и *logia*, «учение о») — религиозное учение о конце света, о смысле и завершении земной истории, конечных судьбах человека и человечества.

¹⁶ Апокалипсис (греч. *Ἀποκάλυψις* — поднятие завесы) — откровение Богом своей воли и божественных знаний мистическим образом.

устремлено к Царству Божьему, которое должно явиться не в результате последствий исторической эволюции, а в результате таинственного преображения мира. Не эволюция, а преображение характерно для Православия.

Православие нельзя узнать по оставшимся теологическим трактатам; оно узнаётся в жизни церкви и всего церковного народа, оно менее всего выражается в понятии. Но Православие должно выйти из состояния замкнутости и изолированности, должно актуализировать свои сокровенные духовные богатства. Тогда только оно и приобретёт мировое значение. Признание исключительного духовного значения Православия как наиболее чистой формы христианства, не должно порождать в нём самодовольства и вести к отрицанию значения западного христианства. Наоборот, мы должны узнать западное христианство и многому учиться у него. Мы должны стремиться к христианскому единению. Православие благоприятно для христианского единения. Но православное христианство наименее подвергалось секуляризации¹⁷ и поэтому оно может безмерно много дать для христианизации мира. Христианизация мира не должна означать обмирщения христианства. Христианство не может быть изолированно от мира, и оно продолжает в нём движение, не отделяясь и оставаясь в мире, должно быть победителем мира, а не быть побеждённым.

---

¹⁷ *Секуляризация (от лат. secularis — мирской, светский) — процесс вывода всех сфер жизни из-под влияния религии и церкви.*

Вмещение противоположений

Е.В. Фалёв

Вмещение противоположений — один из главных принципов эзотерического Учения. Будда, Христос, даосы в Китае, мудрецы-авторы Упанишад, мудрецы Древней Греции, средневековые суфии — все они придавали вмещению противоположений огромное значение. В Учении Живой Этики, и особенно в письмах Елены Ивановны Рерих, также неоднократно разъясняется природа противоположений и значение их вмещения. *«Ужасно трудно вмещают люди так называемое понятие пар противоположений, а между тем это есть краеугольный камень всех Учений, и без понимания этого не может быть истинного понимания Учения [Живой Этики]»* [16, т. II, с. 214; 11.07.1934].

Во вмещении противоположений заключается сущность Йоги. Санскритское *yoga* происходит от глагола *yuḥ* — соединять, запрягать вместе. Изначально это слово применялось для обозначения такого состояния, когда земная, телесная природа человека воссоединяется с природой духовной. Одним из следствий соединения низшего «я» с Высшим является правильное восприятие вечных истин мироздания, когда объекты, первоначально кажущиеся отделёнными друг от друга, находящимися

в противоположении, гармонично согласуются. Можно сказать, что чем больше противоположений вмещает сознание Йога, тем ближе он к состоянию Адепта. «Только согласование противоположений может показать возвышенную природу Йога» [10, §926].

Латинское *religio*, по-русски *религия* — точное соответствие санскритского *юга* — изначально выражало тот же смысл, что йога, и происходит от глагола *re-lego* — воссоединять, вновь складывать вместе. Таким образом, религиозность в человеке напрямую связана с его духовностью, а духовность проявляется в способности сознания вмещать противоположения. «Вмещение противоположений и является пробным камнем, или свидетельством наличия в нас духовности» [16, т. V, с. 238; 11.09.1937].

Что такое противоположения

Вначале нужно определить термины *противоречие*, *противоположность* и *противоположение*. В каждом из этих понятий присутствует двойственность. Но *противоречие*, как видно из самого названия, — это отношение между двумя «речениями», т.е. высказываниями, которые отрицают друг друга и не могут быть одновременно истинными (А есть В, А не есть В; человек по природе зол, человек по природе добр). В более широком смысле, поскольку высказывание — это разновидность действия, *противоречием* называют отношение между действиями, или стремлениями, которые отрицают друг друга, так как не могут одновременно осуществиться, и потому соперничают между собой. В этом смысле говорят о «неразрешимых противоречиях» между точками зрения, теориями, государствами (например, желание России осваивать арктический шельф и нежелание остальных стран это допустить).

Противоположность — отношение не действий или высказываний, а качеств. Противоположные качества,

как правило, могут в полной мере существовать, не отрицая друг друга (чёрное и белое), и более того, очень часто не могут существовать в отрыве одно от другого — север-юг, противоположные полюса магнита или электрические заряды, верх-низ и т.д. В субъективной сфере это сознательность-бессознательность, симпатия-антипатия, сила-слабость. Не всегда, но часто между противоположными крайностями можно обнаружить целую шкалу градаций промежуточных качеств (оттенки серого между чёрным и белым, степени осознанности). Члены противоположности можно называть *полюсами* в широком смысле.

Противоположение — новый специальный термин, который вводится в книгах Живой Этики и письмах Е.И. Рерих. Ему можно дать следующее определение: это особый вид противоположностей, который необходимо обладает двумя качествами:

1) *ни один полюс не может иметь полноценного существования без другого;*

2) *полное осуществление, развёртывание положительного полюса возможно только в синтезе с его противоположностью, полюсом отрицательным.*

Не всякая противоположность может быть названа противоположением, не всякая подлежит вмещению. Так, северный и южный полюса Земли, полюса магнита, электрические заряды — противоположности, но не противоположения, потому что двойственность здесь носит внешний характер — пространственных отношений, физического взаимодействия и т.д. Северный полюс по определению предполагает южный, но трудно представить себе синтез между географическими полюсами.

В отличие от этих понятий, подлинные противоположения всегда внутренне объединены в своей сущности, поскольку представляют собой *относительные* полюса проявления единой сущности. Таким образом, ключ к пониманию природы противоположений и их разновидностей лежит в понятии относительности.

Противоположения и относительность

Относительность и противоположения — равноправные следствия и вместе с тем условия дифференциации Абсолюта. Абсолют выше всякой двойственности, выше любых противоположений, он неподвластен закону относительности. Одно из философских определений Абсолюта — «безусловно (безотносительно) сущее».

Е.И. Рерих писала в своих письмах: «Именно Абсолют вмещает в себе всё конечное и бесконечное, всё проявленное и непроявленное, всё зримое и незримое и т.д. И раз он есть всё, то, значит, он не только первопричина, но и следствие» [16, т. III, с. 226–227; 30.04.1935]. «Абсолют вмещает все вселенские проявления. Абсолют из своего абсолютного Единства при проявлении становится Абсолютом беспредельной дифференциации и её следствий — относительности и противоположений. <...> Без существования закона относительности и противоположения никакое сознание, и познание, и усовершенствование не может иметь места. *Лишь путём сопоставления, сравнения и отбора продвигается всё сущее в эволюционном процессе*» [здесь и далее — курсив ред.] [16, Т. VI, с. 432–433; 14.06.1939].

Относительность — то же, что и условность: нечто относительное имеет реальность только *относительно* чего-то другого или *при условии* чего-то другого. Понятие об относительности всего проявленного есть то же, что восточное понятие *майя*, *иллюзия*, которое принимается и ведантой, и буддизмом, и Теософией, и Живой Этикой.

Поскольку противоположения и относительность — почти синонимы, нужно рассмотреть понятие относительности, главные ступени и формы проявления относительности.

По мере развёртывания и дифференциации Абсолюта Единая Реальность принимает на себя всё новые и новые ограничения, условия (санскр. *упадхи*, что значит «опора», греч. *hypostasis*, ипостась, «стоящее под»). Три главные упадхи производят три плана условной действительности, или так называемые «три мира», которые под разными

наименованиями выделяются во многих философских и религиозных учениях. Эти главные условия — *число/причинность, время и пространство*.

В неоплатонизме Абсолют, принимая на себя условия числа и причинности, развёртывает из себя Разум; Разум, развёртываясь во времени, порождает Мировую Душу; Мировая Душа, развёртываясь в пространстве, порождает Природу. Таким образом, безусловная реальность и три плана условной действительности составляют четверицу проявления (Тетраксис Пифагора).

Хотя названия и характеристики миров варьируются от учения к учению, общая схема — три мира и стоящая над мирами безусловная реальность — присутствует почти в каждом учении. Так, в буддизме это мир желаний (*камалока*), мир формы (*рупалока*), мир без формы (*арупалока*) и «сверхмировое» начало — *локуттара* (санскр. дословно «выше мира»). В христианской теологии Фомы Аквинского (1225–1274), основанной на учении Аристотеля, это «мир подлунный», небеса, Эмпирей и Абсолютная Реальность — Бог. В Учении Живой Этики это мир Плотный, мир Тонкий, мир Огненный, и над ними непостижимый Абсолют.

Каждой ступени развёртывания и дифференциации соответствует свой тип сознания с присущим ему восприятием реальности. Человек в своём развитии восходит от низших уровней, наиболее относительных, к менее относительным и в конце концов приближается к Безусловному. Большинство учений выделяет в этом движении три подготовительные ступени и четвертую, означающую высшее постижение Истины.

Например, в веданте это состояния сознания, соответствующие бодрствующему сознанию, состоянию сна со сновидениями, сна без сновидений и четвертому — состоянию абсолютной недвойственности, которое получило название *турия*. Главные философские школы буддизма также имеют именно значение ступеней познания: вайбхашика, саутрантика, йогачара и мадхьямика. Четыре

ступени познания по Платону (427–347 до н.э.) — вера, уподобление, рассудок и разум. Четыре ступени феноменологической редукции, согласно Гуссерлю (1859–1938), основателю течения феноменологии¹ — естественная установка, феноменологическая редукция, эйдетическая редукция, трансцендентальная редукция.

Каждая из этих ступеней характеризуется принятием реальности определённой степени относительности. Так, «естественная установка» в феноменологии, так же как «вера» по Платону, состоит в том, что внешние чувственно воспринимаемые предметы считаются в полной мере реальными. Таково же убеждение вайбхашиков в буддизме. Когда в результате критики опыта и размышления вера в реальность вещей, как мы их воспринимаем, уже не может поддерживаться, осуществляется переход от первой ступени ко второй: осознаётся, что предметы имеют только *условную* реальность. Дальнейшая критика приводит к третьей установке: внешние предметы нереальны, реальны только *идеи разума*, которые познание проецирует вовне, творя свою иллюзорную реальность. И наконец, высшая, четвёртая установка, или точка зрения, отказывает в реальности даже понятиям разума — как для мадхьямиков в буддизме, ничто не реально или реально только *пустотность* (шуньята).

Для высшей точки зрения недвойственности, где субъект и объект сливаются в Абсолютной Реальности, никаких противоположений не существует, поскольку не существует никакой двойственности. Согласно «Тайной Доктрине» Е.П. Блаватской, «Парабраман, Единая Реальность, Абсолют, есть область Абсолютного Сознания, то есть та Сущность, которая вне всякого отношения к условному существованию; условным символом которой является сознательное существование. Но как только мы мысленно отходим от этого (для нас) Абсолютного Отрицания, получается двойственность в противоположении Духа (или Сознания) и

¹ Феноменология (нем. *Phänomenologie* — учение о феноменах) — направление в философии XX века, определявшее свою задачу как беспредпосылочное описание опыта познающего сознания и выявление его структуры.

Материи, Субъекта и Объекта» [15, с. 49–50]. Эта двойственность развёртывается благодаря Великому Дыханию, то есть никогда не прекращающемуся движению Великого Всего, в первое противоположение — Пре-Космическая Мысле-основа (precosmic Ideation) и Пре-Космическая Корень-Субстанция (Мулапракрити).

«Как Пре-Космическая Мысле-основа есть корень каждого индивидуального Сознания, так Пре-Космическая Субстанция является субстратом Материи в различных стадиях её дифференциации. Отсюда очевидно, что противоположение этих двух аспектов Абсолюта необходимо для существования Проявленной Вселенной. Независимо от Космической Субстанции Космическая Мыслеоснова не могла бы проявиться как индивидуальное Сознание, ибо сознание развивается, как “Я есмь Я”, только через проводника (упадхи) материи; *поскольку физическое основание является необходимым для средоточия Луча Космического Разума при достижении известной сложности*². В свою очередь, отделённая от Космической Мысле-основы, Космическая Субстанция осталась бы пустою отвлечённостью и никакое возникновение Сознания не могло бы произойти. Потому Проявленная Вселенная исполнена двойственности, которая является как бы самой сутью её Проявленного Существования» [15, с. 50].

Таким образом, Прекоsmическая Мыслеоснова и Прекоsmическая Корень-Субстанция — первое противоположение, в котором ярко проявляются все характерные свойства противоположений — как полярная противоположность, так и полная взаимозависимость, когда развёртывание одного полюса возможно только во взаимодействии с другим полюсом и при условии его параллельного развёртывания. Однако, поскольку это противоположение непосредственно исходит из Абсолюта и составляет с ним метафизическую

---

² Последняя часть этого предложения, после слова «материи», скорректирована в соответствии с нормами современного русского языка. В переводе Е.И. Рерих: «физическое основание, будучи необходимым для средоточия Луча Космического Разума при достижении известной сложности» — прим. авт.

абстрактную Триаду, его нужно рассматривать особо, как стоящее над всеми остальными.

Все прочие противоположения относительны, и их можно условно разделить на *объективные* и *субъективные*. Объективные противоположения объективны не в том смысле, что они существуют вне нас, независимо от человеческого сознания и восприятия. Согласно принятой в Сокровенном Учении концепции *майи*, ничто не существует «объективно» в привычном нам смысле объективной реальности, не зависящей от сознания. Абсолют есть «единственная реальность, всё остальное лишь майя, ибо ни одно из подобных Протею³ проявлений духа и материи или Пуруши и Пракрити, не рассматривалось когда-либо в другом свете, нежели как временное заблуждение чувств» [12, с. 177]. Объективными можно называть такие противоположения, относительность которых не зависит от узости восприятия или ограниченности точки зрения *отдельного человека*. По отношению к таким противоположениям вмещением будет понимание и принятие их как части общей гармонии мироздания. Такие противоположения не устраняются с расширением сознания, но оба полюса их постигаются как относительные и при этом объективно различные аспекты Единой Реальности.

Субъективные противоположения — такие, которые выражают ограниченность *субъективного* восприятия и точки зрения. С расширением сознания такие противоположения снимаются, становятся неактуальными, с высшей точки зрения — несуществующими.

К объективным можно, например, отнести противоположения Света и тьмы, действия и противодействия, центробежности и центростремительности.

Центробежное и центростремительное движение духа есть объективное противоположение, вмещение которого является залогом успешного эволюционного продвижения как для человека, так и для общества. «Несоединённые

---

³ Протей — согласно греческой мифологии, морское божество, сын Посейдона, обладавший способностью принимать любой облик.

противоположения не дадут круга, без круга не будет системы вращения» [3, §501]. Центробежная сила здесь — стремление духа к новому опыту, к расширению поля сознания; центростремительная — необходимое возвращение и углубление духа в самого себя, чтобы не потерять и не растратить самого себя на «полях опыта». Чтобы возникло вращательное движение, обе силы должны действовать совместно и мощно, уравнивая друг друга. Но чтобы из вращения возникла спираль духовного восхождения, прошлые накопления должны каждый раз заново воспламеняться огнём устремления.

Противоположение Света и тьмы также является объективным. «Положение укрепляется противоположением. Свет являет тьму. Что же будет противоположением свету психической энергии? Конечно, абсолютная тьма. Эта эманация мертвенности пустоты и ничтожества будет тенью огня высшей энергии. Если знаем кристалл психической энергии, то знаем отложение тьмы. Высшее восхождение Тероса отзвучит низшему падению Тамаса» [3, §638]. Чем ярче фокус Света, тем глубже окружающая его тьма. Чем сильнее действие Света, тем сильнее противодействие тьмы, «чем выше развитие человека, тем более тонкие и изощрённые искушения его подстерегают» [13, с. 229].

Субъективные противоположения существуют только относительно воспринимающего и судящего сознания и выражают его ограниченность. Для таких противоположений вмещение будет означать расширение сознания и принятие более высокой точки зрения, по отношению к которой противоположение снимается.

Особое место среди субъективных противоположений занимает противоположение *добра и зла*. «Также людям трудно принять положение о несущественности добра и зла. Только противоположение даёт то и другое» [3, §247]. Среднее сознание под «злом» обычно понимает то, что доставляет ему страдание — но мы увидим, что в самых различных учениях показана целесообразность страдания, так что «зла» в таком смысле, можно сказать, вовсе не

существует, или оно чисто субъективно. «Зла нет как такового, а есть лишь отсутствие добра. Зло существует лишь для того, кто становится его жертвой. <...> Природа лишена добра или зла: она лишь следует неизменным законам, давая жизнь и радость или посылая страдания и смерть и разрушая созданное ею» [12, с. 166]. Для субъективного противоположения добра и зла вмещением будет осознание царящей в мире *целесообразности*, следствия непреложного действия *закона равновесия*. Когда это сознание твёрдо установлено, понятия «добро» и «зло» теряют свою актуальность для расширенного сознания.

Однако есть более конкретное значение понятия «зло», когда под ним подразумеваются сознательные действия, затрудняющие эволюцию, вызывающие волны хаоса, нарушающие нормальное течение сроков. «Истинное зло порождается человеческим рассудком и его происхождение всецело связано с рассуждающим человеком, который разобшил себя с природой. Таким образом лишь само человечество является истинным источником зла. Зло есть... порождение человеческого себялюбия и жадности. <...> Поэтому не природа и не воображаемое Божество должны быть порицаемы, но человеческая природа, ставшая низкой через себялюбие» [12, с. 166]. Сознательное противодействие добру является объективным злом, но уже не будет противоположением добру, потому что не является его необходимым полюсом, условием полноты его осуществления.

Рассмотрим, как некоторые из субъективных противоположений трактуются в Учении Живой Этики и в письмах Е.И. Рерих.

Освободиться от эгоизма (самости) – сохранить личность.

«Пространственное мышление вовсе не легко для большинства. Прежде всего для него нужно сохранить личность, но освободиться от эгоизма. Многим такое противоположение покажется вообще нелепым, для них эгоизм и есть личность. Явление мощной личности, преданной Общему

Благу, многим невообразимо, но без личности мышление не будет потенциально» [6, §55].

«Самая трудная, но необходимая дисциплина заключается в действии на пользу мира. Нелегко проследить за собою, чтобы избавиться от мыслей и дел самости. Но зато, когда вся личность отдана миру, тогда дисциплина становится не только лёгкой, но даже неощутимой. Найти отправную точку для самоотверженности, значит построить прямой путь к Огненному миру. Утверждение личности со всем астральным химизмом не есть самость, которая душит устремление к самому восхождению. Самость есть земное царство. Она не существует в Огненном мире — остаток её в Тонком мире и тяжким цепям подобен. Нетрудно усмотреть, как значение самости кончается в земном состоянии; она не применима к тонкому восхождению. Земные люди, попадая в Тонкий мир, особенно поражаются отсутствием самости в высоких сферах Тонкого мира» [7, §443].

С одной стороны, человеку предначертана эволюцией полная ассимиляция личности в Высшей Триаде. С другой стороны, это не означает, что личность есть бесполезный атавизм, с которым нужно бороться до полного его искоренения. Личность есть всего лишь инструмент, создаваемый Высшей Тριάой для получения опыта, причём материя для этого инструмента заимствуется из тех планов дифференциации единой духо-материи, на которых этот опыт может быть получен. Основным принципом личности является кама-манас, чувственный разум. Предоставленный самому себе, он следует присущей ему склонности к эгоизму и самости. Однако благодаря соединению с Высшим Манасом эта его природная склонность может и должна быть полностью замещена бескорыстным, неэгоистическим действием. Это не уничтожает личность, то есть соответствующие проводники духа, и даже не ослабляет её, потому что сила духа укрепляет личность и даёт ей гораздо больше энергии и более высокого качества, чем животный эгоизм и страстная натура, служившие источником энергии ранее. Если бы личность растворялась или даже просто

ослаблялась с полным уничтожением самости, то было бы невозможно явление бодхисаттв, аватаров и святых, которые воплощаются на земле для помощи человечеству. Так, буддийские бодхисаттвы полностью лишены самости, однако они обладают полноценными и сильными личностями, имеющими все проводники. В таких случаях можно сказать, что личность полностью преображается, так как всё то, что составляет личность для обычного человека, естественно отмирает и замещается новыми, духовными формами.

Самоутверждение – самоотвержение.

Это противоположение примыкает к предыдущему. Самоутверждение — это принятие всей полноты ответственности. «Урусвати знает сущность самоутверждения. Некоторые не понимают различия между сомнением и самоутверждением и удивляются, замечая признаки самоутверждения в речениях Великих Учителей. Такие люди не допускают, что сомнение происходит от низкой самости, тогда как самоутверждение наполнено самоотвержением. Истинно, великие Учителя допускали самоутверждение для утверждения Истины, приносимой ими миру. Подвигом можно назвать такое самоотверженное утверждение. Оно доказывает, что Учитель принял на себя всю ответственность, и Он даже мог употребить “Я” вместо обычного “Мы”. Так в Надземном мире можно видеть такое самоутверждение, когда оно может укрепить слабые сознания» [10, §876].

Инициатива – дисциплина.

«Человек, потерявший в догадке, где рабство и где свобода, не может мыслить об общине. <...> Основание общины — в свободе мышления и в уважении Учителя» [2, §92].

«Ученик не должен быть одержимым, и Учитель — поработителем. Между тем требуется осознание Иерархии и согласованность действий, совмещение свободной воли с признанием Учителя. Обычно смущаются слабые умы. Конечно, условия и ограничения противостоят свободе в

её вульгарном смысле. Но осознание целесообразности и культура составляют великое значение Учителя. Принять понятие Учителя будет прохождением первых врат эволюции» [3, §43].

«Конечно, инициатива в принципе поощряется. Но имейте в виду, что инициативу часто смешивают с проявлениями самости. Кроме того, без наличия суровой дисциплины духа инициатива приводит к шатаниям и сводится к спазматическим начинаниям, ни к чему не приводящим. Но всё спазматическое осуждено на разрушение, ибо строить на судорогах нельзя. Недаром в основу всех древних Учений полагалась дисциплина или послушание. И в данном нам Учении очень подчёркивается необходимость такой дисциплины. Что есть Иерархия, как не дисциплина! Во всех древних религиях и философских школах существовало учение общее и учение для ближайших, и вот в этом учении для ближайших прежде всего преподавалась дисциплина духа, и послушание было первым шагом к тому. Каждый водитель должен сначала научиться повиноваться, ибо иначе как будет он знать, что есть Указ и что есть исполнение его?» [16, т. II, с. 148; 02.06.1934].

Инициатива и дисциплина полностью соответствуют нашему определению противоположений в том смысле, что они не могут ни полноценно существовать, ни достичь полного развёртывания в отрыве друг от друга: дисциплина, полностью лишённая инициативы, будет уже не дисциплиной, а механическим исполнением. Можно привести в пример так называемую «европейскую забастовку», когда рабочие выполняют лишь то, что им прямо предписано инструкциями, но ничего сверх того. Руководство очень быстро понимает ущерб от такого исполнения. Инициатива, лишённая дисциплины, уже не будет инициативой, но разгильдяйством и самоуправством, граничащим с предательством. Только соединение этих противоположений даёт ту «дисциплину свободы», о которой говорится в Учении Живой Этики, — свободное,

устремлённое и творческое претворение в жизнь Указов Учителя и заветов Учения.

Отказ от собственности – окружение ею.

«Вспомним, как Будда постоянно упрекал одного ученика, лишившего себя всех вещей, в чувстве собственности, тогда как другому разрешал иметь около себя все вещи. Почему? Именно потому, что первый хотя и не имел вещей, но постоянно думал о них, тогда как второй уделял им правильное место в сознании своём. Сколько ходят людей, якобы отказавшихся от собственности и постоянно жаждущих того или другого вида обладания. Сколько скромников, боящихся выставить своё имя и в тайне души лелеющих надежду, что кто-то вспомнит о них. Сколько постников, щёлкающих зубами при виде запретной пищи! Сколько постоянно думающих о принесённых ими жертвах и надеющихся на сугубое вознаграждение! Бедные, обманывающие себя узники! Кто скажет им, что все усилия их ни к чему и скорее приведут к ожесточению сердца, нежели к освобождению, именно радостному освобождению в сердце и духе. Человек, в духе освободившийся от всех привязанностей к имени, почестям, собственности и т.д., не будет останавливать своего внимания на этом, настолько все эти так называемые отказы и отречения будут естественны, просты и легки для него. Вот именно этой радостной естественности и нужно достичь, ибо там, где живёт хотя бы малюсенькое сожаление или тень осуждения в этом других, все усилия останутся бесплодными. Не запрещением должны люди бороться против этих привязанностей, но развитием сердца и широкою мудростью, данной в Учении» [16, т. I, с. 326; 28.06.1932].

На первый взгляд, отказ от собственности и окружение ею — не противоположения, так как можно окружать себя собственностью, не отказываясь от неё, и, наоборот, отказываясь от неё, не окружая себя ею. Но всё-таки и между этими полюсами есть взаимозависимость, хотя и не такая явная: чем более человек свободен от чувства собственности, тем легче для него становится приобретение

материальных благ и владение ими. Духовный человек будет, не присваивая их, направлять эти средства на службу Общему Благу, сообразно особенностям своей миссии и расширенному пониманию целесообразности. Наоборот, привязанность к собственности рано или поздно становится препятствием к дальнейшему росту владений. Можно вспомнить суфийскую притчу о нищем, который получил от одного богача 100 динаров, огромную для него сумму. Не поделив её с женой, он пришёл к богачу и сказал: «Забери свои 100 динаров, или дай мне ещё 100, чтобы я дал их своей жене». Тогда богач забрал эти деньги у бедного и отдал богатому, сказав: «Богатый не будет жаловаться на то, что у него слишком много денег». В этой притче нищий был гораздо более привязан к деньгам, чем богатый, и именно эта привязанность была причиной его нищеты. У даосов тоже есть изречение на эту тему: «Мудрый путешествует рядом с тяжело гружёной повозкой», то есть он не взваливает на себя груз собственности, но и не избегает даваемых ею преимуществ.

Учения о противоположениях в истории мысли

В западной философии соединение противоположений обычно ассоциируется с диалектикой Гегеля (1770–1831), которая учит, что противоречие внутренне присуще самой действительности, что противоположности находятся в «диалектическом единстве» и через их борьбу осуществляется всякое развитие. Но Гегель при построении своей всеохватной метафизической системы оторвался от поля опыта, и те отношения, которые существуют в человеческом обществе, проецировал на всю природу. В частности, он смешал противоположность и противоречие: в человеческом мире, действительно, противоположности, как правило, порождают противоречия между людьми, точками зрения, теориями, государствами, общественными системами. Но в мире природы сплошь и рядом противоположности не только мирно

сосуществуют, но и не могут существовать друг без друга, и не столько отрицают друг друга, сколько утверждают — вспомним те же полюса магнита. Гегель же проецирует на всю природу схему «тезис – антитезис – синтез», где антитезис обязательно отрицает, «снимает» тезис, является «отчуждением» его, а синтез, в свою очередь, отрицает антитезис.

Более близкой Сокровенному Учению является возникшая на несколько лет раньше диалектика Шеллинга (1775–1854), в которой полюса двойственности своей борьбой стремятся уравновесить друг друга, не отрицая, и когда это происходит, борьба переходит на следующий более высокий уровень. Этот переход Шеллинг называл «потенцирование». Ступени потенцирования, в одном из вариантов, — магнетизм, электричество, химизм, организм. Близость философии Шеллинга к Сокровенному Учению можно отчасти объяснить тем, что он находился под сильным влиянием Лейбница и Спинозы, которые, в свою очередь, развивали идеи платоников Возрождения, прежде всего Джордано Бруно (1548–1600), великого мыслителя, имевшего непосредственное отношение к Братству Света.

Тем не менее гораздо более полное учение о противоположениях, и именно в том смысле, какой придаётся этому понятию в Живой Этике, мы находим в древних религиозных и философских учениях Востока.

В даосизме вмещение противоположений и относительности является одним из основоположений учения. Всякая двойственность, всякая противоположность, по учению даосов, условны, и эта условность понимается как порождаемая словом, то есть именем: *«Дорога появляется, когда её протопчут люди. Вещи становятся такими, какие они есть, когда им дают названия»* [21, с. 67]. Слова проводят разграничения в действительности, которая сама по себе едина. В древности, согласно преданиям, сохранённым даосами, эти разграничения не были устойчивыми и постоянными. *«Путь изначально не имеет пределов. Слова изначально не имеют установленного смысла»* [21, с. 69].

Тогда люди понимали условность всех разграничений и не привязывались к ним. Однако со временем люди стали привязываться к некоторым разграничениям, они стали общепринятыми, а впоследствии стали считаться объективными, существующими независимо от человека. *«Когда все в Поднебесной узнают, что прекрасное является прекрасным, появляется и безобразное. Когда все узнают, что доброе является добром, возникает и зло»* [20, с. 115]. Добро и зло, прекрасное и безобразное — не что иное как субъективные противоположения, полюса условной двойственности, существующей лишь в человеческом сознании. Если бы мы могли отказаться от привязанности к словам и к разграничениям, основанным на них, тогда мы могли бы вернуться к утраченному опыту *единой реальности* (Дао). Это и есть вмещение субъективных противоположений, приводящее к их снятию. Если же мы не можем мыслить вне противоположений, как мыслили совершенные люди древности, мы, по крайней мере, должны всегда помнить, что они существуют благодаря друг другу и связаны столь неразрывно, что составляют одно целое. *«Противоречивые суждения о вещах друг друга поддерживают, а если они перестают поддерживать друг друга, следует привести их к равновесию на весах Небес»* [21, с. 73].

В каждом из ключевых положений даосизма эти «весы Небес» проявляются во вмещении всех «да» и «нет». Так, Дао не только выше множества, но и вообще не может быть измерено числом, поэтому его нельзя назвать и единым по числу, оно не ограничено единством и свободно изливает себя во множество. *«Отказ от имён»* (*у мин*) не означает вечного молчания — это значит говорить, но при этом не попадать во власть слов, вместо этого самому использовать слова как орудия: как рыбак — сеть, как охотник — силки. *«Отказ от деяния»* (*у вэй*) не означает бездействия: это означает действовать лишь тогда, когда необходимо. Так же Будда говорил: «Нить необходимости проходит через все миры» [17, с. 23]. Такое действие должно быть абсолютно безличным, и хотя внешне оно может

казаться безыскусным, в нём будет проявляться высшее мастерство. *«Земля и Небо посредством надеяния свершают всё»*, мудрецы, *«будучи пустыми, они наполнены»*, *«знающий не говорит, говорящий не знает»* — примеры совмещения противоположений в даосизме можно множить без конца.

Особенно большое значение противоположениям и их вмещению уделял Владыка Будда — на это неоднократно указывает в своих письмах Е.И. Рерих. *«Так, Великий Будда, избирая в ученики, прежде всего испытывал их на вмещении так называемых пар противоположностей»*. Если ученик не мог осилить этого, Будда не приобщал его к дальнейшему знанию, ибо это было бы не только бесполезно, но и вредно. *«Познание действительности достигается лишь путём вечной смены и сопоставления пар противоположений»* [16, т. V, с. 141; 4.06.37]. В буддизме вмещение пар противоположений требуется для правильного понимания любой части учения. Так, одна из «благородных истин» — Срединный Путь — это не просто «золотая середина» в популярной трактовке, например, греческих «семи мудрецов»: «ничего слишком», что значит есть в меру, выпивать в меру и т.д. Срединный Путь Будды, так же как «Путь Сердца» (Чжун Юн) Конфуция, — это не средняя градация между двумя противоположностями, а именно выражение принципа вмещения противоположений: жить в мире, но быть не от мира сего, жить для земли, но лишь для того, чтобы приблизить её к Небу, и т.д.

Вот несколько примеров противоположений в учении Будды.

В отношении к телу Будда, с одной стороны, призывал не любить тело и не привязываться к нему. Он советовал постоянно помнить о бренности тела: «Увы! Недолго это тело проживёт на земле, отверженное, бесчувственное, бесполезное, как чурбан» [23, 3,41]. Также он советовал размышлять о его непривлекательности: «Изношено это тело, гнездо болезней, бренное; эта гниlostная груда разлагается,

ибо жизнь имеет концом — смерть» [23, 11,146], и даже посещать места сожжения трупов. Если следовать только этим указаниям, можно прийти к тем же крайностям аскетизма, через которые сам Будда прошёл во время своих духовных исканий, осознав их полную бесплодность.

Но, по учению Будды, нельзя и умерщвлять тело и даже относиться к нему с пренебрежением, напротив, нужно ценить его и заботиться о нём. Заботу о теле он сравнивал с заботой о ране, которую мы не любим, но окружаем вниманием. Ценить тело нужно уже за то, что оно предоставляет уникальные возможности для выхода из замкнутого круга сансары.

Итак, видеть в теле огромную, почти бесконечную ценность и при этом не привязываться к нему, используя его лишь как средство, — таково одно из главных противоположений, которые должен вместить буддист. То же требование будет иметь силу и для последователя Агни Йоги.

В понятии *Нирваны* для буддиста соединены противоположения величайшего покоя и самой напряжённой активности. Одно из значений санскритского слова «нирвана» — «полное угасание». Вследствие этого западные санскритологи сделали вывод, что Нирвана — это полное уничтожение «я» человека. На самом деле в буддизме это означает полное угасание жажды удовольствий и привязанности, но не значит уничтожения существования. «Нирвана невыразима в словах» — один из догматов буддизма махаяны. Но в этом непостижимом состоянии освобождённый дух не замирает в пассивном оцепенении, наоборот, его деятельность, свободная теперь от всех ограничений, достигает немислимых для нас масштабов и интенсивности.

Ещё одно противоположение, связанное с понятием Нирваны, касается способа её достижения. Говорится, что нельзя достичь Нирваны, пока остаётся хоть малейшее желание такого достижения. Но это не значит, что любой материалист, который даже не верит в Нирвану, достигнет её быстрее устремлённого буддиста. Противоположение состоит в том, что нужно, с одной стороны, делать всё

то, что делают люди, страстно стремящиеся к освобождению, но при этом, с другой стороны, заставить себя быть равнодушным к плоду окончательного достижения. Любое желание вносит двойственность «ожидаемое – получаемое», даже самое возвышенное и неэгоистическое желание, такое как желание полностью избавиться на пороге Нирваны от своего эго. Эта двойственность заставляет рассудок постоянно воспроизводить в суждении оценку, сравнение полученного с ожидаемым. Такая двойственность является препятствием для полного, неразделенного усилия, которое требуется для высшего достижения духа, Нирваны.

То же можно сказать и о достижении счастья вообще: лишь тот, кто трудится, не рассчитывая своих шансов на успех, но при этом с полной самоотдачей, получает в конце концов то, на что и не надеялся. Это же требование *действовать, не привязываясь к плодам действия*, распространяется и на всю жизнь и труд человека, сознательно вступившего на путь самосовершенствования.

Двойственно в буддизме отношение и к *закону кармы*. С одной стороны, будда (дословно «пробуждённый») становится свободным от закона кармы, потому что кармические ограничения для него более недействительны. С другой стороны, это не значит, что закон кармы на него уже не действует. Этот закон универсален и его действие распространяется на все сферы мироздания; однако будда становится *единым* с законом кармы, и поэтому не ограничивается им.

Этому вопросу посвящена популярная дзенская притча «Байчжан и лиса»: «Как-то на проповедях Байчжана стал появляться некий старик. Однажды, когда наставления были окончены, он не ушёл из зала вместе с другими. Байчжан спросил его, что он за человек. “Ныне я не принадлежу к человеческому роду, — ответил старик. — Но когда-то, во времена будды Кашьяпы, я жил на этой горе и наставлял истине. Однажды меня спросили: “Подвластен ли прозревший истину человек закону причинности существования?” Я ответил: “Не подвластен”, и за это был

превращён в лису на пятьсот перерождений. Прошу вас, о монах, своим мудрым словом помочь мне избавиться от лисьего облика. Осмелюсь спросить: “Подвластен ли прозревший истину человек закону причинности существования?” “Прозревший истину человек не отличает себя от причинности существования”, — ответил Байчжан. Услышав эти слова, старик достиг просветления. Он отвесил поклон и сказал: “Теперь я освободился от лисьего облика и должен покинуть своё тело, которое находится на горе. Прошу вас похоронить меня по монашескому чину”. С этими словами он исчез» [22].

«Причинность существования» здесь — не что иное, как закон кармы, «прозревший истину человек» — будда или бодхисаттва. Как может человек не отличать себя от закона причинности, стать единым с ним? Как пишет мыслитель эпохи Возрождения Дж. Бруно в своей работе «100 тезисов», Бог установил для всего творения один закон — закон Любви. На нём основана и в нём заключена вся причинность, или, в терминах восточной философии, карма. Причинность действует таким образом, чтобы человек научился любить — всем сердцем, без остатка. Так называемые «кармические долги», или «прошлые кармы» — это ситуации или действия, в которых мы не проявили достаточной любви. Милосердный закон не наказывает за это, но предоставляет всё новые и новые возможности для проявления любви. Чем дальше человек от любви, чем больше он упорствует в своём эгоизме, тем тяжелее будет он ощущать на себе гнёт кармического закона. По выражению стоиков⁴, «кто не следует своей судьбе сам, того она влечёт за собой силой». Но тот, кто добровольно следует закону Любви, тот не чувствует на себе его тяжести, наоборот, он возносит его к непостижимым высотам духа. Так приходит к синтезу противоположение «*быть*

---

⁴ Стоицизм — философская школа эллинистическо-римской эпохи (IV в. до н.э. — II в. н.э.). Её основатель — Зенон из Китиона (346–264 до н.э.), главные представители — Клеанф (? — ок. 232 до н.э.), Панетций (ок. 180–110 до н.э.), Посидоний (ок. 135–51 до н.э.), Сенека (4 до н.э. — 65 н.э.), Эпиктет (50–138) и Марк Аврелий (121–180).

под властью закона причинности» и «быть свободным от его ограничений».

Нирвана, кроме указанного, означает также угасание «костра кармы». «Кармические долги» «сгорают» в огне тапаса (подвижничества) — это не значит, что они прощаются подвижнику, наоборот, они отрабатываются с огромной скоростью, но в формах более духовных, чем у обычного человека. Существует изречение «причинное тело будды пусто» — это означает, что просветлённый дух не имеет старых долгов и не производит новых, поскольку он сжёг в огне тапаса все прежние долги и совершенно преодолел в себе самость. Для него костёр кармы полностью угас. В веданте для описания состояния такого человека используется образ «прожаренного зерна»: поскольку просветлённый человек живёт на земле, он действует, а значит, создаёт причины для будущих следствий своих поступков. Это сравнивается с разбрасыванием зёрен. Как и обычный человек, просветлённый разбрасывает зёрна будущих следствий, но, в отличие от обычного человека, его зёрна «прожарены» огнём тапаса, и поэтому не приносят всходов. Но это не означает, что действие закона кармы для него прекратилось. Просто теперь «карма» уже не означает «долг», а приобретает свой изначальный смысл «работы»: совершая каждое действие совершенно безлично, просветлённый становится каналом, через который благодать Высших миров изливается в миры желания и формы, в том числе в наш земной мир. Можно сказать, что действие закона тяготения более развёрнуто проявляется в полёте птиц и летательных аппаратов, чем в неподвижности тел, прикованных к земле. Подобным образом закон кармы принимает собственную форму только применительно к просветлённому духу, все остальные испытывают на себе только один аспект действия этого закона.

Ещё один пример противоположения, очень трудного для вмещения, можно взять из учения буддизма в области морали — оно связано с учением *анатта*. Палийское слово *анатта*, на санскрите *анатма*, дословно означает

«не-самость» — это учение о том, что не существует реальной и постоянной самости (принципа «я») ни у одного живого существа, так же как учение *асатта*, санскр. *асаттва*, утверждает, что ни одна вещь не обладает реальной и постоянной сущностью. Эти два учения принимаются всеми школами буддизма, независимо от их различий в области теории познания и метафизики. Так вот, если не существует постоянного «я», но лишь вечно меняющаяся цепь причин и следствий, то какой смысл имеет Великий Обет бодхисаттвы, например Авалокитешвары или Самантабхадры, которые отказываются от вхождения в Нирвану ради помощи всем живым существам. Кого обещает спасти бодхисаттва, если достигнутая им *праджня* (санскр. «мудрость», «истинное прозрение в суть вещей») показывает ему, что спасти некого, так как повсюду лишь одно реальное Сверх-Я, и не от чего, так как он уже познал полное тождество сансары и Нирваны, условной и безусловной реальности? Ради кого тогда эта великая жертва, не теряет ли она смысл? Вполне вместить это противоположение — и значит, собственно, стать бодхисаттвой.

В *Евангелии* в рассказах об Иисусе также можно без труда обнаружить примеры противоположений. Например, известное высказывание Иисуса: «Кто станет сберегать душу свою, тот погубит её; а кто погубит её, тот оживит её» [Лк. 17:33; также Лк. 9:24, Мф. 16:25, Мк. 8:35]. В *Евангелии* от Иоанна дан несколько иной вариант этого высказывания: «Любящий душу свою погубит её; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит её в жизнь вечную» [Ин. 12:25]. Автор *Евангелия* от Иоанна даёт поясняющую параллель к этому противоположению в образе зерна пшеничного: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода» [Ин. 12:24]. Ещё больше проясняется этот образ апостолом Павлом: «Так и при воскресении мёртвых: сеется в тлении, восстаёт в нетлении; сеется в уничижении, восстаёт в славе;

сеется в немощи, восстаёт в силе; сеется тело душевное, восстаёт тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное. Так и написано: первый человек Адам стал душою живущею; а последний Адам есть дух животворящий. Но не духовное прежде, а душевное, потом духовное» [1Кор. 15:42–46]. Таким образом, «сохранить душу» и «погубить душу» — два противоположения, каждое из которых, если ему следовать в отдельности, приводит душу к краху всей её эволюции. И только если эти противоположения, вмещаая, соединить — сохранять душу, только жертвуя ею, и губить душу, только возрождая её в духе, — лишь так смерть и рождение сливаются для души воедино, и эта двойственность теряет для неё силу.

Ещё один пример истинного противоположения в Евангелии, которое часто принималось за противоречие, — с одной стороны, завет «Возлюби ближнего своего, как самого себя» [Мф. 22:39, Мк. 12:31, Лк. 10:27]. У Иоанна несколько иначе: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга» [Ин. 13:34]. С другой стороны: «Не думайте, что Я пришёл принести мир на землю; не мир пришёл Я принести, но меч, ибо Я пришёл разделить человека с отцом и дочь с матерью, и невестку со свекровью её, и враги человека — домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня, и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня...» [Мф. 10:34]. Кто же ближние, если не сын или дочь? Что тогда значит «возлюби ближнего»? Противоположение отчасти разрешается, как указывает Елена Ивановна Рерих [16, т. II, с. 237–238; 21.07.1934], тем, что кровное родство заменяется духовным: настоящие ближние — не мать и не отец, но братья и сёстры по духу. Родственники могут быть духовно далёкими людьми и объективно выступать врагами в духе, но и они также заслуживают любви: «А Я говорю вам: любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» [Мф. 5:44]. Но здесь есть и другое, более глубокое противоположение — любви

и битвы. Для большинства людей любовь ассоциируется с миром и покоем, а меч — с войной и битвой. Как разрешить это кажущееся противоречие?

В Учении Живой Этики утверждается необходимость вмещения для такого противоположения, как *битва* и *созидание*: «Урусвати знает сочетание битвы и созидания. Явление битвы и созидания с земной точки зрения будут противоположениями. Но Мы скажем — созидание есть рассеивание тьмы. Значит, вместо противоположения получается сочетание. Нас часто обвиняют, что Мы запугиваем битвой и что Наша битва почти бесконечна. Люди утверждают, что созидание мирно, но битва убийственна. Можно ли представить себе созидание без сложения элементов, без мужественного преоборения препятствий? Так и Наша битва есть преоборение хаоса. Если не будет такой обороны, волны хаоса захлестнут все достижения. Нужно твёрдо согласиться на понимание битвы и созидания как действенных начал Бытия» [10, §116]. Можно сказать, что любовь есть созидание, и следовательно, борьба с проявлениями хаоса и служителями его. Кроме того, истинная любовь строит реальность поверх всяких условий и условностей, и меч любви рассекает много мильных и привычных связей. Потому вестник Любви может изображаться с мечом.

В книге «Надземное» сказано: «Каждый человек беспрестанно находится в трёх битвах. Человек может воображать себя в полном покое, но на самом деле он будет принимать участие в *трёх* битвах одновременно. Первая будет *между свободной волей и кармой*. Ничто не может освободить человека от участия в столкновении этих начал. Вторая битва бушует вокруг человека *между развоплощёнными сущностями добра и зла*. Так человек становится добычей одних или других. Невозможно представить себе ярость тёмных, пытающихся овладеть человеком. Третья битва шумит в бесконечности в пространстве *между тонкими энергиями и волнами хаоса*. Невозможно человеческому воображению охватить такие битвы в беспредельности.

Ум человеческий понимает земные столкновения, но не может он, глядя в голубое небо, представить, что там бушуют мощные силы и вихри. Только овладев чувствами земными, может человек помыслить о невидимых мирах. Нужно привыкать к таким мыслям. Только они сделают человека сознательным участником сил Беспредельности» [10, §161]. Все указанные битвы происходят между полюсами противоположений. Если противоположения условны, то почему битвы столь суровы и реальны? Но битва в том и заключается, чтобы преодолеть ограничения условной действительности. Только в битве достигается вмещение противоположений, только через страдания глубже всего запечатлеваются уроки жизни. Не зря одним из титулов Просветлённых в Индии было Джина, «Победитель».

В учении *суфизма* также можно найти хорошие примеры вмещения противоположений. Вмещение субъективного противоположения между жизнью внешней и внутренней иллюстрируется в следующей суфийской притче. Один ученик пришёл к суфийскому учителю, когда в его большом доме был праздник и много гостей. Учитель согласился принять его, если он выдержит испытание. Он дал ученику чашу, наполненную до краёв водой, и сказал, что он должен держать её в руках и не пролить из неё ни одной капли до конца дня. В конце дня ученик пришёл к учителю с полной чашей, и учитель спросил: что ты видел в моём доме, что тебе больше всего понравилось? Я ничего не видел, — ответил ученик, — потому что я только и следил за тем, чтобы не пролить ни капли из своей чаши. Тогда учитель на следующий день снова дал ему полную чашу и дал задание увидеть как можно больше вещей вокруг себя. В конце дня ученик вернулся с большим количеством впечатлений, но чаша его вся расплескалась. «Вот когда ты научишься, не расплёскивая чашу, видеть всё, что вокруг тебя, — тогда только ты сможешь стать моим учеником», — сказал ему учитель.

В философии *античности* соединение противоположностей также полагалось многими философами. У *Гераклита Эфесского* (ок. 540–460 до н.э.) в дошедших до нас фрагментах немало примеров совмещения противоположений, например «*Скрытая гармония лучше явной*», «*Огня всегда недостаток и избыток*», «*Путь вверх и путь вниз один и тот же*» и др. Особенно глубоко последнее изречение: «вверх» и «вниз» — понятия, принадлежащие целиком к плану относительности, но «путь» — символ истинной Реальности. Так, например, восхождение с точки зрения материи будет нисхождением с точки зрения духа: чтобы материя одухотворилась, нужно, чтобы дух материализовался. Символ *Огня* как мирового Начала у Гераклита также очень созвучен Учению Живой Этики: «Этот Космос, один и тот же для всего существующего, не создал никакой бог и никакой человек, — но всегда он был, есть и будет вечно живым Огнём, мерами загорающимся и мерами потухающим» [Фр. 30. {20}]. Огонь как сущность жизни — зримое выражение синтеза противоположений: жизнь по природе своей есть горение, смерть — сгорание. Как горение и сгорание неотделимы друг от друга, но являются двумя противоположными аспектами одного и того же явления, так и жизнь и смерть, рождение и умирание.

Великий *Платон* (427–347 до н.э.) наиболее ярко запечатлел совмещение противоположений в облике Эрота — бога любви.

«Поскольку же он [Эрот] сын Пороса и Пеннии, дело с ним обстоит так: прежде всего он всегда беден и, вопреки распространённому мнению, совсем не красив и не нежен, а груб, неопрятен, не обут и бездомен; он валяется на голой земле, под открытым небом, у дверей, на улицах и, как истинный сын своей матери, из нужды не выходит. Но с другой стороны, он по-отцовски тянется к прекрасному и совершенному, он храбр, смел и силен, он искусный ловец, непрестанно строящий козни, он жаждет разумности и достигает её, он

всю жизнь занят философией, он искусный чародей, колдун и софист. По природе своей он ни бессмертен, ни смертен: в один и тот же день он то живёт и расцветает, если дела его хороши, то умирает, но, унаследовав природу отца, оживает опять. Всё, что он ни приобретает, идёт прахом, отчего Эрот никогда не бывает ни богат, ни беден. Он находится также посредине между мудростью и невежеством, и вот почему. Из богов никто не занимается философией и не желает стать мудрым, поскольку боги и так уже мудры; да и вообще тот, кто мудр, к мудрости не стремится. Но не занимаются философией и не желают стать мудрыми опять-таки и невежды. Ведь тем-то и скверно невежество, что человек и не прекрасный, и не совершенный, и не умный вполне доволен собой. А кто не считает, что в чём-то нуждается, тот и не желает того, в чём, по его мнению, не испытывает нужды» [Пир, 203се].

Таким образом, Эрот — это идеал философа, потому что главные противоположения познания совмещаются в его убеждении *«знаю, что ничего не знаю»*: чем больше он познаёт, тем больше осознаёт, сколько ещё не знает. Знание и незнание его растут, взаимно усиливая друг друга, только так может раскручиваться спираль познания. Изолируйте любой из полюсов этой двойственности — и движение познания остановится.

Вмещение противоположений и целесообразность

Согласно Учению Живой Этики, истинное понятие целесообразности непосредственно вытекает из вмещения противоположений: «Мало кто понимает, что целесообразность, вытекающая как следствие из противоположений, главенствует во всей Вселенной» [16, т. VI, с. 106; 29.04.1938]. Родство целесообразности с противоположениями состоит в том, что она заставляет служить высшей цели самые противоположные силы, которые никогда не стали бы сотрудничать между собой напрямую.

Елена Ивановна находит образцы истинной целесообразности в Евангелии. Она пишет: «Как пример целесообразного действия приведу место из Евангелия от Матфея, глава 17, стих 24–27. “Когда же пришёл в Капернаум, то подошли к Петру собиратели дидрахм и сказали: “Учитель ваш не даст ли дидрахмы?” Он говорит — да. И когда вошёл в дом, то Иисус, предупредив его, сказал: “Как тебе кажется, Симон, цари земные с кого берут пошлыны, с сынов своих или с посторонних?” Пётр говорит Ему: “С посторонних”. Иисус сказал ему: “Итак, сыны свободны, *но чтобы нам не соблазнить их*, пойди на море, брось уду, и первую рыбу, которая попадётся, возьми; и открыв у неё рот, найдёшь статир (4 драхмы); возьми его и отдай им за Меня и за себя”». «Также и от Марка, глава 12, стих 14–17. “Они же пришедши говорят Ему: “Учитель! Мы знаем, что Ты справедлив и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лице, но истинно пути Божию учишь. Позволительно ли давать подать кесарю или нет? Давать ли нам или не давать?” Но Он, зная лицемерие их, сказал им: “Что искушаете Меня? Принесите Мне динарий, чтобы Мне видеть его”. Они принесли. Тогда говорит им: “Чьё это изображение и надпись?” Они сказали Ему: “Кесаревы”. Иисус сказал им в ответ: “Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу”. И дивились Ему”. Сколько снисхождения к условностям жизни, к малым сознаниям, и сколько целесообразности в самом поступке и словах — “*чтобы нам не соблазнить их*» [16, т. VII, с. 67; 06.05.1940]. «Также и в Учении сказано: “Если волна несёт ценный предмет, то не безразлично [ли], каково построение этой волны, важно, чтобы она донесла ценный предмет”» [16, т. VII, с. 76; 24.05.1940]. И старинная восточная пословица, гласящая «и джинны строят храмы», неоднократно повторялась Рерихами. И действительно, по легенде царь Соломон при строительстве Храма в Иерусалиме заставил джиннов помогать строительству, используя силу своего магического перстня. «С точки зрения целесообразности мы увидим, что величие Высших Сил в том и проявляется, что они обращают всё худое на

пользу и в конечном итоге заставляют противников добра служить Общему Благу. Не есть ли это великое достижение?!» [16, т. VII, с. 67; 06.05.1940; т. VI, с. 106–107; 29.04.1938].

На Западе *стоики* особенно любили подчёркивать целесообразность, царящую в мироздании, которое они рассматривали как живой организм. Их излюбленной темой было объяснение целесообразности кажущихся зол, бед и страданий, которые обычно заставляют человека роптать на судьбу и на Высшие Силы. Самый распространённый пример, иллюстрирующий целесообразность страданий, — пример врача, который, излечивая пациента, должен причинить ему страдания иногда большие, чем сама болезнь. И удел пациента — терпеть ради своего же блага: лат. *patientus* дословно — «терпящий». Этот пример, кроме стоиков, использовали Гераклит, суфии и многие философы других восточных традиций.

Вот пример «целесообразного страдания» в известной суфийской притче. Один путник, отдыхая у дороги, поел сладких плодов и заснул под деревом. Пока он спал, маленькая ядовитая змейка, привлечённая запахом этих плодов, залезла через рот ему в желудок так, что он ничего не почувствовал. Но это увидел всадник, проезжавший мимо. Он понял, что нужно действовать решительно и без промедления, и ударами кнута разбудил путника, погнал его к ручью и заставил пить много воды, не обращая внимания на вопли несчастного о помощи. Когда тот выпил достаточное количество воды, он заставил его вызвать рвоту, и с водой вышла опасная змея. Лишь когда путник увидел её, он понял, что всадник спас ему жизнь и действовал при этом единственным возможным способом. Аналогичным образом, кто знает, не являются ли наши наибольшие мучители и притеснители нашими спасителями в конечном счёте?

Буддизм также придаёт огромное значение целесообразности. Говорится даже об особом учении о «целесообразной

истине», согласно которому не существует одной раз и навсегда данной истины, которая сохраняла бы своё значение для каждого в любой ситуации. Согласно этому учению, значение сказанного и написанного слова состоит не в том, что подразумевал его автор, а в том воздействии, которое оно оказывает на слушателя и читателя. Потому одно и то же слово может в разных ситуациях иметь диаметрально разный эффект, а значит, противоположный смысл.

Одно из свидетельств о жизни Будды гласит, что он на некоторые вопросы отвечал по-разному в зависимости от того, кто задавал вопрос: иногда положительно, иногда отрицательно, а иногда «благородным молчанием». К таким вопросам относился вопрос: «Существует ли бессмертная душа, которая остаётся после смерти тела?» Когда этот вопрос задал материалист, порабощённый жаждой чувственных удовольствий, Будда ответил утвердительно. Когда тот же вопрос задал учёный пандит, порабощённый внешней догматической стороной ведийского знания и ритуалов, Будда ответил отрицательно. Во многих других случаях Будда отвечал на этот вопрос «благородным молчанием». Значит ли это, что Будда прибег к «целесообразной лжи»? Вовсе нет, так как все три ответа указывали на различные аспекты истины: материалисту Будда ответил, на самом деле, что существование человека не сводится только к жизни и потребностям тела. Ответ Будды пандиту означал, что привязанность к вечному «я» сковывает ничуть не меньше, чем привязанность к телу. «Благородное молчание» означало, что знание по данному вопросу и само размышление над ним для спрашивающих в данный момент скорее вредно, чем полезно. Для объяснения этой нецелесообразности Будда приводил в пример человека, раненого стрелой: если он вместо того, чтобы извлечь стрелу и обработать рану, начнёт исследовать материал, из которого сделана стрела, причины, по которым она в него попала и т.д., то, вероятно, он погибнет от этой раны. Для человека, раненого «украшенными цветами стрелами» Мары, уносимого потоком сансары в водоворот страдания,

нецелесообразно вдаваться в метафизические рассуждения, ему нужно в первую очередь найти средства к освобождению и использовать их.

Приведём ещё один пример, иллюстрирующий целесообразность в понимании буддистов. Это притча о мудром отце. Один отец как-то раз отправился на ярмарку, оставив своих детей одних дома. Когда он возвращался с ярмарки, он увидел, что дом снаружи уже охвачен огнём, но дети внутри ещё этого не видят. Он понял, что если он закричит «пожар», дети не осознают опасность так скоро, как это требовалось для их спасения. Тогда он позвал детей, сказав: «Дети, скорее, смотрите, какие замечательные подарки я привёз вам с ярмарки!» — Так ему удалось скорейшим образом выманить детей из горящего дома.

Ложь недопустима ни в каком виде, ни под каким благовидным предлогом, как согласно учению Будды, Христа, так и Живой Этики. Но Истина, как её видит просветлённый человек, несравнимо шире, чем может вместить любое среднее сознание, поэтому, сообщая истину, мудрый не только может, но обязан выделять лишь один аспект истины, который данному человеку в данный момент наиболее полезен. *«Целесообразность порождается от приложения высших мер»* [10, §668].

Многих последователей Рерихов смущало, что не все предсказания, возвешённые через них Учителями, сбывались. Так, уже в послевоенные годы Е.И. Рерих остерегала сотрудников в Нью-Йорке от возможного большого наводнения. Оно так и не осуществилось, и некоторые помощники отошли, посчитав это простой ошибкой. Тем не менее, если посмотреть на эти случаи с более широкой точки зрения, можно увидеть здесь применение метода, который в Учении Живой Этики называется *«вести под знаком»* и соответствует буддийской «целесообразной истине» — когда даётся знамение события возможного, но такого, которое может и не осуществиться, и это знамение заставляет человечество напрячь усилия и тем самым достичь спасительного исхода. «Мировые события часто происходят не самими

действиями, но под знаками приближения действий. Люди творят многое под знаком радости, когда ещё радости нет, или под знаком ужаса или войны, когда это ещё не произошло. Многое совершается лишь под знаками, потому такие рефлексы приобретают самое важное значение для перемены жизни. Можно видеть это на многих примерах. Зачем сама война, со всеми бедствиями, если один мираж может напрячь энергию! Многое строится совершенно реально, лишь гонимое миражом. Майя иногда может быть сильнейшим двигателем» [8, §125].

Так, если перед Второй мировой войной знамений оказалось недостаточно, и человечество окунулось в бездну самого ужасного бедствия, то Третьей мировой войны пока удалось избежать в её «горячей» форме — именно «под знаком» возможного взаимного уничтожения. Учитель также неоднократно вёл Рерихов «под знаком», в частности, во время их визита в Москву в 1926 году, когда они буквально прошли по краю пропасти. Если бы они знали всю меру грозящей им опасности, им было бы гораздо труднее сохранять равновесие, необходимое для успеха. Так и предостережения о будущих наводнениях в Нью-Йорке и других местах, сделанные Е.И. Рерих, оставили след в пространстве мысли, который послужит делу спасения, когда предугазанные события действительно осуществляются.

К «целесообразной истине» можно отнести внешне противоречивое требование, которому веками следуют Учителя Человечества: *«Истина должна быть сохранена в тайне, истина должна быть возведена. Ибо для невежественного человечества преждевременное знание столь же фатально, сколь губителен свет для того, кто находился в темноте»* [11, с. 8]. Это объективное противоположение между необходимостью просвещения человечества и запретом причинить ему вред преждевременной выдачей знаний, которые будут неправильно поняты и использованы во зло. В течение всех веков истории это противоположение совмещалось посредством выдачи-сокрытия знания в оболочке символов. Символ позволяет проникнуть в его тайный смысл

лишь тому, кто по уровню развития сознания достаточно подготовлен, чтобы вместить содержащееся в нём знание. Всем остальным символическая оболочка позволяет довольствоваться внешним поверхностным пониманием. Лишь в XIX веке было решено, что наступило время, когда более целесообразно дать не только символы, но и некоторые ключи к их правильному истолкованию — начался новый этап Провозвестия, осуществляемый Теософией и Живой Этикой.

Иезуитская «целесообразность»

Как указывает Елена Ивановна Рерих, способность сердечного распознавания требуется для того, чтобы безошибочно отличать высокую целесообразность от иезуитского принципа «цель оправдывает средства». Далеко не всем и не всегда можно даже говорить обо всех возможных приложениях принципа целесообразности, «чтобы не соблазнить» малые сознания, которые, видя только внешнюю сторону поступков, могут прийти к иезуитской трактовке «целесообразности». О таких Елена Ивановна писала: «Есть и такие, которые видят в проведении целесообразности даже аналогию иезуитской формулы — “Цель оправдывает средства”. Такие сознания самые опасные, и часто они почти безнадежны. Они не могут понять, что во всём и всегда единое мерило — общее благо или чистота побуждения, лишь чистое сердце может подсказать и правильное понимание приложения космических законов и формул Учения» [16, т. VI, с. 106; 29.04.1938].

Учение о том, что для морали и для судьбы души решающее значение имеют не внешние формы и последствия поступков, а движущие мотивы сердца, было изначально заложено и в буддизме, и в христианстве. Так, Будда говорил: «Для чистых всегда стоит святой месяц Пхаггу. Для чистых всегда постоянный пост» [24, с. 358]. Здесь «чистый» означает, конечно, чистоту помыслов и намерений, полностью лишённых всяких эгоистических мотивов, а не

ритуальную чистоту, обретаемую омовениями и другими ритуалами. Об этом же говорится в эдиктах царя Ашоки, которые высекались на каменных колоннах по всей Индии: «Благочестивые правила имеют мало значения, а размышление превосходно». Также и в Евангелии можно найти подтверждения этому учению. Иисус противопоставляет ветхозаветной морали, оценивающей внешнее действие и его последствия, мораль Нового Завета, оценивающую побуждения сердца: «Итак, если ты принесёшь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой» [Мф. 5, 23–24] — то есть внешнее действие жертвы не имеет никакого значения, если мысли отягощены враждой; и далее: «Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своём» [Мф. 5, 27–28].

Это полностью соответствует принципу Единого Учения, согласно которому человек есть прежде всего Мыслитель и оценивается главным образом по качеству мышления.

В Средние века *Пьер Абеляр* (1079–1142) возродил это основоположение подлинно христианской морали в своём труде «Этика, или Познай самого себя», проведя разделение понятий «порок», «грех», «злая воля» и «злое деяние». «Порок» означает просто недостаток, несовершенство, слабость, болезнь, как в выражении «порок сердца». Согласно Абеляру, слабость тела проявляется в болезненности, слабость души — в склонности к чувственным удовольствиям. Слабости присущи каждому человеку — слабости тела так же, как и слабости души, но сами по себе эти слабости нравственно нейтральны, пока не вступает в действие воля человека. Грех (и зло) появляется лишь тогда, когда воля человека даёт своё согласие («сочувствие») дурной склонности, и тем самым оскорбляет Бога. Если за этим согласием следует греховный поступок, то, как утверждает Абеляр, это уже

ничего не прибавляет к греховности «согласия на грех», хотя и наказывается более строго, исходя из человеческих установлений.

Впоследствии *Фома Аквинский* (ок. 1225–1274) вернул в католическую теологию старое учение о преобладающем значении поступков над мотивами. Таково было учение его главного авторитета, Аристотеля, такова была ветхозаветная мораль, и такое понимание ближе к обыденному здравому смыслу, выраженному в пословице «благими намерениями вымощена дорога в ад». Тем не менее иезуиты с самого момента возникновения своего ордена в 1534 году с большой пользой для себя использовали учение Абельяра, предварительно полностью извратив его. Согласно Абельяру, только внутреннее согласие воли, выраженное в «намерении», имеет нравственную и религиозную ценность. Иезуиты же основали своё учение и свои методы на том обстоятельстве, что истинные мотивы человеческих поступков незримы и иногда скрыты даже от самих деятелей.

Только зрячее сердце, как утверждает Сокровенное Учение, способно распознать подлинные устремления другого сердца. Те, чьё сердце слепо, кто руководствуется в своих суждениях одной лишь видимостью, то есть огромное большинство, те открывают широчайшее поле для деятельности таких мастеров казуистики и маскировки, как иезуиты. Они решили, что если истинные мотивы, как считалось, ведомы только Богу, то можно под видимостью благих мотивов совершать и оправдывать любые злодеяния.

Учение о том, что чистота намерений, а не внешнее действие имеет решающее значение, принадлежит, как уже было сказано, к главным принципам буддизма, христианства и другим учениям, исходящим из Единого Источника. Хотя и в этих учениях есть формула нравственного закона для внешних действий — так называемое «золотое правило морали»: «Не делай другому того, чего себе не желаешь», например в Евангелии: «Итак во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» [Мф. 7:12].

В программной книге «Духовные упражнения» основателя иезуитского ордена Игнатия Лойолы (1491–1556) можно увидеть многие приёмы медитации и самосовершенствования, весьма похожие на буддийские практики. Собственно «дух иезуитства» берёт начало с того момента, когда к клятвам «товарищества Иисуса» (целомудрия, бедности и отказа от занятия публичных должностей) была добавлена знаменитая «четвёртая клятва» — клятва повиноваться Генералу ордена и Папе и исполнять их поручения, куда бы и с какой бы целью они ни послали их. С этого момента принцип «цель оправдывает средства» стал трактоваться весьма расширительно.

Справедливости ради надо отметить, что этот принцип вовсе не был изобретён Лойолой, он был характерен для Ватиканского престола ещё с раннего средневековья. Иезуиты только сделали из этого принципа официальную идеологию и довели его применение до совершенства. Яркий пример следования ему ещё до возникновения ордена иезуитов — продажа Ватиканом индульгенций для завершения постройки собора св. Петра.

В XVII веке французский философ *Блез Паскаль* (1623–1662) раскрыл ужасающую гнусную подоплёку иезуитства, в самых вопиющих его проявлениях использовавшего сокрытость истинных мотивов деяний. На этой основе отцы ордена развили «искусство» «направления намерения», когда при совершении действия, недопустимого как с точки зрения христианской и общечеловеческой морали, так и с точки зрения закона, иезуит или их последователь мог полностью оправдать своё деяние, «примыслив» к этому деянию какой-нибудь подходящий мотив. Паскаль в своих «Письмах к провинциалу» приводит удивительные места из своих бесед с иезуитским падре. Поскольку орден иезуитов, распущенный папой Климентом XIV в 1773 году, был вновь воссоздан в 1814 году и остаётся одной из самых влиятельных организаций в мире, при этом следуя своей прежней идеологии, будет небесполезно напомнить ещё раз некоторые места из «Писем к провинциалу» Паскаля.

«Вы знаете, — сказал он [иезуитский падре] мне, — что преобладающая страсть людей этого звания [дворян] — чувство чести, которое поминутно побуждает их к насилиям, совершенно противоречащим христианскому благочестию; так что их следовало бы исключить почти всех из наших исповедален, если бы наши отцы не смягчили немного строгость религии, чтобы приноровиться к людской слабости. Но, так как они хотели не уклоняться от Евангелия в своих обязанностях перед Богом и сохранить привязанность светских людей своею любовью к ближнему, то им понадобилось все их просвещение, чтобы найти средство смягчить требования как раз настолько, чтобы можно было отстаивать и восстанавливать свою честь теми способами, которыми обыкновенно пользуются в свете, и тем не менее не оскорблять своей совести, дабы разом совместить две, по-видимому, настолько противоположные вещи, как благочестие и честь» [25, с. 139–140].

«Вот каким образом наши отцы нашли способ разрешить те насилия, которые производятся для защиты чести. Ведь здесь, по мнению этих отцов, достаточно всего лишь отклонить своё намерение от преступного желания мести и настроиться на дозволенное желание защитить свою честь. Таким образом, они исполняют все свои обязанности и относительно Бога, и относительно людей: с одной стороны, дозволяя действия, они удовлетворяют свет; с другой — удовлетворяют требованиям Евангелия, очищая намерения! Вот чего не знали древние, вот чем обязаны нашим отцам» [25, с. 142].

«Видите ли, как они старательно запрещают иметь намерение платить злом за зло, потому что св. Писание осуждает его? Этого они никогда не терпели. Справьтесь у Лессия [De just, кн. 2, гл. 9, расс. 12, №79]: “Тот, кто получил пощёчину, не должен иметь намерения отомстить за неё, но он может иметь намерение избежать позора и ради этого тотчас же отразить данное оскорбление даже ударами меча: *etiam cum gladio*”. Мы так далеки от мысли допустить намерение мстить своим врагам, что отцы наши не допускают даже того, чтобы желали врагам смерти из чувства ненависти. Послушайте отца нашего Эскобара [тр. 5, пр. 5, № 145]: “Если враг ваш готовится нанести вам вред, вы не должны желать ему смерти из чувства ненависти, но вы, конечно, можете желать её, чтобы избежать ущерба”. А при подобном намерении рассматриваемое стремление до того законно, что наш великий Уртадо де Мендоса говорит, что “можно просить у Бога, чтобы он скорее послал смерть тем, которые готовятся преследовать нас, если этого нельзя избежать иначе”. Это находится в его книге De spe. [т. 2, расс. 15, отдел 4, §48]» [25, с. 143].

«— Отец мой, не будет ли дозволено убивать и за меньшее? Нельзя ли так направить намерение, чтоб можно было убить и за уличение во лжи?

— Да, — сказал патер, — по мнению нашего отца Балделла [кн. 3, расс. 24, №24], приведённому Эскобаром в том же месте, под №49: “Разрешается убить того, кто говорит вам: “вы солгали”, если нельзя заставить его замолчать иначе”. И таким же образом можно убивать за злословие, по мнению наших отцов. Так Лессий, мнению которого в числе прочих следует слово в слово о. Эро, говорит в уже упомянутом месте: “Если вы стараетесь запятнать моё доброе имя клеветами перед людьми чести и если я не могу избежать этого иначе, как убивая вас, могу ли я прибегнуть к подобному средству? Да, по мнению новых авторов, хотя бы преступление, которое вы разглашаете, и было совершено действительно, но если оно всё-таки настолько скрыто, что вы не можете открыть его путями правосудия. Вот тому доказательство. Если я могу помешать вам силой оружия лишить меня чести вашей пощёчиной, следовательно, я могу защищаться точно так же, когда вы захотите нанести мне то же оскорбление своим языком. Кроме того, можно помешать бесчестию; можно, следовательно, помешать и злословию. Наконец, честь дороже жизни. А коль скоро можно убивать, чтобы защитить свою жизнь, следовательно, можно убить, чтобы защитить честь”. Вот доказательство по всей форме» [25, с. 150–151].

«...Таннер [т. 2, отд. 4, в. 8, расс. №76] говорит: “Духовенству и даже монахам разрешается убивать, чтобы защитить не только свою жизнь, но даже и своё имущество или имущество общины”. <...>

И даже по мнению нашего знаменитого отца Лами, разрешается священникам и монахам предупреждать тех, кто хочет очернить их сплетнями, убивая очернителей, чтобы помешать им, но всегда направляя намерение в хорошую сторону. Вот его слова [т. 5, расс. 36, №118]: “Духовному лицу или монаху разрешается убить клеветника, который угрожает огласить скандальные преступления его общины или его собственные, если нет никакого другого способа воспрепятствовать в этом, когда, например, он готов сейчас же распустить свои сплетни, если его не убить поскорее: потому что, как монаху разрешается убить того, кто хочет лишить его жизни, так разрешается ему убить того, кто хочет лишить чести его или общину его, совершенно так же, как и светским людям”» [25, с. 155–156].

«Карамуэль, наш знаменитый защитник, приводя это мнение в своей Основной теологии [с. 543], считает его столь достоверным, что утверждает: “Противоположное мнение не вероятно”, и отсюда он делает поразительные выводы, как, например, следующий, называемый им “заключением из заключений”, “conclusionum conclusion”: что священник не только в некоторых случаях может убить клеветника, но бывают случаи, когда он даже должен сделать это: *etiam aliquando debet occidere*» [25, с. 156].

Характеристику методам иезуитов дал Великий Учитель Кут Хуми в одном из своих писем А. Хьюму. «*Они* знают, что то, чему они учат, *есть ложь*; мы же знаем, что то, что передаём мы, *есть истина*, только истина и ничего, кроме истины! *Они* работают на усиление мощи и славы (!) *своего Ордена*; мы — для мощи и конечной славы индивидуальностей, отдельных единиц человечества в целом, и мы согласны — более того, *вынуждены* — оставлять *наш Орден* и его Владык в тени. Они работают и напряжённо трудятся и *обманывают* ради земного могущества *в этой жизни*. Мы работаем и напряжённо трудимся и позволяем нашим ученикам *временно заблуждаться*, чтобы этим самым предоставить им надёжное средство никогда не обманываться впоследствии и видеть всё зло лицемерия и лжи не только в этой жизни, но и в последующих. *Они* — иезуиты, жертвуют внутренним принципом, духовным мозгом Эго, чтобы тем лучше напитать и развить физический мозг личного, недолговечного человека, принося всё человечество в жертву всеожожения своему Обществу — ненасытному чудовищу, питающемуся мозгом и жизненной энергией человечества и развивающему неизлечимый рак в каждой точке здорового тела, которой оно коснулось. Мы же, критикуемые и непонятые Братья, стараемся привести людей к жертве их личности — преходящей вспышки — во благо всего человечества, следовательно и ради их собственных *бессмертных* Эго, составляющих часть его, ибо человечество есть раздробленное единое Целое, каковым оно однажды и станет. *Их* учат вводить в заблуждение, нас — *выводить из него*» [12, с. 151–152].

Теперь попытаемся помножить степень влияния иезуитского Ордена на протяжении почти половины тысячелетия на нравственный уровень его методов, и мы получим только весьма приблизительное представление о том бесконечном вреде, который нанесло душам правоверных католиков, и не только, это пресловутое общество. Примем во внимание, что иезуиты с момента основания огромное внимание уделяли работе с детьми и молодёжью,

создавали, где только возможно, иезуитские школы и коллегииумы (колледжи), а позже университеты: в XVIII веке уже подавляющее большинство образовательных учреждений Европы находилось в руках иезуитов.

Если ко всему этому добавить, что иезуиты тщательно собирали, где только могли, сведения любого рода о всевозможных магических техниках и применяли то, чем им удавалось овладеть, то получим весьма рельефный портрет тёмного братства со всеми характерными особенностями. Орден иезуитов продолжает существовать и активно действовать и в настоящее время.

Для сравнения приведём примеры из восточных традиций для тех универсальных истин, которые были столь глубоко извращены иезуитами. Вот пример истинной *целесообразности*, и в то же время приоритета мотивов перед внешними формами действия. Группа буддийских монахов собирала в Индии пожертвования для строительства храма на Цейлоне. Собрав значительное число ценностей, они сели на корабль и отправились на остров Цейлон. Капитан и команда, узнав про сокровища, соблазнились и решили убить и ограбить монахов. Для ясновидящих монахов мотивы и намерения моряков были открытой книгой. Перед ними встала дилемма. Либо, следуя принципу ненасилия, позволить убить себя и завладеть ценностями. В этом случае пираты возьмут на себя тяжкую карму, храм не будет построен, и огромное количество благой кармы не будет произведено. Либо, напав первыми, убить пиратов и, самим управляя кораблём, доплыть до Цейлона. В этом случае монахи возьмут на себя тяжкую карму, но они смогут искупить её, когда в следующей жизни эти пираты станут их учениками. И главное, храм будет построен, и русло для потока благой кармы будет проложено. Взвесив два варианта, совершенно безлично, с точки зрения суммарного зла и суммарного блага, они без колебаний выбрали второй вариант. Здесь именно из огромного, самоотверженного человеколюбия, в том числе

по отношению к своим возможным убийцам, монахи совершают действие, которое с точки зрения внешней формы есть ужасное преступление, но по истинным мотивам и последствиям — великий подвиг.

Можно вспомнить ещё один пример такого дальновидного расчёта, приведшего к «благочестивому преступлению», из книги Кут Хуми «Сон Раваны». Когда Равана собирался похитить Ситу, он схватил одного мудреца-отшельника, который обладал способностью превращаться в диких зверей, и потребовал, чтобы тот в облике оленя увлёк Раму и Лакшаману, его брата, подальше от их лесного убежища, чтобы он мог беспрепятственно похитить Ситу. Мудрый отшельник стал взвешивать сумму злых и сумму благих кармических последствий: если он откажет Раване, тот убьёт его, он всё равно найдёт другой способ похитить Ситу, но возникнет сильная кармическая связь с Раваной, которая на многие воплощения затруднит для отшельника соединение с Богом, аватаром которого был Рама. Если же он, уступив требованию Раваны, совершит преступление против Рамы, то он свяжет себя сильной кармической связью с Рамой, и тем самым сильно ускорит, пусть ценой огромных искупительных страданий, своё восхождение к любимому Богу. Взвесив всё, он избирает второй вариант и совершает, с внешней точки зрения, ужасное преступление, повлекшее роковую войну и многие сотни тысяч смертей. Карма, несомненно, учитывает и последствия внешнего действия, но все ужасные кармические плоды для этого отшельника будут трансформированы в силу, которая вознесёт его в направлении его истинного мотива — любовного соединения с Богом [14, с. 155–156].

Если мы сравним эти восточные примеры «оправдания намерением» с теми, которые приводят иезуиты в своей казуистике, то различие между ними больше, чем между небом и землёй.

1. Иезуиты, как и все христиане, мыслят в терминах «грех» и «искупление» (прощение): совершённый грех тяготит совесть, но как только он «оправдан», «искуплен»,

прощён, то совесть может быть спокойна, и на этом последствия поступка исчерпываются, по крайней мере, для души.

На Востоке мыслят не в терминах нечистой совести, а в терминах причин и следствий, и «искупление» может иметь только один смысл — полное исчерпание кармических плодов совершённых поступков. Но смысл кармы — не в том, чтобы «наказать» за преступление, а в том, чтобы человек усвоил определённый урок. Как только урок усвоен, кармическое последствие трансформируется из наказания в добровольное служение.

2. Иезуиты пользуются тем, что истинные мотивы деяний невозможно наглядно продемонстрировать, это позволяет им создавать видимость «благочестивых мотивов» при совершении самых неприглядных поступков.

На Востоке знают, что карму обмануть невозможно, и стараются, чтобы истинные мотивы действий были чисты.

3. Иезуиты относят к числу приемлемых мотивов чуть ли не все, за исключением зла ради зла как такового — мести ради мести и т.д. Это расширительное толкование естественно вытекает из их неискренности в п. 2: если бы они действительно всегда следовали, как это заявлено в «Духовных упражнениях» Лойолы, единственной цели, ради которой создан человек, — прославлять Бога, то в числе допустимых мотивов не оказались бы «сохранение имущества», «защита чести» и т.д.

На Востоке, так же как в учении Христа, только один мотив в конечном счёте может направить кармическое течение в благое русло — любовь к Богу и к человеку как проявлению Его.

Tactica adversa

В завершение приведём ещё один пример подлинной целесообразности — метод *tactica adversa*, широко применяемый Учителями. *Adversa* на латыни означает «обратная», «от противного». Н.К. Рерих придавал большое

значение тактике Адверза. В одноимённом очерке он писал: «Некоторые встреченные противодействия должны быть доведены до обратной крайности, ибо только тогда выявится их смысл, а тем самым найдутся и панацеи. Каждая нелепая выходка приобретает тем большую явность нелепости, если ей помочь докатиться до края» [18, с. 217–218].

Этот метод включает в себя два аспекта: 1) уничтожение тёмных сил и сущностей путём доведения их проявлений до крайних форм; 2) утверждение созидательных начинаний путём противоположения им мощного отрицательного полюса. Конечной целью является второе, созидательное действие, но прочное созидание невозможно, пока не произошло «выявление ликов», пока все противодействия и шатания не обращены на пользу.

Первое действие тактики Адверза основано на том, что все тёмные проявления по природе своей разрушительны, неспособны к созиданию и утверждению. Если они и могут какое-то время существовать, то только за счёт светлых сил и явлений, на которых они паразитируют и которые сдерживают их разрушительную силу. Если же предоставить тёмных их собственной воле, позволить им в полной мере проявить свою разрушительную силу, то они очень быстро исчерпываются и уничтожают сами себя. Об этом можно прочитать в Записях Б.Н. Абрамова: «Тактика Адверза и использует именно этот двойственный аспект каждой проявленной вещи, давая возможность отрицательному явлению выявить всю свою сущность, для того чтобы подавить её лучом света. Именно гибель обречённого на уничтожение явления можно видеть в момент яркого его утверждения, зная, что антитеза его нагнетает силы для сокрушения своего двойника, вывернутого наизнанку. По тому же принципу яро начинают проявляться в ученике все скрытые, тёмные, неизжитые свойства его сущности, для трансмутации их в свойства, им противоположные» [19, 16.01.1960].

Тактика Адверза становится единственным действенным средством борьбы, когда речь идёт о борьбе тёмных

и светлых мыслей. «Как сущность духовного плана мысль не может быть уничтожена. Можно ей противопоставить подобное же существо большего потенциала, в этом сущность тактики Адверза, когда уроду дают вырасти до всего безобразия, чтоб подавить лучом Света» [5, §221].

Второй аспект тактики Адверза связан с тем, что наибольшие достижения в созидании достигаются лишь тогда, когда преодолевается мощное сопротивление противоположных сил. «Так каждая напряжённая мощь имеет свою утверждённую оппозицию. Так каждая напряжённая мощь имеет своё назначение. Утверждённые врагом мосты есть лучшее восхождение. Только когда все противники напряжены, можно провести в жизнь самый наибольший план. Так каждая основа действует тактикой Адверза» [4, §772].

Заключение

Важность вмещения противоположений не вызывает сомнений. Но насколько это возможно? Существует ли метод достижения синтеза противоположений? В Учении Живой Этики говорится о работе мысли и сознания над противоположениями как о *вмещении*. Под вмещением (от слова «вместе») здесь понимается, с одной стороны, возможность совместимости, объединённости в одном явлении элементов противоположения. С другой стороны, способность к вмещению противоположений — неотъемлемая черта расширенного сознания, синоним мудрости. Что касается метода, то он был предложен ещё древними мудрецами. Особенно детально он был разработан, как было сказано, в практике работы с мыслью в учении Будды, а также в различных школах буддизма, в суфизме, в этическом учении христианства.

Начиная работу с противоположениями, следует обратить внимание на следующие положения.

Во-первых, нужно предостеречь от неправильного вывода, что если все противоположения относительны и с высшей точки зрения Абсолюта несущественны, то можно

пренебрегать ими в духовной и в повседневной жизни. Реальность Абсолюта безусловна, но вся дифференцированная из него действительность двойственна и относительна. Противоположения являются для нас полем для приобретения опыта и расширения сознания.

Во-вторых, когда мы сталкиваемся с противоречием, сначала нужно исследовать, не является ли это противоречие лишь видимостью. Оно может быть видимостью, если является следствием непрояснённости понятий (как в случае понятий «наука» и «духовность»), а также если выражает простое различие точек зрения. Если противоречие не является видимостью, нужно проверить, является ли оно подлинным противоположением, то есть таким, где один полюс не может достичь полного развёртывания, не войдя в синтез со своей противоположностью.

В-третьих, если мы имеем дело с реальным противоположением, нужно попытаться определить, является ли оно субъективным, то есть зависящим только от ограниченности судящего сознания, либо объективным. Субъективные противоположения — наиболее благодатная почва для размышления, ибо вмещение их, осознание их относительности и их единства как раз и означает расширение нашего сознания. Объективные противоположения мы принимаем как данность, однако нужно сознавать, что и они могут стать для нас субъективными, когда мы достигнем определённой ступени в расширении сознания.

Размышляя о субъективных противоположениях, нужно стараться понять их относительность, зависимость друг от друга, тогда мы сможем, встречая проявление одного противоположения, всегда чувствовать его связь с другим полюсом двойственности, научимся рассматривать эти два полюса всегда совместно, как два аспекта более глубокой единой реальности.

Вмещение противоположений — важнейшая ступень на пути к *пространственному мышлению*. Рассудок, функция кама-манаса, способен мыслить лишь в терминах полярной

двойственности: приятно-неприятно, хорошо-плохо, истинно-ложно. Любое соединение полярностей ставит рассудок в тупик. Но Высший Манас способен выходить за пределы этих ограничений, постигая единую сущность в основе любых пар полярностей. «Есть две логики. Логика внешнего мышления, которую пытаются утвердить школьными учебниками. Другая — логика ментального синтеза, которая черпает связь искры заключений пространственного мышления. <...> Расширенное сознание даёт лучшую возможность уловить узлы пространственной мысли. <...> Потому так заботимся о расширении сознания, чтобы коснуться соединения с пространственным мышлением» [3, §361].

Что же даёт человеку способность вмещения противоположений на практике?

Вмещая противоположения, человек овладевает ими, то есть обретает способность *творчески использовать* саму их двойственность, напряжение между ними. Невмещённые противоположения ставят человека перед ситуацией ложного выбора, когда каждый из вариантов будет в чём-то ущербным.

В практическом применении на пути духовного самосовершенствования вмещение противоположений позволяет развить в себе энергию, необходимую для дальнейшего духовного продвижения. Как стрела может быть направлена в цель лишь при натянутом в меру луке и верная нота звучать лишь при натянутых струнах, так вмещение противоположений позволяет нащупать ту «нить необходимости», которая, по словам Будды, проходит через все миры, и по ней, как по струне над бездной, пройти через поток сансары.

С вмещением каждого нового противоположения будет расширяться понимание целесообразности и в окружающей нас действительности, и в нашей повседневной жизни и работе. Это не только избавит от уныния и страха перед кажущимися непреодолимыми препятствиями, но и даст находчивость и подвижность в целесообразном использовании всех появляющихся обстоятельств.

Во вмещении противоположений имеется и *планетарное, общечеловеческое измерение*. Если мы рассмотрим такие полярности, как, например, *Восток – Запад, Культура – цивилизация*, то станет ясной важность вмещения противоположений на уровне планетарного сознания, сознания всего человечества. Невмещение этих противоположений может привести к обострению конфликтов, войнам и в конце концов при самом худшем развитии событий даже к уничтожению жизни на планете.

Цивилизация как обустроенность внешняя, без Культуры как устроенности жизни духа, становится мертвенной формой. Культура также достигает более полного развёртывания, когда внешние препятствия для жизни народной сглажены достижениями цивилизации. Только в синтезе того и другого возможно истинное процветание стран и народов. Также Восток и Запад, при всей противоположности укладов мышления и жизни, могут развиваться в наш век глобализации лишь в сотрудничестве, поддерживая и дополняя друг друга.

Литература

1. Листы Сада Мории. Озарение.
2. Община.
3. Агни Йога.
4. Беспредельность. Ч. II.
5. Иерархия.
6. Сердце.
7. Мир Огненный. Ч. 2.
8. АУМ.
9. Братство.
10. Надземное.
11. Письма Махатм. Самара: Агни, 1993.
12. Чаша Востока. Письма Махатм. Рига: Угунс; Москва: Лигатма, 1992.

13. Теогенезис. Третья часть древних Станц Дзиан. М.: Дельфис, 2002.
14. Кут Хуми. Сон Раваны. М.: Беловодье, 2004.
15. Блаватская Е.П. Тайная Доктрина. Т. I. Рига: Угунс, 1937. Репринт М., 1991.
16. Рерих Е.И. Письма. М.: МЦР. Т. I, 1999. Т. II, 2000. Т. III, 2001. Т. V, 2003. Т. VI, 2006. Т. VII, 2007.
17. Сент-Илер Ж. (Е.И. Рерих). Криптограммы Востока. М.: Амрита-Русь, 2003.
18. Рерих Н.К. *Tactica Adversa*. // В кн. Листы дневника. Т. 1. М.: МЦР, 1999.
19. Грани Агни Йоги. 1960 г. Т. I. Новосибирск: Алгим, Цэрис, 1996.
20. Древнекитайская философия. Т. I. М.: ПринТ, 2004.
21. Чжуан-цзы. Ле-цзы. М.: Мысль, 1995.
22. Хуэйкай У. Застава без ворот. <http://www.jhana.ru/chan/85-zastava-bez-vorot>
23. Дхаммапада. Рига: Угунс, 1991.
24. Радхакришнан С. Индийская философия. Т. I. М.: Миф, 1993.
25. Паскаль. Письма к провинциалу. М.: Port-Royal, 1997.

Приложение

Примеры противоположений, по Учению Живой Этики и письмам Е.И. Рерих

- Жертва – приобретение [Озарение, ч. I, 6, 3, ч. II, 6, 15].
- Действие – препятствие, противодействие [Озарение, ч. III, 6, 12, Надземное, §790].
- Следование руководству, дисциплина – свобода воли, инициатива [Озарение, введение; Община, §98, 202; Агни Йога, §43].
- Нежность любви – суровость долга [Община, §112].
- Мудрость дальних миров – земная мудрость [Агни Йога, §148].
- Добро – зло [Агни Йога, §247].
- Не дорожить жизнью – не бросать жизнь бесплодно [Агни Йога, §261].

- Действовать для духа – не отрываться от земли [Агни Йога, §261].
- Психическая Энергия (Терос) – абсолютная Тьма (Тамас) [Агни Йога, §638].
- Свет – Тьма [Агни Йога, §371; Иерархия, §134].
- Сила дифференциации – собирание магнитом [Беспредельность, ч. 1, §157].
- Освободиться от самости – сохранить личность [Сердце, §55, Мир Огненный, ч. 1, §443].
- Не метать жемчуга перед свиньями – гору песка складывать по горсти [Братство, §573].
- Не расточать Психическую Энергию, беречь её – не быть скупцами [Надземное, §243].
- Не впадать в страсти – не быть бесстрастным [Надземное, §738].
- Принимать участие в жизни Надземного Мира – ценить земную жизнь [Надземное, §738].
- Отказ от собственности – окружение собственностью [16, т. I, с. 326, 28.06.1932].
- Оторванность от земли и всего мирского – погружение в мирское и работа со всем устремлением в нём [16, т. I, с. 326; 28.06.1932].
- Центробежность – центростремительность [16, т. V, с. 315; 03.12.1937].

Наш сон — великий дар богов

В.И. Чернявский

В состоянии сна проходит значительная часть нашей земной жизни, и если условно взять среднюю продолжительность жизни за 75 лет, то при ежесуточном сне в 8 часов легко можно подсчитать, что мы спим 25 лет. Треть жизни во сне! А ведь мы трепетно подсчитываем не только годы, но месяцы и иногда даже дни пролетающей жизни... При распространённом отношении ко сну, как к состоянию забвения, полной бездеятельности, неконтролируемости эти драгоценные годы, кажется, теряются бездумно, бесполезно и как бы исключаются из срока активной жизни человека. Вследствие этого справедливо возникают вопросы: а стоит ли мириться с таким положением дел, или же можно использовать столь большое по общей продолжительности время сна плодотворно, с пользой для своей эволюции, для близких, для мира? Может ли человек быть сознающим, деятельным во сне? Существует ли взаимосвязь между бодрствующим состоянием человека и его состоянием во сне?

Проблема сна получает в Живой Этике полное и всестороннее освещение. Прежде всего, *феномен сна связывается в этом Учении с понятием Тонкого мира* — того плана существования, в котором пребывает тонкая сущность человека. Осознание реальности Тонкого мира, изучение его

особенностей является действенным средством расширения сознания в Новую Эпоху. Понимание значения сна составляет важную часть этой задачи.

В Учении Живой Этики утверждается, что начальной ступенью приобщения к Тонкому миру может стать осознание явлений, связанных со сном. Именно во сне открывается вход в мир Тонкий. В книге «Надземное» сказано: «Каждый сон есть прикасание к миру Тонкому. Можно назвать многие стадии такого состояния, но в каждом из них человек приобщается к Тонкому миру. Некоторые посылают своё тонкое тело для хождений не близких, другие лишь слегка касаются области Тонкого мира. Врачи правильно замечают, что сон есть отдых. Ученик должен знать, что каждое приобщение к Тонкому миру уже будет отдыхом для плотного тела. Таким образом, врачи правы, когда определяют внешнее значение сна. Но это внешнее не поясняет внутреннего, самого главного смысла. Пусть люди запомнят, что каждый сон приобщает их к Тонкому миру» [7, §450].

Таким образом, главное назначение сна — это приобщение к Тонкому миру, а не просто отдых для физического тела. Нужно хорошо усвоить, что сон дан находящемуся в воплощении в физическом мире человеку не случайно, это состояние абсолютно необходимое, без него нет эволюции. «В рассуждении о значении сна некоторые впадают в такое заблуждение, что полагают, что сон может быть не нужен. При некоторых болезнях сон исчезает, но ведь такое состояние мучительно и губительно. Правильно, что на высотах сон значительно сокращается, но он не теряется» [7, §450].

Е.И. Рерих, разъясняя предназначение сна, неоднократно подчёркивала его абсолютную необходимость, а также недопустимость его искусственного сокращения: «Не избегайте сна. *Сон благодетелен и совершенно необходим для питания нашего тонкого тела* [здесь и далее — курсив ред.]. Ведь лишь во время сна можем мы с лёгкостью выделять его и усиленно насыщать воздействиями тончайших энергий,

не говоря уже о тех великих уроках, которые получают нами, именно, в этом состоянии. Мы не только учимся погружениям и полётам в разных сферах, но мы исполняем поручения, возлагаемые на нас нашими Учителями, и часто принимаем участие в битвах с тёмными силами. Зачем будем лишать себя такого великого преимущества, выпадающего, прежде всего, на учеников Великого Братства? Всё насильственное противно Учению Света. Если явится нужда в уменьшении пищи, то сам организм ваш подаст знак и всякий излишек будет противен вам, так же и со сном. Ведь работа в Тонком мире часто бывает существеннее работы в физическом.

В Учении сказано, что на границе сна происходят проникновения в надземные миры. И это происходит естественно, следует лишь приучить себя к настороженности, к внимательности, и они будут работать сами, и в нужную минуту вы услышите и увидите то, что нужно. <...>

В Учении никогда не указывалось на желательность отсутствия сна. <...> Так, во время нашего пребывания в городах, нам было указано спать не менее 7–8-ми часов. <...> Опять должна добавить, что если пища и сон совершенно необходимы, то всё же могут быть всевозможные нормы их, организмы людей так разнообразны. Следует принять за меру упадок сил. Притом, конечно, упадок этот может сразу не ощущаться и лишь спустя некоторое время может сказаться весьма неожиданно. Потому не доводите себя до упадка сил и всеми способами берегите драгоценное вещество огненной энергии» [8, т. I, с. 149–151; 10.05.1933].

Согласно Учению Живой Этики, сознательное овладение состоянием сна является важным шагом на пути сближения в сознании человека Тонкого мира с земным. Ведь эти миры существуют вместе, во взаимопроникновении и содружестве, и только сознание человека устанавливает между ними непроницаемый барьер.

Более того, согласно Учению, сон представляет человеку возможность общения с Высшими силами. В книге «Надземное» сказано: «Великий дар Богов — наш сон.

Он открывает вход в мир Надземный. Бессонница считалась наказанием, ибо она лишала человека естественного общения. Друзья, мы должны быть благодарны Богам, которые позволяют нам иметь общение с Ними» [7, §200]. Об этом же говорится и в книге «Мир Огненный». «Сон являет общение с Высшими сферами. Сон доказывает, что люди без такого общения существовать не могут. Объяснение сна телесным отдыхом будет самым первобытным. Без сна люди обычно могут жить очень короткое время, затем их мышление впадает в самое болезненное состояние; появляются галлюцинации, оцепенение и другие признаки неестественного существования. Организм стремится к животворному обмену и не находит сужденного пути. Как Мы говорили, сон может быть кратким на высотах, где токи общения могут быть особенно питательны. Люди могут вспоминать о встречах в Высших сферах или в низших. Плотное тело может препятствовать таким сущностным общениям, но сон как таковой будет даром жизни вечной» [4, ч.2, §396].

Сон носит всеобщий характер, он необходим не только во время земного бытия, но более того, и после развоплощения, а также перед новым воплощением. «К явлению сна после смерти физического тела надо относиться как к необходимости, столь же неизбежной и нужной, как и сон обычный обычного земного жителя. Сон — это отдых и возможность почерпнуть новые силы. Люди устают как на Земле, так и в мирах и нуждаются в отдыхе, особенно перед переменой надземных своих состояний, то есть при переходе, скажем, из мира астрального в мир ментальный. Точно так же и при рождении в мир плотный человек погружается в состояние бессознательности. Погружаясь в обычный земной сон, человек не боится себя потерять, точно так же и периоды сна в надземных состояниях не угрожают человеку потерей жизни. Этими явлениями управляет Закон великой целесообразности» [10, т. IX, §182].

Есть два вида сна и у земного человека. «Быстрый сон», как он определяется в физиологии, соответствует состоянию «сон со сновидениями»; в индийском учении

веданты — это бодрствование тонкого тела, во время которого оно действует на Тонком плане, сознательно или бессознательно. В это время нервные центры плотного тела насыщаются «жизненным флюидом», приобщаясь к энергиям Тонкого плана. Так называемый «медленный сон», «сон без сновидений» — это засыпание тонкого тела и бодрствование Огненного тела, когда уже тонкое тело, в свою очередь, насыщается, приобщаясь к энергиям Высшего «Я» человека.

Неправильна та точка зрения, когда сон противопоставляется бодрствованию. Точно так же как в течение дня мы вовлечены в самую разнообразную деятельность, так и ночью в состоянии сна мы можем трудиться в самых разных направлениях. К пониманию сна как определённого вида деятельности призывает нас Живая Этика. В «Надземном» сказано: «Урусвати понимает взаимоотношение сна и бодрствования. Для одних сон есть противоположение бодрствованию, но для Нас он есть *продолжение труда в ином состоянии*. Невозможно иначе понимать сон. Нельзя совершенно отрицать его сущность. Некоторые условия могут сокращать длительность сна, но не исключают его надобность.

На высотах можно довольствоваться четырьмя часами сна, но такое условие возможно лишь на определённой высоте. Не верьте, когда кто-то уверяет, что ему сон не нужен. Кроме ужасной болезни бессоницы люди принимают сон как часть бытия. Каждое сонное состояние приближает человека к Тонкому миру. Может быть разная степень сознания во сне, но эту чёткость сознания нужно воспитывать. *Человек должен твердить себе, что, погружаясь в сон, он отправляется на работу.*

Если его свободная воля усвоит эту аксиому, то тем легче будет приложить силы в Тонком мире. Пусть люди не тревожатся, что таким образом исчезнет отдых. Он останется в полной мере, ибо в Тонком мире прилагаются и тонкие качества, которые не устают. Гораздо хуже, когда человек отходит ко сну, обуянный земными страстями, не

думая ни о каких Высших мирах. Тогда вместо светлого труда и познания человек блуждает в тёмных слоях, и можно представить, какие встречи его утомляют. Пусть засыпание будет сознательным переходом в мир Высший. Свободная воля, как крылья, понесёт вверх. Так Говорю о сне, чтобы показать, что и Мы в Обители не чужды сна своеобразного, который есть перенос сознания в Высшие миры» [7, §24].

Таким образом, сон есть естественная составная часть непрерывной жизни человека, и во сне жизнь и деятельность не прекращаются, они лишь меняют свою форму соответственно условиям Тонкого мира.

Состояние внутреннего человека во сне

Состояние внутреннего человека во сне упрощённо можно описать следующим образом.

Физическое тело живёт, действует и обновляется не само собой и не только за счёт усвоения физических веществ, а благодаря энергии эфирного тела — оболочки праны, жизненной энергии. Человек в течение периода бодрствования подвергается самым разнообразным дисгармоничным воздействиям, как физическим, так и тонким, на нейтрализацию которых расходуется энергия эфирного тела. У эфирного тела в течение дня имеется определённый запас мощности, но он конечен и в конце концов иссякает и нуждается в восполнении — необходимо получить новую порцию жизненной энергии. При истощении эфирного тела его «клеточки» как бы съеживаются, физическое тело становится вялым и неспособным проводить необходимую жизнедеятельность. В этом случае высшие проводники не могут более действовать посредством физического тела, оставляя его в бессознательном состоянии. Для человека наступает время сна.

Если бы сон был процессом пассивным, инертным, бездеятельным, то человек просыпался бы примерно в таком же состоянии, в каком он отходил ко сну. Но это не так — сон

на самом деле есть период плодотворной деятельности, в процессе которой не только идёт энергетическое восполнение внутренних проводников человека, но и уничтожаются яды, накопившиеся в течение дня. Во сне восстанавливается и собственный ритм тела. «Сон есть обновление ритма и прикасание к Силам Высшим» [7, §871].

Пока человек находится в состоянии сна, высшие проводники, восстановив свои силы, помогают восстановлению также и эфирного тела, которое вновь начинает собирать прану и накапливать её в нервных центрах физического тела. Именно активность высших проводников во время сна способствует успешной жизнедеятельности физического тела после пробуждения. Если бы эта ежедневная, предусмотренная Природой работа не проводилась, то человек вообще не смог бы проснуться.

При этом необходимо понимать важное различие между состоянием сна и отдыхом, под которым мы понимаем расслабленное, бездеятельное состояние, но без погружения в сон. Отдых без сна не несёт полного восстановления сил. Только когда высшие проводники находятся в разобщении с физическим и эфирным телами, как это бывает во сне, только тогда происходит наполнение соответствующими энергиями всех проводников, тогда как во время простого отдыха животворного внутреннего энергетического обновления не происходит, а воздействие дисгармоничных вибраций со стороны внешнего мира на все проводники человека продолжается.

Для лучшего понимания воспользуемся следующей аналогией. Сравним физическое тело человека с космическим кораблём или подводным аппаратом, приспособленными для обитания и деятельности «тонкого» человека в несоответствующей для него среде плотного плана. Так же как человек физический погружается в подводный мир или летит в космос в приспособленном для этих сфер аппарате, так и человек «тонкий» приходит в физический мир в приспособленном для этого мира физическом теле. Так же как батискаф или космический корабль имеют

определённый запас энергии и средств жизнеобеспечения для своего обитателя и нуждаются в периодическом обслуживании, ремонте и восполнении энергии, так и физическое тело нуждается в соответствующем восстановлении. Для корабля подводного или космического это возвращение из океанских глубин или космического пространства на родную землю, а для человека это возвращение в Тонкий мир. Цели и задачи возвращения в обоих случаях схожи: отдых, восстановление сил, приведение в порядок аппарата, подробное исследование полученной информации и её осмысление, формирование нового задания для следующего погружения в чужую, «неродную» среду. Может ли аппарат и находящийся в нём оператор пробыть в «неродной» среде более длительное время, чем позволяют запасы энергии, воздуха, продовольствия? Естественно, не может. Так и состояние сна необходимо человеку для восстановления его внутренних ресурсов.

Характер пребывания «тонкого» человека в Тонком мире во время сна определяется уровнем развития сознания человека. Как место нахождения предмета в воде определяется его плавучестью или соотношением удельного веса предмета к удельному весу воды (предмет может лежать на дне, может плавать на поверхности, может занимать промежуточные слои воды), так и «тонкий» человек занимает определённое место в слоях Тонкого мира (от мрачных низших слоёв до сияющих Высших сфер), которым он соответствует «по плотности», а именно по совершенству своего тонкого тела. При этом активность, подвижность, полнота деятельности его в Тонком мире и, соответственно, результаты этой деятельности тоже разнообразны.

В теософской литературе обычно рассматриваются три группы людей по уровню качества сознания: низкое сознание, среднее сознание, сознание духовно развитого человека.

Тонкое тело человека с низким сознанием находится в тесной связи с физическим телом с его животными привычками и устремлениями и не может совершать никаких осознанных, активных действий. Часто такие тонкие тела

находятся в сонном или полусонном состоянии. Тонкий план для них смутен, они могут стать добычей развоплощённых сущностей с низкими нравственными качествами, которые пребывают в этих слоях. Влияние состояния сна на эволюцию у такого человека минимальное или вообще отсутствует. Эта группа людей — самая многочисленная.

Пожалуй, немного уступает ей по численности и вторая группа — это люди со среднеразвитым сознанием, интеллектом и нравственностью. У них тонкое тело лучше развито и не столь «тяжёлое», оно уже не находится в плену у своей физической оболочки, а может блуждать в Тонком мире, однако при этом неспособно подчиняться сознательному управлению, носимое помимо своей воли. Но сознание уже не спит и может воспринимать впечатления Тонкого мира. Человек уже способен в некоторой степени приобретать знания и запечатлевать их в мозгу как символические сны или видения.

Наконец, самая малочисленная группа люди с высокоразвитым сознанием, духовно очищенные, с открытыми центрами высшего сознания. Такой человек может уходить в Тонкий мир, не прерывая сознания; он просто освобождается от тяжёлой и громоздкой физической оболочки и стремительно и осознанно перемещается в пространстве. Его возможности невообразимо возрастают по сравнению с обычным человеком.

Состояние «алмаз сознания»

Особое место в Живой Этике отводится состоянию между сном и бодрствованием, возникающему при засыпании или при просыпании и носящему название «*алмаз сознания*». В этот интереснейший момент граница между земным сознанием и сознанием Тонкого мира становится прозрачной, и появляется возможность прозрения в реалии Тонкого мира, то есть два мира в эти мгновения в сознании человека соприкасаются. В Учении Живой Этики сказано: «Явление прозорливости в сферы надземные проявляется лишь в

момент границы сна. Кто может оценить этот священный миг, тот уже приоткрыл завесу. Не видение, но сознание важно» [1, 2.3.3]. Рекомендации Учения заключаются в необходимости фиксирования таких моментов, запоминании, анализе получаемой при этом информации. Такая работа ведёт к развитию непрерывности сознания, а также развитию способности к соединению миров в сознании.

Учение представляет «алмаз сознания» как несказуемый переход в новое состояние, как священный миг приоткрытия завесы. Особое, внимательное отношение к этому состоянию сознания поможет развитию способности улавливания тонких мыслей.

В книге «Надземное» сказано: «Урусвати знает значение момента между сном и бодрствованием. Это мгновение называется алмазом сознания. В течение такого переходного состояния сознания человек одинаково принадлежит и плотному, и Тонкому мирам. Если бы люди сознательно отнеслись к таким прозрениям, многое облегчилось бы при изучении психической энергии. Для осознания священного момента не нужно никакого таинственного посвящения. Каждому даётся возможность приобщиться к двум мирам, если только несчастная свободная воля не толкнёт человека к мёртвому отрицанию. <...> Правильно замечено, что для осознания алмазного мгновения нужна особая вибрация. Но и такая вибрация порождается через чистое устремление. Но для такого устремления нужно сознательное познание. Не магия и не колдовство — почуять прекрасное мгновение. Когда человек приносит в плотный мир впечатления из Тонкого мира, он может предчувствовать и Врата Огненные. У Нас такие алмазные мгновения усилены и углублены явным пониманием их значения» [7, §120].

Во время переходного состояния от бодрствования ко сну может происходить явление прикасания не только к Тонкому, но даже к Огненному мирам. «Обращайте внимание на так называемые переходные состояния организма. Так состояние между сном и бодрствованием даёт очень значительные наблюдения. Можно заметить, как среди

земного мышления как бы врываются обрывки мыслей какого-то иного порядка; предметы как-то вибрируют и земное созерцание изменяется. Мало кто допускает мысль, что этот другой порядок созерцания есть мышление Тонкого или даже Огненного мира; лишь мир явленный исчезает, пробуждается голос мира Тонкого. Среди различных переходных состояний можно заметить молнии Высших миров» [4, ч. 2, §10].

Особенностью переходного состояния, названного в Учении алмазом сознания, является бóльшая, чем обычно, активность тонкого тела. Хотя такие мгновения и кратки, но очень важны для работы сознания. Какие чувства и ощущения можно испытать при этом, говорится в книге «Мир Огненный». «Конечно, вы замечали состояние между сном и бодрствованием. Особенно замечательно, что при малейшем движении ощущается как бы головокружение, но при спокойном положении можно чувствовать явление потери в весе. Не иллюзия такое состояние. Действительно, можно на весах уследить изменение в весе. Само головокружение будет следствием такого преобладания тонкого тела. Учение древнее говорит: когда человек возвращается в земное тело, он на мгновение ощущает качество Тонкого мира» [4, ч. 1, §526]. Именно ощущение качества Тонкого мира помогает сделать и следующий шаг — начать осознавать это состояние как возможность общения с Тонким миром.

Имеется ещё одно интересное состояние, относящееся к переходным, которое в Учении называется *сонливостью*. Она может происходить по разным причинам: потеря энергии из-за проблем с физическим здоровьем, конфликтных ситуаций, энергетического вампиризма, а также астро- и метеоусловий; кроме того, она может быть следствием сотрудничества с силами Тонкого мира. Необходимо учиться распознавать причины, из-за которых наступает сонливость. Е.И. Рерих писала: «Сонливость же может происходить от нескольких причин, и нужно в них разобраться. Сонливость часто происходит от космических причин, но и

от соприкосновения с больной вампирической аурой, которая может высасывать энергию до полного истощения сил. Также нередки случаи, когда наша психическая энергия внезапно потребуется кому-либо из близких нам и, по закону духовного магнита, наша энергия немедленно поспешит на помощь; и, конечно, при таком отливе её мы испытываем сонливость или даже головокружение и как бы временное краткое отсутствие.

Сонливость вредна у людей ленивых по природе и мало утруждающих своё мышление, ибо она может перейти у них в хроническое состояние. Такой человек становится открытым всевозможным внешним воздействиям вплоть до одержания» [8, т. II, с. 368; 5.04.1938].

Учение Живой Этики рекомендует очень бережно относиться к так называемой светлой сонливости, не пытаться насильственно вывести сознание из этого состояния, ибо именно в такие моменты происходит нередко сотрудничество с силами Тонкого мира.

Значение сна в эволюции человека

Смысл жизни человека — в самоусовершенствовании, в развитии своего сознания. Согласно Учению Живой Этики, сознание можно развивать не только в бодрствующем состоянии, но и во сне. Отсюда можно сделать очень важный вывод: если отнестись к состоянию сна сознательно, тогда треть жизни, проведённая во сне, не будет казаться бесполезной, она наполнится новым смыслом — мы осознаем, что сон даёт дополнительные возможности для роста духа. Вопрос о возможности, необходимости, целесообразности овладения состоянием сна рассматривается в Учении. Как уже указывалось, для начала нужно принять существование человека в Тонком мире как необходимую часть его внутренней жизни и начать развивать в себе *чувствознание о постоянном пребывании в двух мирах: плотном и Тонком*. «Человек должен постоянно чувствовать себя в двух мирах. Не Говорю об ожидании смерти, ибо она не существует,

но Говорю о труде, как земном, так и тонком. Такое прилежание к труду тонкому вовсе не должно отрывать от труда земного, наоборот, оно лишь улучшит его качество. Напрасно люди не думают о Тонком мире — и во снах, и наяву они могут мысленно принимать участие в самых возвышенных заданиях» [6, §318].

Далее, как указывает Учение Живой Этики, пребывание в Тонком мире не должно мыслиться как праздное времяпрепровождение, а должно быть понято как *состояние труда*. Эта мысль должна быть хорошо усвоена. Более того, так же как и в земной жизни, в Тонком мире нужно развивать работоспособность. В Учении сказано: «Работоспособность должна быть воспитана, иначе она может пребыть в дремотном состоянии. Также и работоспособность в Тонком мире должна быть развиваема. Но путь этот должен соответствовать условиям Тонкого мира» [6, §318].

Об этом же писала и Е.И. Рерих: «“Как развить работоспособность в Тонком мире?” — прежде всего, нужно начать с того, что постоянно чувствовать себя живущим в двух мирах. И это вовсе не трудно, ибо каждую ночь мы переходим в Тонкий мир, где при достаточно развитом тонком теле мы можем очень полезно прилагать наши тонкие энергии. Отходя ко сну не с думой об отдыхе, но устремляясь к Иерархии Света с мыслью о полезной работе, мы тем самым направляем свои энергии на действенную помощь туда, где она нужнее всего. Сознательные посылки себя в Тонкий мир могут постепенно настолько усилиться, что мы начнём чётко запоминать наши многообразные ночные работы и посещения с целью оказания помощи часто совершенно незнакомым нам людям. Дальнейшей фазой будет уже осознание такой посылки в бодрствующем состоянии и даже во время обычных занятий. Вначале посылка лишь вспыхнет в сознании ощущением какого-то мгновенного отсутствия, а затем останется впечатление посещения кого-то или даже будут услышаны два, три слова, иногда будет ощущаться характерный запах определённой и знакомой нам местности, или пронесётся видение лиц,

или места, и мы будем знать, что наша отделившаяся энергия работает в том направлении. Эти явления могут быть ежедневны, но, конечно, нужно для этого некоторое одиночество. Они ярче и чаще в вечернее время или перед отходом ко сну и особенно интенсивны на рассвете» [8, т. II, с. 377–378; 23.4.1938].

Е.И. Рерих здесь описывает некоторые явления, которыми сопровождаются «сознательные посылки себя в Тонкий мир», — эти явления могут быть как во сне, так и во время бодрствования. Но именно сон помогает лучше осознать и запомнить такие мгновения. В бодрствующем состоянии внутренняя скрытая работа сознания может быть неявной, и только во сне могут проявиться проблески этого благого процесса. «И в то время, когда обычность течёт своим чередом, во внутреннем мире ученика идёт своя особая, внешне неприметная, но чудесная и изумительная жизнь. Только малая доля её доступна сознанию, остальное до времени скрыто. И только во сне, когда тело спит, а дух погружается в условия Надземного мира, некоторые проблески той жизни удаётся уловить, удержать и, проснувшись, перенести в бодрствующее, дневное состояние. Главное существование — ночью, треть жизни проходит во сне. Но как мало людей, использующих время сна для сознательной жизни в Надземном. При постоянном внимании к посылаемым знакам можно начать обогащать свои накопления явлениями Высшего мира» [10, т. XIII, §441].

Направления деятельности во сне могут быть самыми разнообразными. Одним из таких направлений может быть *оказание всевозможной помощи*. В особенности важна помощь Силам Света. Е.И. Рерих писала: «Несомненно, многие сотрудники помогают силам Света в Тонком мире. Битва там сейчас ещё сильнее, чем на Земле. Потому советуется иметь это в виду и не избегать сна; ибо некоторые ревностные члены-сотрудники хотели бы сократить часы ночного отдыха. Часто работа в Тонком мире бывает даже плодотворнее земной. Конечно, сообщите это Вашим ближайшим друзьям, и пусть они записывают свои

ночные похождения. Постепенно они научатся разбираться в сложных символах и в некоторой путанице в полученных впечатлениях, происходящей от недостаточной дисциплины и чёткости сознания. Но при правильном устремлении придёт и ясность. Пусть засыпают с мыслью лететь на помощь туда, куда будут посланы Вел[икими] Учителями» [8, т. II, с. 329; 23.11.1937].

Можно помогать незнакомым, можно помогать знакомым людям. Заметим, что важно сознавать саму возможность оказания реальной помощи по многим направлениям. Во сне можно эффективно осуществлять помощь близким людям, перешедшим в Тонкий мир. Зная проблемы этих людей, можно не просто посылать им сердечную помощь, но и оказывать им поддержку в их испытаниях.

Во время сна дана также возможность тонких встреч с людьми, живущими одновременно с нами в физическом мире. Если с кем-то из них имеется конфликт, то сон может помочь решить и эту проблему. «Люди должны понять, что при посещении Тонкого мира могут быть встречи и с тонкими телами ещё живых людей. Часто люди думают, что они имели сновидение, но в действительности они встретились с живыми тонкими телами. При этом можно заметить, что эти встречи происходят уже под знаком понимания условий Тонкого мира. Так самые невоздержанные люди оказываются рассудительными и самыми приятными в обмене мнений. Сами они никогда не допустят в земной жизни, что имели столь широкое суждение, в лучшем случае, сохраняют малые осколки своих встреч, но в существе своём они всё же выносят новое понимание вещей. Такие уроки, выносимые из Тонкого мира, оказывают большую пользу в разных случаях жизни. <...> Нередко человек удивляется, что видел во сне и живых, и мёртвых, но в этом нет ничего поразяющего, ибо тонкое тело может проникать, не требуя времени, ни пространства» [7, §450].

Ещё одним важным направлением деятельности во сне является *реализация возможности учиться* и приобретать знания в необходимой области. Согласно Учению,

в высших областях Тонкого мира существуют, как бы мы сказали по аналогии с земным планом, учебные заведения разнообразнейших видов и уровней. Состояние сна может позволить человеку получать там нужные знания. Особенно важен этот процесс для учеников духовного знания, ибо для них именно в состоянии сна проводятся необходимые уроки и осуществляется более беспрепятственно и эффективно связь с Учителями. Особенное значение приобретает этот процесс для тех, кто занимается духовно-просветительской деятельностью. Именно им, несущим информацию об Учении в разнообразной форме, необходимо получать это благое питание высокими знаниями от избранного Учителя для применения в их земной работе. В «Гранях Агни Йоги» сказано: «Кто хочет с отцами пребыть, тот с ними и будет, а кто хочет с Нами, тот будет у Нас. <...> И ночью Мы учим, а днём пожинают они плоды учения ночного. И мысли тогда, внушённые Нами, льются свободно и широко в сознания их, к Нам устремлённые яро. Происходит животворный обмен. Называем его огненным. И тогда чует их дух пульсацию жизни, и тогда он устремлён и пылает огонь в его сердце» [10, т. II, §310].

Очень важной является возможность во сне эффективно *лечиться и лечить*, так же давая себе соответствующие установки. Из истории мы знаем о многочисленных случаях исцеления во сне в храмах Асклепия в Древней Греции. Больные, засыпая в храме этого бога врачевания, верили в его способность помочь, и во сне он являлся им, неся исцеление или указывая спасительное лекарство.

Обширнейшая и разнообразнейшая область деятельности человека в состоянии сна — это *работа по совершенствованию качеств своего характера*. Общеизвестно, что состояние сна — откровенное состояние, человек не способен лицемерить и притворяться в этом состоянии, он предстаёт в Тонком мире в своём истинном виде. И действует он сообразно своим нравственным качествам и убеждениям. Часто неизжитые недостатки, скрытые в закоулках сознания, непроявленные в бодрствовании, проявляются ясно

в состоянии сна. В этом случае предоставляется возможность, во-первых, выявить свои слабые свойства и качества, во-вторых, осознать, что лицемерие непродуктивно и надо смело признать свои недостатки и, в-третьих, проверить, насколько эффективна работа с ними.

Известно, как трудно порой самому разобраться в жизненной ситуации. Сон предоставляет возможность обратиться с вопросами к своему надземному Учителю.

Итак, в случае сознательной работы со сном ученик должен следовать определённой дисциплине и порядку действий. Работа ведётся здесь в основном на ментальном уровне. При этом развиваются внимательность, интуиция, чувствознание. Данный процесс предполагает также собственное творчество. И как во всяком творчестве, здесь следует соблюдать общие правила: систематичность, постоянство, устремлённость.

Подготовка ко сну

Живая Этика содержит конкретные рекомендации по подготовке ко сну. Предлагается ряд действий именно в период перед сном, направленных на выработку определённой программы поведения во сне. Как ежедневно мы погружаемся в сон, так и применение рекомендаций требует систематичности, ежедневности. Нужно понимать, что успех в работе может прийти не сразу, а по истечении иногда очень значительного промежутка времени.

Если отходить ко сну без предварительной серьёзной подготовки, то сон и будет неким продолжением дня со всяческими остатками земных процессов, «с отрывкой земной деятельности мозга», то есть в Тонком мире человек будет искать ту область и то окружение, с которыми он был связан в момент засыпания. Наше состояние перед сном является как бы сжатой пружиной, разжимающейся в Тонком мире в том направлении, в каком мы её направили, или подобно магнитофону, проигрывающему ту музыку, которую мы для себя предварительно перед сном

записали. Поэтому, чтобы сознание извлекло пользу и опыт из состояния сна, необходимо сознательное и планомерное использование моментов засыпания и применение приказа воли.

В «Гранях Агни Йоги» по этому поводу сказано: «Формы, наблюдаемые во время сна, связаны очень с мышлением в теле земном. Это как бы вариации на земные темы, но не связанные земными ограничениями. Снами можно управлять и их регулировать приказом воли. Тонкое сознание ей подчиняется после некоторой тренировки. Момент перед засыпанием очень важен, если воля накладывает своё решение на дальнейшее течение мыслей в этот момент. Не пассивное погружение в объятия Морфея, но сознательно волевой переход в мир Тонкий. Одного желания недостаточно, нужен приказ, чёткий, твёрдый и определённый. Также необходимо избрать и сферу активности сознания. Отрывки земной деятельности мозга не могут заменить сознательной активности на плане незримом во время сна. Многое происходит и делается в это время, если сознание достаточно расширено, только памяти о происходящем не остаётся. С одной стороны, этого нельзя допускать, чтобы слишком не отрываться от Земли; с другой, соединение миров идёт через сознание, центры организма которого должны быть достаточно развиты. Практически к решению этого вопроса следует подходить через сознательное и планомерное использование моментов засыпания и применение волевого приказа всего сознания. Значение снов может быть очень глубоким, если к ним подходить со знанием роли сна в жизни человека. Сон столь же необходим для жизни тела, как и пища, ибо это — питание системы психической энергией, которой насыщается тонкое тело. Психическая энергия — это Огонь. Его родина — Огненный мир. Через тонкое идёт соприкосновение с огненным, но надо, чтобы физическое тело не мешало. Нужно глубокое понимание явления сна, если имеется желание взять от него всё, что оно может дать» [10, т. IV, §300].

Рассмотрим рекомендации для работы со сном. Как и во всяком действии, направленном на совершенствование, в методике освоения состояния сна и превращения его в средство ускорения эволюции прежде необходимо установить ритм постоянства, ежедневной неукоснительной повторяемости. Ко сну необходимо готовиться, и подготовка эта многосторонняя и имеет ряд обязательных моментов:

- создание необходимых физических условий в помещении и на месте сна;
- приведение себя в полное равновесие, освобождение от забот и проблем дня;
- молитва, в том числе просьба к Высшим Силам о защите оставляемого физического тела во время сна;
- определение своего поведения во сне и отдавание волевого приказа;
- нацеленность на отработку качеств характера;
- настрой на учёбу, приобретение знаний в Тонком мире;
- укрепление связи с Учителем и соратниками;
- отдача своих сил и энергий в распоряжение Учителя;
- овладение контролем момента «алмаза сознания».

Итак, к насущным физическим условиям относится чистота помещения и чистота воздуха в нём. Наиболее негативное воздействие могут оказать продукты гниения: нечистая вода, остатки несвежих продуктов, старые срезанные цветы, долго ношенная одежда и обувь и т.п. Рекомендованы добрые запахи, особенно растительного происхождения — мята, эвкалипт, полынь, лаванда. Сильное негативное влияние оказывают на сон животные в спальне, особенно кошки и птицы. В книге «Агни Йога» говорится: «Также заботливо нужно охранять чистоту воздуха в спальне. Надо помнить, что тело во время выхода астрала остаётся без защиты, и если воздух отравлен, то появление гостей неминуемо.

Мята будет лучшим освежителем, способствуя также самому астралу. Ведь астрал покидает тело гораздо чаще, нежели мы думаем, но с различным значением. То он без смысла толчётся не вдали, то может поучаться многому полезному. Прямая обязанность каждого — создать для своего астрала лучшие условия. Также надо наблюдать, чтобы в доме не оставалось грязной воды. Домашние фонтаны и аквариумы обычно являются нежелательным рассадником» [2, §196].

Необходимо перед сном установление «благой связи» с Иерархией. В качестве высокого покровителя может выступить святой подвижник, ангел-хранитель, избранный Учитель. Таким покровителем во сне может быть просто близкий человек из Тонкого мира. Установление такой охранительной связи есть насущная необходимость, ибо никто не застрахован от тонких враждебных воздействий. «Недаром все Учения предписывают перед сном молитвы, чтобы утвердить благую связь. Человечество не любит подумать, что больше трети жизни оно проводит во сне, подвергаясь особым и неизвестным воздействиям. Наука мало уделяет внимания значению сна, этому пребыванию в Тонком мире. Разве не нужна крепкая связь с Иерархией, когда мы на пороге неведомого нашему обычному сознанию?» [3, §92].

Вручив себя под известное нам водительство и под охрану, целесообразно привести себя в максимально возможное равновесие, отрешиться от забот дня и повседневности. «Для сна требуется известное успокоение. Такое переходное состояние показывает, насколько наш организм нуждается в особой устремлённости при смене состояний» [4, ч. 2, §401]. Добиться равновесия внутри себя непросто. Материальные, психологические, индивидуальные духовные проблемы, неурядицы в жизни близких, состояние здоровья, общественные проблемы, — разве можно сразу добиться освобождения от влияния всего этого на настроение, эмоции, мысли? Конечно же, для этого необходимо определённое время. В этом случае поможет молитва, ведь она является наиболее эффективным методом очищения сознания.

Молитва неизбежно изменит акценты в беспокойном сознании. Она представляет собою «прекрасное и нужное в дальней дороге» — в Тонком мире. «Молитва хороша во всякое время, но имеются два срока смены токов, когда обращение к Высшему миру особенно желательно, — при восходе солнца и после заката. Кроме того, отходя ко сну, уместно воззвать к Высшему миру. Сон не понят наукою. Идея отдыха будет примитивна. Если каждое действие предшествоется духовным актом, то такое необычное состояние, как сон, должно быть особенно отмечено. Люди почти на половину жизни вверяют себя в мир незримый. Нужно очистить сознание перед входом в сокровенные Врата. Мысль о мире Высшем, мысль о Хранителях уже осветит увядшее сознание, и встречи могут быть лучшие, и нападения могут быть отвращены. Только сердечная мысль о Высшем мире может быть непроницаемой кольчугой» [5, §71].

Также целесообразно произвести очень важное для развития сознания действие — *подведение итогов прошедшего дня*. Эта работа должна делаться каждый вечер и не носить характера изнуряющего самокопания, а проводиться спокойно, объективно, с признанием ошибок, допущенных слабостей, и со справедливой похвалой за положительные, добрые действия. Печать окончательного суждения накладывается на всё, что сделано и помыслено за день: на хорошее — с тем, чтобы его утвердить, на плохое — чтобы не повторилось. Такая работа непременно окажет своё благое влияние на качество сна.

Пагубная привычка, действию которой подвержено значительное количество людей, — это занимать свободное время перед сном выводящими из равновесия делами. Это могут быть просмотр телевизора, работа с компьютером, разговоры, бытовая суета, даже чтение книг. Вот что сказано по этому поводу в «Гранях Агни Йоги»: «Чтение посторонних книг перед сном в большом количестве мешает. Голова и сознание наполняются посторонними образами и мыслями. А перед сном необходимо придать мыслям желаемое направление» [10, т. VI, §360].

Нужно позаботиться и о тонком теле во время сна. Защита тонкого тела осуществляется созданием охранительной, волевой, чёткой мысли о защите от опасности вторжения враждебных сущностей, ужасных сновидений и ночных кошмаров. Эта созданная огненная мысль о неуязвимости своего тонкого тела является прекрасным оружием, всегда находящимся в распоряжении человека. Оно также может быть направлено и на недопущение действия во сне слабых и негативных черт характера; это недопущение также формулируется волевым приказом. Человек спит, контроль сознания отключён, но поставленная на страже мысль огненная бодрствует и делает своё благородное дело. «Можно давать себе задание на ночь, как вести себя во время сна. Приказ будет действовать неотменно, если дан сердцем и на чётко оформленный срок. Сон поддаётся регулировке и упорядочению. Сумбурные и неприятные сны часто зависят от распушенности психической энергии» [10, т. IV, §564].

Способствует хорошему процессу сна и настрой на радость. Радостное восприятие жизни, радостные воспоминания, радостный настрой на будущее перед сном способствуют успеху во сне. Поэтому перед сном не следует погружаться в уныние, вспоминать обиды, конфликтные ситуации и другие негативные моменты.

Для ученика имеет важное значение мысль о подготовке к будущему неизбежному переходу в Тонкий мир при развоплощении. Потому желательно закрепить в сознании мысль о связи пребывания в Тонком мире во время сна и после своего ухода с земного плана. «Если сон “подобен смерти”, то каждый отход ко сну можно сделать репетицией к переходу в мир Тонкий, когда придётся расстаться с плотным телом уже окончательно. <...> Для Архата сон — это сознательный переход в мир Надземный и сознательное пребывание и деятельность в нём. Эта сознательность, вернее, непрерываемость сознания во сне, служит как бы преддверием непрерываемого сознания и при смерти физического тела. Поэтому упорядочивание сна

и стремление удержать сознание в этом состоянии имеют большое значение. Конечно, когда мозг спит, характер сознания, в случае если его не удалось сохранить, меняется и проходит некоторую трансформацию. Сон можно преобразить в бодрствующее тонкое состояние. Главное при этом — это утверждение мысли при отходе ко сну. Надо научиться совершенно отрешаться от плотного мира и дневных интересов, хотя бы на несколько минут, и погружаться в сон свободным от тех магнитных связей с земным окружением, которые крепко держат человека в плену у плотного мира. Считая, что сон — смерть в миниатюре, можно приучиться на это время отрешаться и освобождаться от земных дел. Тогда и переход Великих Границ упростится и удержание сознания станет возможным. Сохранить непрерываемость сознания — значит достичь бессмертия. Дух бессмертен, но, умирая, только Архат сохраняет сознание и знает, что тело его умерло» [10, т. VII, §678].

Сон даёт много уроков, среди них будет состояние свободы от понятий земного существования. «Сон служит прекрасным показателем того, как в тонкое состояние переносятся земные наслоения духа. Дух не имеет возраста, во всяком случае, в обычном его понимании. Но во сне часто видят себя именно в том возрасте, в каком находится тело. Полёты во сне есть уже преодоление земных ограничений тела. Так же точно надо внедрить в сознание, что дух свободен от возрастного ценза. Состояние сна должно стать состоянием свободы от привычных понятий о представлении плотного существования. Постепенно, но упорно и систематически будем освобождать себя от земных пережитков, и сонное состояние может служить проверкой того, насколько в этом направлении мы преуспели. Процесс приготовления к отходу ко сну делается укладом жизни. Ведь сон — это малая смерть. Готовность к ней духа и правильный подход дают возможность быть в готовности и к смерти большой. После сна — пробуждение, после того, что люди называют смертью, — жизнь в духе» [10, т. VII, §190].

Сновидения

Не все знания, получаемые в Тонком мире, становятся достоянием бодрствующего сознания просыпающегося человека. Бóльшая их часть откладывается, фиксируется в подсознании; меньшая часть проявляется в форме сновидений, и уже от самого человека зависит их понимание, интерпретация, а также практическое приложение сновидения в жизни.

В работе со снами можно отметить две проблемы. Первая — это запоминание снов, и вторая — их объяснение, интерпретация. О причине трудности запоминания снов Е.И. Рерих писала следующее: «Также несомненно, что многие духовно развитые люди и особенно ученики Вел[иких] Учителей работают по ночам на астральном и даже ментальном плане, помогая своим близким и знакомым или же исполняя поручения Учителей. Но нужно всегда иметь в виду, что медиумистические натуры больше запоминают такие ночные похождения свои, в силу своего особого строения организма. *Причина, почему люди, даже духовно развитые, сравнительно редко помнят свои действия на других планах, заключается в разнице вибраций между планами.* Физический мозг не может запечатлеть с такою лёгкостью эти тончайшие вибрации, и, если начать часто насильственно подымать его вибрации, разрушение организма неминуемо. Можно чаще сохранять воспоминания о своей ночной деятельности, при достижении известной степени Агни Йоги, но и для этого нужно наличие и соблюдение соответствующих космических и физических условий. Так, нужна чистота окружающей атмосферы и гармоничность её и значительная высота. Лишь полный Адепт сохраняет полное сознание во всех своих трёх телах и не ограничен в своих действиях, но и Он должен жить для этого в особых условиях» [8, т. I, с. 347; 28.02.1935].

Таким образом, главная проблема для запоминания снов — это большая разница в природе земного и Тонкого миров. Но по мере продвижения эволюции, согласно Учению, эта разница будет стираться. В книге «Надземное» сказано:

«Урусвати знает, почему даже из самых ярких сновидений не все подробности можно вспомнить. Даже самые сильные тонкие переживания не вмещаются в земную явь. Причина не в том, что память не удерживает особенные впечатления, но совершенно различна природа земная и Тонкого мира. Не будем огорчаться, что мы настолько ограничены земной плотью. Невозможно представить, чтобы земное тело могло выдержать напряжение, которое так часто господствует в Тонком мире. Несмотря на тонкость строения жителей этого мира, они прекрасно входят в атмосферу тонких энергий. Та сила, которая может разрушить земное тело, будет укреплять тонкие тела. Это надо запомнить, ибо люди плохо представляют себе, насколько различна природа этих двух миров» [7, §408].

Сновидения могут быть весьма разнообразны по своему содержанию, значимости и глубине информации, по форме её представления. Они могут возникать под действием воображения, могут быть воспоминаниями, всплывшими из глубины сознания, могут отражать впечатления от нахождения в Тонких сферах, могут восприниматься как дальняя весть, или указ Учителя. «Потому совершенно логично установить плодотворную, глубокую аналитическую и направляющую работу со сновидениями. Урусвати знает, как разнообразна ночная психическая деятельность. Она грубо названа сном, но содержит в себе несколько жизненных условий. Могут быть рефлекс, явленные воображением; могут быть воспоминания, всплывшие из глубины сознания, могут быть воздействия Тонкого мира; могут быть впечатления от нахождения в Тонких сферах; наконец, может быть дальняя весть, запечатлённая в образах. Могут быть многие сочетания надземных условий, потому жизнь во сне должна быть научно изучаема.

Невозможно не воспользоваться необычными возможностями, которые открываются при наблюдении над сном. Некоторые люди утверждают, что они никогда не видят снов. Это неверно, они не умеют запоминать виденное. Нужно разделять всё человечество на два вида. Одни могут запомнить своё ночное действие, другие не только не

помнят его, но даже упорствуют, настаивая, что деятельность во сне вообще невозможна» [7, §656].

Вероятно, нет ничего более многоликого, чем сны. Ведь, согласно Учению Живой Этики, сны могут отражать не только всё многообразие земного мира, но и Тонкого и даже Огненного миров. Природа снов сложна до чрезвычайности. Но это не значит, что они вовсе не подлежат исследованию и интерпретации. При исследовании снов необходимо учитывать весь комплекс условий. В книге «Сердце» сказано: «Сны могут отражать прошлое и настоящее. Сны могут отражать уже сложившееся клише будущего. Но кроме этих земных отражений могут быть отражения Тонкого и Огненного мира. Конечно, часто люди не могут запечатлеть именно эти два последних вида, ибо они мимолетны и, будучи иной природы, мало укладываются в меры земные» [3, §258].

Сновидения могут быть составными, и поэтому они особенно трудны для анализа. Учение даёт некоторые направления в помощь для интерпретации таких сновидений. «Составные сны и воспоминания представляют собою целую науку. Иногда они сплетаются в небылицы, но при расчленении они уявят целый ряд отдельных эпизодов вполне реальных. Потому, когда говорят о чём-то невозможном, следует подумать, что может быть сочетание частей неестественно, но каждая из них вполне возможна. Поучительно наблюдать, какие именно части из воспоминаний легче выпадают, так можно выяснять характер самого лица.

Уявление самых дальних воспоминаний может создать сложные узоры из разных веков. Можно видеть самые разнородные встречи, так нередко могли встречаться Братья, но даже самые высокие встречи могли заслониться подробностями из разных веков. Не случайно сказано, что каждый человек представляет собою сложное хранилище. Много огня нужно, чтобы осветить все тёмные склады» [6, §82].

Е.И. Рерих объясняла причину того, почему в сновидения вторгаются искажения. «Конечно, нужно с большой осторожностью и распознаванием относиться к снам и

видениям. Чтобы правильно видеть и понимать, нужно научиться управлять Высшим Манасом и не допускать вторжения в него. Много примеров видений, когда Высший Манас являл Истину, но затронутая самость пробуждала низший аспект его, который, вторгаясь, не только вносил свои добавления, но искажал весь смысл явленной истины» [9, с. 54; 23.08.1934]. Таким образом, чем лучше у человека развито сознание Высшего Манаса, тем лучше его способность отражать реальность в сновидениях.

В работе со сновидениями, как уже говорилось, надо учитывать различие в природе миров, физического и Тонкого. Необходимо добавить, что восприятие и понимание важнейших, так называемых символических, снов может происходить не только с помощью индивидуальных усилий, но и с высшей помощью, потому обращение за такой помощью к надземному Учителю вполне уместно.

Таким образом, нет чудес в сновидениях, ибо они есть естественная часть непрерывающейся нити жизни человека, содержащая очень часто направляющие указания и предупреждения. И если человеку удаётся освободиться от влияния предрассудков и научиться понимать сновидения, то это не только помогает ему в жизни, но и способствует расширению его сознания.

Литература

1. Озарение.
2. Агни Йога.
3. Сердце
4. Мир Огненный. Ч. 1, 2.
5. АУМ.
6. Братство.
7. Надземное.
8. Рерих Е.И. Письма. Т. I, II. Минск: Прамеб, 1992.
9. Рерих Е.И. Письма 1932–1955. Новосибирск: Алгим, 1993.
10. Грани Агни Йоги (Гр. А. Й.). Т. II, IV, VI, VII, IX, XIII.

Приложение

Перечень мест в Учении Живой Этики,
письмах Е.И. Рерих и Граниях Агни Йоги,
содержащих информацию о состоянии сна:

- Зов: 1922 апр. 25;
- Озарение: 2.3.3, 2.6.20, 2.8.1;
- Агни Йога: §196, 205;
- Иерархия: §354;
- Сердце: §92, 109, 138, 258, 264, 473, 516, 568;
- Мир Огненный, ч. 1: §52, 105, 107, 151, 179, 180, 181, 303, 394, 475, 502, 520, 526, 548, 561, 569, 599, 641;
- Мир Огненный, ч. 2: §10, 96, 226, 396, 401;
- Мир Огненный, ч. 3: §545;
- АУМ: §49, 71, 88, 96, 135, 182, 204, 213, 379, 407;
- Братство: §82, 318, 422, 494, 507, 537;
- Надземное: §24, 41, 48, 50, 193, 200, 202, 256, 304, 352, 353, 397, 408, 450, 627, 639, 647, 656, 871;
- Рерих Е.И. Письма. Т. I, Минск: Прамеб, 1992: 10.5.33, 23.6.34, 14.6.34, 23.8.34, 28.2.35; Т. II: 17.10.35, 23.11.37, 27.11.37, 3.12.37, 11.2.38, 5.4.38, 23.4.38;
- Рерих Е.И. Письма 1932–1955. Новосибирск: Алгим, 1993: 23.08.34;
- Гр. А. Й., т. I: февр. 4, 6; июль 13, 26; окт. 28, 29; нояб. 16;
- Гр. А. Й., т. II: §21, 102, 170, 267, 279, 426, 445, 572;
- Гр. А. Й., т. III: §204, 303, 316, 526, 580, 613;
- Гр. А. Й., т. IV: §13, 14, 20, 25, 27, 85, 171, 172, 300, 313, 322, 397, 423, 459, 474, 564;
- Гр. А. Й., т. V: §110, 318, 606;
- Гр. А. Й., т. VI: §29, 30, 211, 224, 324, 356, 360, 512, 558;
- Гр. А. Й., т. VII: §23, 59, 72, 100, 150, 166, 169, 190, 196, 211, 334, 448, 493, 526, 567, 650, 652, 678, 717;
- Гр. А. Й., т. VIII: §31, 44, 109, 186, 188, 194, 368, 497, 538, 539, 599, 614, 651;
- Гр. А. Й., т. X: §69, 160, 220, 576, 622;
- Гр. А. Й., т. XI: §148, 154, 159, 205, 252, 254, 288, 496, 536, 550, 586;
- Гр. А. Й., т. XII: §53, 325, 700, 707, 777;
- Гр. А. Й., т. XIII: §19, 67, 331, 441.

Храм Духа

Н.И. Кулакова

В 1903 году Николай Константинович Рерих, совершая путешествие по древним русским городам, впервые побывал под Смоленском, в имении княгини М.К. Тенишевой. Мария Клавдиевна Тенишева (1858–1928) — выдающаяся женщина своего времени, художница, певица, меценатка, организатор многих оригинальных начинаний в области просвещения, воспитания, одним словом — подвижница. Она проявила себя как великий покровитель культуры. «Большой человек — настоящая Марфа Посадница» [2, с. 287], — сказал о ней Николай Константинович Рерих, который был близким другом Марии Клавдиевны. Рериха с Тенишевой связывали общие художественные интересы. Но главное — это любовь к своей родине, её истории, стремление облегчить путь новому в искусстве.

Начало прошлого столетия в России явило мощный всплеск в различных областях культуры. Возникали новые формы и направления в искусстве, появлялись новые творческие коллективы. На почве культурного сотрудничества и зародилась высокая дружба М.К. Тенишевой и Н.К. Рериха — дружба, которую они с честью пронесли через многие нелёгкие годы.

В 1893 году Тенишевы, Мария Клавдиевна и её второй муж Вячеслав Николаевич, авторитетный прогрессивный промышленник, внесший большой вклад в развитие образования, купили имение Талашкино, а затем и соседнее Флёново, недалеко

Мария Клавдиевна Тенишева

от Смоленска. Благодаря их усилиям Талашкино превратилось вскоре в замечательный культурно-просветительский центр. Здесь были открыты сельскохозяйственная школа и художественно-ремесленные мастерские (керамики, изготовления мебели, музыкальных инструментов, кружевоплетения и др.), а также были организованы народный театр и оркестр балалаечников.

М.К. Тенишева была поборницей всего исконно русского, выступая против явно

враждебного отношения к русской старине и неумеренного восхваления всего иностранного в ущерб своему, русскому. Она стала собирателем произведений русского и славянского народного творчества, а также старинных книг, икон, церковной утвари, старых музыкальных инструментов. В 1898 году в Смоленске М.К. Тенишева создала историко-этнографический музей «Русская старина», который сохранился и действует поныне.

Не только художественная, но и духовно-религиозная нота всегда звучала в душе Тенишевой. Сильнейшим впечатлением детства и первыми духовно-нравственными уроками стали для неё страницы книги «О подражании Христу» Фомы Кемпийского. Через всю жизнь пронесла она светлый завет Христа любить и трудиться во имя ближнего своего, именно подражать Христу, а не пассивно ждать божественного благоволения.

Талашкино в свете новых веяний не имело себе аналогов. Можно ли назвать другое такое место, где бы за недолгий срок с 1893 по 1917 годы было так много сделано на ниве культуры? Собрано несколько уникальных коллекций, давших начало новому музею, написаны и опубликованы научные труды по этнографии, социологии, искусствоведению. Проведён уникальный

эксперимент сельскохозяйственного образования, созданы художественные мастерские, получившие европейскую известность. Небольшое село, внешне очень скромное, ничем не напоминало роскошные дворянские усадьбы, но это было такое место, что позволило одному из современников Тенишевой сказать: «Талашкино было Афинами русских крестьян, а княгиня Тенишева его Периклом» [11, с. 388].

Н.К. Рерих в Талашкине у строящегося храма Св. Духа. 1910

Конечно же, Рерих с его неодолимой тягой ко всему прекрасному не мог пройти мимо такого явления. Начиная с 1903 года и до 1914-го он приезжал в Талашкино почти каждый год. Талашкино буквально захватило его, так что он сразу включился в работу по проектированию мебели и предметов прикладного искусства. Это был его первый опыт в этой области, но и здесь сказалась высокохудожественная натура — Рерих проектировал не отдельные предметы, а сразу целый их комплекс, куда входили фриз, шкаф, кресло, скатерть, занавеска, лампа и многое другое. Всего 48 предметов было им задумано, о которых один из исследователей его творчества Александр Гидони справедливо писал: «Совершенно отчётливо в этих, как и в других прикладных работах художника, видно стремление дать не новый стиль, которого ещё нет, но помочь жизни, как наследнице прошлого, как матери будущего, показать черты своей индивидуальной красоты» [12, с. 280].

Вот какие распоряжения слал Рерих в Талашкино 25 марта 1904 года: «Ничего не имею против, если фриз будет написан, ибо по холсту можно очень красиво его написать — как русский гобелен. Для шкафа, печи, кресла, ковра, скатерти,

Торжественный акт закладки церкви. Фото 7 сентября 1900 года

занавесок, лампы и пр[очего] сделаю отдельные рисунки» [3, с. 260]. Он писал, что высылает 25 разных проектов. Остаётся только удивляться энтузиазму и трудолюбию художника!

Самому Рериху Талашкино дало многое, обогатив его творчество различными проявлениями художественного ремесла. Известно, как умел Рерих сочетать в своих работах мощное устремление к будущему, построенному на великолепном знании прошлых накоплений.

Так было во всём. Не обошёл Рерих вниманием и строительство нового храма в Талашкине, точнее в двух верстах от него, а именно на хуторе Флёново. Строительство храма явило собой заключительный аккорд дела всей жизни Марии Клавдиевны Тенишевой. Она писала: «Моя школа во Флёнове взяла столько моих сил, симпатий и преданности, что я уже смотрела на неё, как на нечто стойкое, прочное, вполне установившееся, и мне захотелось увенчать своё создание храмом Божиим» [8, с. 182]. К этому присоединялись и практические соображения — по воскресеньям и по праздникам ученики талашкинской школы ходили петь в церкви, находившейся от Талашкино за пять вёрст. И это во всякую погоду и время суток. Княгиня продолжала свою мысль: «Так естественно было с моей стороны желать, чтобы при школе был Божий храм» [8, с. 183].

Церковь во Флёнове заложили 7 сентября 1900 года, о чём сообщила газета «Смоленский вестник» от 12 сентября того же года. Указывалось, что церковь строится преимущественно для нужд местной сельскохозяйственной школы. По личным указаниям владелицы храм проектировался в строго древнерусском стиле, бо-

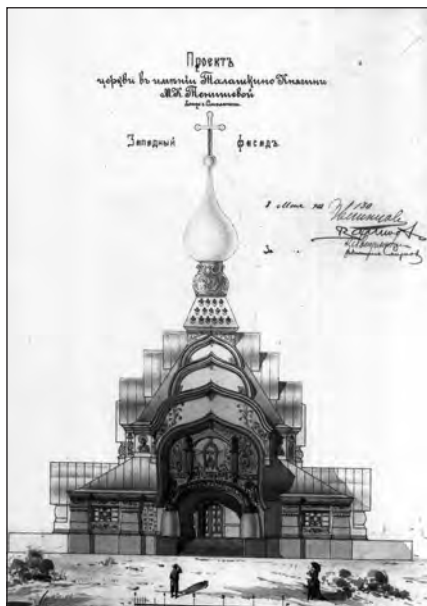

*Рытьё котлована для церкви.
Фото 1900*

гато расписанным и разукрашенным мозаикой. Сооружение обещало быть выдающимся в художественном отношении.

В своих воспоминаниях Тенишева так описывает начало постройки храма: «Мы долго искали место для церкви, ездили и ходили вокруг Флёнова, обсуждали этот вопрос со всех сторон, и наконец нашли. Это было восхитительное место, лучше которого вряд ли возможно найти для церкви. Оно точно для того и было предназначено. Здесь, рядом со школой, на высокой красивой горе, покрытой соснами, елями и липами, с необозримым кругозором, положено было основание храму во имя Св. Духа. Хотелось дело любви — школу — увенчать неугасимой лампадой — церковью. Хотелось, чтобы десница Господня с вершины этой горы из века в век благословляла создание любви — народную школу, где в классах, на полях, в лесу, в огородах, в труде шевелился бы маленький люд, раздавался весёлый смех, где совершалось великое дело: из тёмных дикарей выходили люди» [8, с. 183].

Создание проекта храма началось задолго до его закладки, под впечатлением поездок Тенишевой по русским городам. Её особенно привлекали шатровые церкви XVII века в Ярославле, украшенные керамическими изразцами. Она даже заказала макеты этих церквей и выставила их в Париже на Всемирной выставке в 1900 году.

Проект храма Св. Духа
в Талашкине

Об этом Мария Клавдиевна писала: «Когда я искала форму, создавая мой храм, я уже многое обдумала и глубоко прониклась русской стариной. Мне хотелось создать храм не из драгоценных материалов, а исключительно из местного камня, дерева, местными силами. Из моего путешествия по России мне стало вполне ясно, что храмы на нашем севере создавались согласно условиям и требованиям климата. Все наши крупные праздники бывают зимой или ранней весной, или осенью. Для крестных ходов в эти торжественные дни наши храмы в древности строились

с крытой папертью вокруг церкви» [8, с. 184].

В разработке проекта храма участвовали как архитекторы, так и художники. Среди них — историк искусств А.В. Прахов и академик архитектуры В.В. Суслев, известны были проекты художников Михаила Врубеля и Константина Коровина. Но их работы не удовлетворили Тенишеву, и тогда она по инициативе Врубеля пригласила в Талашкино художника С.В. Малютина. Именно его эскизы и легли в основу окончательного проекта, в котором также принимали участие историк и хранитель музея «Русская старина» И.Ф. Барщевский и сама М.К. Тенишева. Проект был утверждён и подписан 8 мая 1902 года.

Архитектуру храма можно описать следующим образом. Крестообразный четверик с одной абсидой поднимается вверх ступенчатой горкой из килевидных покрытий и завершается маковичной главкой. С трёх сторон четверик огибает крытая галерея, которая по оси каждого фасада перебивается высоким крыльцом с гранитной лестницей. Северная и южная стены четверика прорезаны большим окном. Пространство храма

перекрыто куполом на парусах. Над главным входом в церковь отведено место иконе «Спас Нерукотворный». Эта икона была выполнена в технике мозаики по эскизу Н.К. Рериха.

В научной литературе талашкинский храм характеризуется как яркий памятник неорусского стиля. Неорусский стиль сложился в конце XIX — начале XX века на основе эклектичного использования различных элементов древнерусской архитектуры. Хотя искусствоведы оценивают всё эклектичное как нечто второстепенное, не заслуживающее пристального внимания, именно это смешение казалось бы самых разнородных элементов трогает душу простого человека, не обременённого академическими дипломами. Разве русский человек не живёт порой среди самого невероятного окружения, где мирно уживаются самые разные народности, их обычаи, традиции и культура? Разве русскому сердцу не близко это, может быть, смущающее исследователей, многообразие форм народной жизни? В народном воображении такое многообразие — отнюдь не эклектика, а синтез. Заметим, что так называемые эклектичные храмы наиболее красочные и интересные. Стоит вспомнить собор Василия Блаженного в Москве и Храм Спаса на Крови в Санкт-Петербурге.

В основу проекта талашкинской церкви положен стиль ярославских храмов — красный кирпич, украшенный изразцами. Что-то проглядывает и от московского построения. А вот луковичная главка на тонкой ножке — явная принадлежность Суздаля. Килевидные же покрытия под черепицей веют далёким востоком.

Декор талашкинской церкви должен был состоять из керамических плит. Художник С.В. Малютин предлагал очень сложные в цветовом отношении рисунки, это были не только растительные стилизованные мотивы, но и образы святых, которыми предполагалось украсить пространство над окнами северного и южного фасадов.

Вокруг храма развернулось большое строительно-творческое дело. Кирпич готовился на специально построенном для этого заводе и имел клеймо «МТ» (Мария Тенишева). Там же производилась и поливная черепица. Предполагалось и смальту

*С.Н. Рерих. Храм Св. Духа
в Талашкине-Флёнове*

для мозаики делать в Талашкине.

Параллельно со строительством Тенишева готовила и внутреннее убранство церкви. Обычай украшать храмы дорогими тканями, храмовой утварью, одеждами, различными ценными предметами существовал ещё в глубокой древности. Тенишева следовала этим традициям.

По её эскизам талашкинские мастерские делали вышивки. Некоторые из них (Архангелы Михаил и Гавриил) были сделаны по эскизам Васнецова. Сама княгиня сработала на престольный крест, украшенный эмалью. К сожалению, сохранилось только его чёрно-белое изображение.

Как было принято в древнерусских храмах, в Талашкинской церкви присутствовал также и низкий иконостас, не отделяющий совершенно помещение храма от алтаря. Такое отделение стало обычным на Руси лишь после XVI века.

Рерих ещё больше загорелся идеями Тенишевой, побывав в Талашкине в 1904 и 1905 годах. В журнале «Весы» он публикует свой большой очерк об этом культурном центре. Затем готовит сборник-альбом «Талашкино» для издательства «Содружество» в Санкт-Петербурге. В письме к Марии Клавдиевне от 8 апреля 1905 года он спрашивал: «Какие художники работали, были близки Талашкину: Врубель, Малютин, Головин, Коровин, принимал ли участие Билибин? Васнецов? Искренне радуюсь, если моё душевное стремление помочь Вам приятно» [3, с. 262].

В своей работе о Талашкино, опубликованной в феврале 1905 года, Рерих отсылает читателя к «прошлому лету», к той шумной и радостной жизни, участником которой он был. «Видел я начало храма этой жизни. Строят церковь в Талашкине. До конца ей ещё далеко. Приносят к ней всё лучшее. От верхнего

Храм Св. Духа в Талашкине. Современный вид

креста до мелких заставок нарочно писанных требников — всё обдумывается тщательно, не в пример многим нашим новым собраниям. В этой постройке могут счастливо претвориться чудотворные наследия старой Руси, с её великим чутьём украшения. И безумный размах рельефов наружных стен собора Юрьев-Польского, и фантазмагория храмов Ростовских и Ярославских, и внушительность Пророков Новгородской Софии — всё наше сокровище Божества не должно быть забыто. Даже далёкие пути. Даже храмы Аджанты и Лхассы. Пусть протекают годы в спокойной работе. Пусть она возможно полней воплотит заветы красоты. Где желать вершину красоты, как не в храме, высочайшем создании нашего духа?» [4, с. 368].

В приведённом отрывке хорошо просматриваются пути, по которым движется мысль художника, нащупывая образ будущего храма — Храма Духа, как назвали его между собой Рерих и Тенишева. Тут же произносится и слово *музей* — понимаемое как античный музейон, как сосредоточие всех «сокровищ Божества», имея в виду и разные религии. В работе «Памяти Марии Клавдиевны Тенишевой» Рерих записал об этом моменте: «В последнее время её жизни в Талашкине увлекала её мысль о синтезе всех иконографических представлений. Та совместная

София-Премудрость Божья. XVIII век

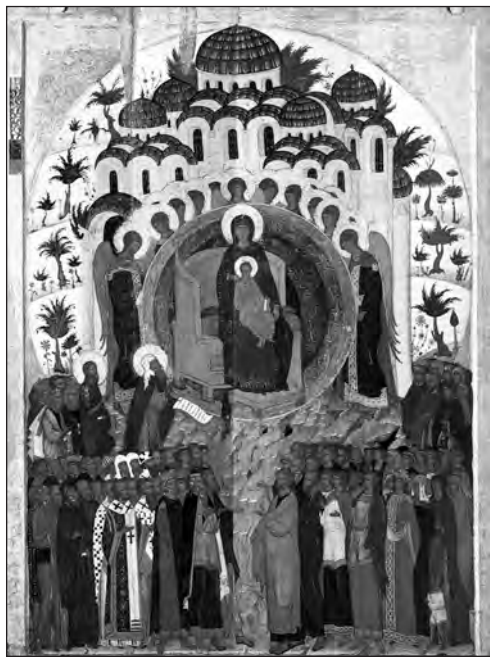
Музея духовных достижений всего человечества. Эта глубокая по своему содержанию мысль питала Рериха и в Америке, когда он создавал Институт объединённых искусств, а затем Музей, который по замыслу должен был быть содружеством различных культурных обществ и организаций, то есть центром разнонаправленной культурной деятельности.

Революционные события 1905 года вынудили Тенишеву уехать за границу. Тяжело дался ей этот переезд. Но, как это часто бывает, в трудные моменты спасает творчество. У Марии Клавдиевны было прекрасное увлечение старинным производством эмали. И благословил её на это Н.К. Рерих. В его письме к Тенишевой от 20 мая 1905 года написано: «Мне очень нравится Ваше увлечение эмалью, и оно ещё раз доказывает, как чутко и сознательно относитесь Вы к обновлению красоты русской жизни — возрождая это исконное дело, связующее нас с далёкой колыбелью Востока» [10, с. 178].

В 1908 году, после почти трёх лет отсутствия, Тенишева возвращается из-за границы и её мучает вопрос: что я увижу? В день отъезда из Москвы в деревню к ней присоединился Рерих. Мария Клавдиевна пишет в своих «Впечатлениях»: «Как

работа, которая связывала нас и раньше, ещё более кристаллизовалась на общих помыслах об особом музее изображений, который мы решили назвать “Храмом Духа”. <...> Много должно было быть сделано в храме, о чём знали мы лишь из внутренних бесед» [8, с. 12]. Таким образом, идея сооружения православного храма перерастала в нечто большее — создание величественного Храма-

особенно чуткий и тонкий, он только из дружбы ко мне, из желания облегчить мои первые минуты в Талашкине вызвался сопровождать нас. Я только забросила слово, а он откликнулся. Слово это — храм... Только с ним, если Господь приведёт, доделаю его. Он человек, живущий духом, Господней искры избранник, через него скажется Божья правда. Храм достроится во имя Духа Святого. Дух Святой — сила Божественной духовной радости, тайною мощью связующая и всеобъемлющая бытие...

Дионисий. «О Тебе Радуется». XV век

Какая задача для художника! Какое поле для воображения! Сколько можно приложить к Духову храму творчества. Мы поняли друг друга, Николай Константинович влюбился в мою идею, Духа Святого уразумел. Аминь. Всю дорогу от Москвы до Талашкино мы горячо беседовали, уносясь планами и мыслью в беспредельное. Святые минуты, благодатные...» [8, с. 259].

Идея возведения храма была близка Рериху, ведь по его эскизам уже выполнялись мозаики для храма в селе Пархомовка под Киевом (1906), церкви Петра и Павла в посёлке Морозовка под Шлиссельбургом (1906), а также иконостас церкви Казанской Божией Матери в Перми (1907). В августе 1908 года, будучи за границей, он сообщал жене Елене Ивановне, что обдумывает план росписи стен храма в Талашкине. Но, как говорится — скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. В письме от 28 февраля 1909 года Тенишева возобновляет разговор о «Духе». «Мне было приятно прочесть в вашем последнем письме, что

Н.К. Рерих. Царица
Небесная
над Рекой Жизни.
Эскиз росписи. 1906

вы, по-видимому, не забыли о “Духе”, что мысль ваша от него не оторвалась. За последнее время вы как-то о нём не упоминали, а я боялась настаивать. Жаль будет, если “Дух” отлетит и задача эта вас перестанет волновать. Конечно, я радуюсь за вас, что вы работаете для Царя и Почаева, но меня всегда мучает ревность, что другие исчерпают ваши силы, вдохновение, утомят ваше воображение, и для “Духа” вы устанете, а тут ещё нервы и хворости!» [9, ф. 44/1391]. А 5 мая того же года Мария Клавдиевна снова пишет: «Вас тянет на дачу, но куда? Помнится, в прошлом году делали планы, что приедете по близости к нашей церкви, мечтали совокупно, созидать “Духа”. <...> Напишите, что думаете об этом» [9, ф. 44/1392].

В начале XX столетия прокладывались новые пути для всего искусства, вводились также новшества в архитектуре и отделке храмов. Мы знаем об участии в этом движении обновления художников Васнецова и Нестерова, Билибина и Врубеля. Но все они повторяли, каждый в своей манере, давно сложившиеся каноны, тогда как Рерих шёл дальше. У него и сама мысль была новой. Так, для церкви Покрова Богородицы в селе Пархомовка под Киевом, заказчиком которой был известный учёный и путешественник В.В. Голубев, Рерих сделал эскиз алтарного образа «Царица Небесная над Рекой Жизни».

«Царица Небесная» Рериха представляла в удивительном образе. Это не привычный канон Богоматери с божественным ребёнком на руках, а Владычица Мира, царственно восседающая на своём Троне в окружении серафимов.

Рерих уходит от устоявшихся в православной иконописи представлений о том, как надо изображать Богоматерь, и показывает величие и красоту Вселенского Духа Женственности. Это Матерь Всего Мира, и в этот образ вбираются все Великие женские облики: и Древнего Востока, и Древней Руси, и Византии, а также Эпохи Возрождения, и вся православная иконография Богоматери. Именно синтез всех этих представлений делает изображение Царицы Небесной Рериха столь притягательным. «Царица Небесная» по праву занимает одно из ведущих мест в ряду монументальных произведений искусства.

*Н.К. Рерих. Царица Небесная
над Рекой Жизни.
Эскиз росписи. 1910-е*

Не только художественная сторона этой работы Рериха была новаторской. Ещё важнее было её по-новому осмысленное идейное содержание.

Как известно, в начале XX века в культуре, искусстве и философии стала особенно сильно акцентироваться тема женского Начала. Поэты и писатели Серебряного века, эпохи русского Возрождения, создали множество произведений, в которых женщина становится символом самых чистых устремлений, символом души, взыскующей о новом светлом мире. Вновь повеяло романтикой, как это было уже в рыцарские времена средневековой Европы, а также величием и царственностью, которыми отличаются произведения византийского искусства XII века.

В то время как поэты вдохновенно прозревали черты Новой Эпохи под Знаменем Матери Мира, русская религиозная философия занялась осмыслением концепции Софии-Премудрости, или Вечной Женственности. Новую жизнь обретают идеи

Интерьер храма Св. Софии Киевской

гностицизма, философского направления начала христианской эры. Гностики трактовали природу вселенского женского Начала как Божественную Мудрость, Софию. В их представлении София была тождественна Духу Святому.

Восприняв великое наследие Византии, Древняя Русь вслед за ней стала строить храмы, посвящённые именно Софии, Премудрости Божией. В XX веке софийная тема снова акцентируется, ей придаётся новое звучание.

Заметим, что все ипостаси вселенского женского Начала, и как Богородицы, и как Матери всего Сущего, Матери Мира, Владычицы Небесной, и как Святого Духа, как Софии-Премудрости Божией, близки русской душе. Россия издревле стояла в особом отношении к Великой Матери Мира, или её православной ипостаси — Богородице. В православии считается, что Россия находится под особым её покровительством. В образе Богоматери народ русский соединил своё понимание высшего добра — жаления, милосердия, любви, самопожертвования и подвига. «Итак, на всех путях встаёт тот же Великий Лик и “знамо и не знамо” творит добро великое» [1, с. 471]. Традиция Богородичных храмов связана со многими знаменательными явлениями во всей русской истории, оттого и встречаются повсюду изображения Богородицы — от величественных соборов до столбиков «при путях». Особо сердечно почитаются её иконы.

Согласно Учению Живой Этики, Новая Эпоха — это Эпоха Матери Мира, и в России приближение Новой Эпохи и лучи Матери Мира воспринимаются гораздо лучше, чем где-либо ещё на земле. Н.К. Рерих, создав образ Царицы Небесной, Матери Всего Сущего, не только правильно воспринял дух приближающейся Новой Эпохи, но и дал ориентир мысли, духовного устремления, что было очень важно перед надвигающимися грозными событиями первой половины XX века. Храм, построенный в честь Святого Духа, и роспись его апсиды изображением Царицы Небесной, таким образом олицетворяли одну и ту же идею — величия и торжества женского Начала в мироздании.

Позже Н.К. Рерих создаст ещё целый ряд живописных работ, посвящённых Матери Мира. Но грандиозная работа «Царица Небесная» навсегда останется вехой в истории искусства. Может быть, придёт время, и этот сюжет, полный самых глубоких смыслов, будет повторен каким-нибудь талантливым художником.

Богоматерь Оранта. Мозаика храма Св. Софии. Киев, XI век

К сожалению, образ Царицы Небесной не был воспринят первым заказчиком должным образом. Рерих спустя некоторое время решил разместить его уже в новом месте — храме Святого Духа в Талашкине.

Прообразом изображения Царицы Небесной послужила мозаика храма Софии Киевской — Богоматерь Оранта, называемая в народе Нерушимой Стеной. В очерке об этом образе Богоматери Н.К. Рерих пишет: «Кто не помнит эту Киевскую Святыню во всём её византийском величии, её молитвенно

Роспись по эскизам Н.К. Рериха
апсиды храма Святого Духа
в Талашкине. 1910–1914

поднятые руки, иссиня голубые одежды, красную царскую обувь, за поясом белый плат, а на плечах и на голове три звезды? Лик строгий, с большими открытыми глазами, обращён к молящимся. В духовной связи с углублённым настроением богомольцев. В нём нет мимолётных житейских настроений. Входящего в храм охватывает особо строгое молитвенное настроение» [1, с. 469].

Расположение композиции росписи таково:

в центре изображение Царицы Небесной на берегу Реки Жизни. Вокруг Неё великие небесные города, охраняемые полками Ангелов. Молитвенно обращаются к Ней сонмы Святых. Выше Её шествие Пророков, поклоняющихся кресту. Цветовой порядок таков: в центре — белое, золотое, зелёное, желтое, с переходом в красное и бирюзу. Выше — жёлто-красно-карминное. В архитектуре преобладает бархатно-чёрное, на котором выделяются фигуры Святых в бело-зелёно-коричневом цвете. Для яркости тона в росписи употреблялись сильные краски чистых цветов. Как говорит исследователь рериховского творчества Сергей Эрнст, «весь идейный и формальный строй талашкинских фресок говорит о совершенно новом величавом понимании задач украшения храма» [6, с. 33].

О содержании изображения сам Рерих говорит молитвенными словами:

«Высоко проходит небесный путь. Протекает река жизни опасная. Берегами каменистыми гибнут путники неумелые:

незнающие различать,
где добро, где зло.

Милосердная Владычица Небесная о путниках тёмных возмыслила.

Всеблагая на трудных путях на помощь идёт. Ясным покровом хочет покрыть людское всё горе, греховное.

Из светлого града, из красной всех ангельских сил обители Преплагая воздымается.

К берегу Реки Жизни Всесвятая приближается. Собирает святых кормчих Владычица, за людской род возносит моления.

Трудам Царицы ангелы изумляются. Из твердыни потрясённые сонмы поднимаются. Красные, прекрасные силы в подвиге великом утверждаются. Трубным гласом Владычице славу поют.

Из-за твёрдых стен поднялись Архангелы, Херувимы, Серафимы окружают Богородицу. Власти, Престолы, Господствия толпами устремляются. Приблизились Начала, тайну образующие.

Духу Святому, Господу Великому передаст Владычица моления. О малых путников вразумлении, о Божьих путей посещения, о спасении, заступлении, всепрощении. Поддай Господи, Великий Дух.

Подымается к Тебе мольба великая. Богородицы моление пречистое. Вознесём Заступнице благодарение. Возвеличим и мы Матерь Господа: “О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь”» [6, с. 32].

Н.К. Рерих с сыновьями и братом
В.К. Рерихом в храме Святого
Духа в Талашкине. 1912

О работе Н.К. Рериха над эскизами для храма в Талашкине широко оповещали газеты и журналы того времени. Вот автор статьи во «Всеобщем журнале литературы, искусства, науки и общественной жизни» Л. Камышников пишет: «В эскизах к росписи церкви кн. Тенишевой в имени Талашкино, над которыми Н.К. Рерих работает в данное время, сказалась вся индивидуальная мощь его как религиозно-монументального живописца. Роспись — вся в тонах золота с красным. Лик Богоматери — детально изображённый, как бы светится в этой гамме оранжевых и золотых тонов» [5, с. 290].

Когда были начаты росписи алтарной части храма, газета «Биржевые ведомости» от 20 июня 1911 года, под заголовком «Странное явление», поместила заметку: «Передают, что когда художник со своим помощником стали внизу мысленно размещать будущую композицию на стене, то помощник указал, что лучше всего придержаться в размещении контуров, уже ранее сделанных. Вглядываясь, убедились, что из пятен штукатурки сложились все главные очертания композиции эскиза. При промерах оказалось, что Лик центральной фигуры Богоматери придётся оставить именно на месте выступивших очертаний. <...> Явление вызвало усиленные толки среди услышавших о нём» [5, с. 345]. Таким образом, как это часто бывает вокруг больших, важных начинаний, был и свой мистический аспект в этом деле.

Отклинулись на рериховскую живописную работу и известные писатели и поэты. Максимилиан Волошин, потрясённый увиденным на выставке эскизом росписи «Царицы Небесной», писал: «Пламенные, золотисто-алые, багряные, рдяные сонмы сил небесных, стены зданий, развёртывающихся над облаками, и посреди них Царица Небесная в белом платье, а внизу неяркий земной облачный день и студёные воды будничной Реки Жизни» [цит. по 13, с. 8].

Писатель Вс.Н. Иванов рассуждает о содержании «Царицы Небесной» следующим образом: «Катится, холодно, своим чередом идёт таинственная Река Жизни, увлекает своим течением утлые судёнышки плывущих, лишь до поры до времени не тонущих людей. Слабы эти людишки, но не одиноки! Над

ними Богородица. Она, Великая Жена, в сонме Небесных Сил, она — охранительница и предстательница за малых сих» [7, с. 219–220].

Николай Константинович был сильно увлечён работой в талашкинском храме. В интервью прессе в мае 1912 года он делился своими планами: «Почти всё лето придётся провести под Смоленском в имении княгини Тенишевой Талашкино, где мною расписывается новый храм: он будет покрыт росписью не только внутри, но и снаружи монументальной мозаикой по моим эскизам. Меня очень увлекает эта работа, и я всецело отдамся ей» [5, с. 473].

В течение нескольких лет приезжал Рерих в Талашкино в связи с работой по храму. Вероятно, в эти пребывания сложились и окрепли те «более чем дружественные отношения», благодаря которым княгиня Тенишева записала: «Из всех русских художников, которых я встречала в своей жизни, кроме Врубеля, это был единственный, с кем можно было говорить, понимая друг друга с полуслова, культурный, очень образованный, настоящий европеец, благовоспитанный и приятный в общении, незаменимый собеседник, широко понимающий искусство и глубоко им интересующийся. Наши отношения — это братство, сродство душ, которое я так ценю и в которое так верю. Если бы люди чаще подходили друг к другу так, как мы с ним, то много в жизни можно было бы сделать хорошего, прекрасного и честного» [8, с. 225].

В свою очередь, и Рерих с самого начала знакомства с Тенишевой очень высоко ставил их взаимоотношения. Вот строки из его письма: «Я несказанно тронут Вашими словами о том, что Вам легко пишутся письма ко мне. Может быть, Вами, правда, чувствуется, как хорошо я к Вам отношусь и как искренне мне хочется дружественно помочь Вам. <...> Из отношения с Вами во мне зарождается вера в нужное, нежное и вообще человеческое. Как особенный памятник сохраняю я Ваши письма. Помимо личного, они имеют большое значение общественное, как трогательное свидетельство Вашей искренней привязанности и доброжелательности к искусству. Мне

верится, что наше дело — дело святое и трудами, и верою мы пройдем на истинную пользу Руси» [10, с. 167].

Заметим, что переписка Н.К. Рериха с М.К. Тенишевой сохранилась и находится в архиве Государственной Третьяковской галереи (ГТГ) и Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ).

К сожалению, не всем помыслам суждено было сбыться. Буквально на ступенях Талашкинского храма была услышана весть о войне. Дальнейшие планы замерли, чтобы уже не довершиться.

А скоро произошла революция, и Тенишева навсегда уехала в Париж. Покинули Россию и Рерихи. Но дружба Марии Клавдиевны и Николая Константиновича продолжилась. 27 октября 1919 года Рерих писал Тенишевой: «Признано одно, что остаются друзья и, если бы Вы видели, как Ваши письма перечитываются и нами, и нашими сыновьями! Наш студент Юрий напишет Вам письмо по-санскритски» [3, с. 276].

Когда в 1925 году Рерих был в Париже и рассказал Марии Клавдиевне, что едет в Центральную Азию, Тенишева сказала: «Ну, Отче Никола, видно взаправду собрался ты Храм строить» [2, с. 286]. Так напутствовала Мария Клавдиевна своего друга в их последнее свидание.

Судьба талашкинского храма сложилась печально. Ещё не оконченный, он начал разрушаться. Причины этого были зафиксированы в особом документе — протоколе осмотра строящегося храма от 10 июля 1914 года, где было указано на плохую изоляцию фундамента.

После революции храм был осквернён и разграблен. Конечно же, пострадала и роспись. В дальнейшем храм использовали для хранения зерна, в связи с чем его стены обрабатывали особыми химикалиями, что способствовало ещё большему разрушению живописи. Ещё в 1974 году можно было увидеть её остатки. Сейчас в храме только пустые стены. Сохранилась пока мозаика «Спас Нерукотворный» на портале храма, но она требует срочной реставрации.

Может быть, предчувствуя судьбу своего детища, Мария Клавдиевна Тенишева записала: «Храмы, музеи, памятники строятся не для современников, которые большей частью их не понимают. Они строятся для будущих поколений, для их развития и их пользы. <...> Останется созданное на пользу и служение юношеству, следующим поколениям и родине. Я ведь всегда любила её. Любила детей и работала для них, как умела» [8, с. 257]. Любил родину и Н.К. Рерих, для неё, для её народа работал и завещал ему своё наследие.

О смерти своего друга княгини Тенишевой, ушедшей 1 апреля 1928 года в Париже, Рерих узнал, будучи в Гималаях, где он написал статью «Памяти Марии Клавдиевны Тенишевой», в которой писал: «Оглядываюсь с чувством радости на деятельность М.К. Как мы должны ценить тех людей, которые могут вызывать в нас именно это чувство радости. Пусть и за нею самою, в те области, где находится она теперь, идёт это чувство радости сознания, что она стремилась к будущему и была в числе тех, которые слагали ступени грядущей культуры» [2, с. 287]. Эти же слова справедливы и по отношению к самому Рериху, великому Водителю Культуры.

Вдохновенное сотрудничество Н.К. Рериха и М.К. Тенишевой — прекрасный пример для потомков. Вершиной их совместного труда, несомненно, является дело строительства Храма Духа. Идея такого Храма близка всем искренним сердцам. Прекрасные образы, созданные Рерихом для Талашкина, продолжают хранить чистые и живые символы мира Света, Любви и Красоты.

Литература

1. Рерих Н.К. Нерушимая Стена // В кн. Листы дневника. Т. I. М.: МЦР, 1995.
2. Рерих Н.К. Памяти Марии Клавдиевны Тенишевой // В кн. Талашкино. Сборник документов. Смоленск: Посох, 1995.
3. Рерих Н.К. Письма Тенишевой М.К. // Там же.

4. Рерих Н.К. Воспоминания о Талашкине. // Там же.
5. Николай Рерих в русской периодике 1891–1981. Вып. IV. СПб.: ООО «ИПК «Фирма Коста»», 2007.
6. Эрнст С.Р. Н.К. Рерих // В кн. Держава Рериха. М.: Изобразительное искусство, 1994.
7. Иванов Вс. Н. Рерих — художник-мыслитель // Там же.
8. Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. Ленинград: Искусство, 1991.
9. Письма Тенишевой к Рериху. ОР ГТГ, ф. 44.
10. Журавлёва Л.С. Княгиня Мария Тенишева. Смоленск: Смоленский государственный педагогический институт им. К. Маркса, 1992.
11. Данилович К. де. Выставка русского современного искусства // В кн. Талашкино. Сборник документов. Смоленск: Посох, 1995.
12. Гидони А.И. Творческий путь Рериха // Там же.
13. Кочергина Н.М. Пламенное сердце. Часть I. Труды Мадонны // «Восход». 2008. №2 (166).

Балтрушайтис, Рерих и Серебряный век

Э.Н. Плюснина

Мой парус — мысль моя.

Культура Серебряного века возникла на рубеже двух исторических эпох. Новые идеи с необычайной силой захватывали умы наиболее восприимчивых к ним людей. Во всех областях творчества появились новые направления, художники экспериментировали, пытаясь найти те наиболее подходящие формы, которые смогли бы отразить черты Нового Мира. Художественная среда буквально кипела, и в этом кипении проявилась целая плеяда творцов-новаторов, наиболее ярко воплотивших черты Нового времени.

Как нельзя лучше передал принципы нового искусства манифест, напечатанный золотыми буквами в первом номере журнала «Золотое Руно». Вот его текст:

«В грозное время мы выступаем в путь.

Кругом кипит бешеным водоворотом обновляющаяся жизнь. В грохоте борьбы, среди неотложных вопросов, выдвигаемых днями, и кровавых ответов, что даёт на них наша русская действительность, для многих Вечное меркнет и отходит вдаль.

Мы сочувствуем всем, кто работает для обновления жизни, мы не отрицаем ни одной из задач современности, но мы твёрдо верим, что жить без Красоты нельзя и, вместе со свободными учреждениями, надо завоевать для наших потомков свободное, яркое, озарённое солнцем творчество, влекомое неутомимым исканьем, и сохранить для них Вечные ценности, выкованные рядами поколений. И во имя той же новой грядущей жизни мы, искатели золотого руна, развёртываем наше знамя:

Искусство — в е ч н о, ибо основано на непреходящем, на том, что отринуть — нельзя.

Искусство — е д и н о, ибо единый его источник — душа.

Искусство — с и м в о л и ч н о, ибо носит в себе символ, — отражение Вечного во временном.

Искусство — с в о б о д н о, ибо создаётся свободным творческим порывом»¹.

Эти слова принадлежат поэту, теоретику символизма Андрею Белому. Они и сейчас не устарели и звучат очень по-современному.

«Золотое Руно» — художественный, литературный и критический иллюстрированный журнал, издававшийся в Москве искусствоведом, коллекционером и непрофессиональным художником-символистом Н.П. Рябушинским в 1906–1909 годах. «Золотое Руно» стало печатным органом и идеологическим центром русского символизма, продолжив традицию провозглашения свободы творчества петербургского журнала «Мир Искусства», выходившего с 1899 до 1904 года.

Н.К. Рерих, являясь наиболее выдающимся художником-символистом Серебряного века, эпохи русского модернизма, знал и сотрудничал со многими представителями творческой среды, объединившимися вокруг «Золотого Руна».

Строка, приведённая в эпиграфе, взята из стихотворения Юргиса Балтрушайтиса (1873–1943), русского и

---

¹ Цит. по: Золотое руно. 1906–1909. У истоков русского авангарда. М.: Гос. Третьяковская галерея, 2008.

литовского поэта, переводчика, художественного критика, театрального деятеля, философа, дипломата, сотрудничавшего с «Золотым Руном». Балтрушайтис-поэт прочно вошёл в историю русской литературы, хотя при жизни были опубликованы только два небольших сборника его стихов на русском языке². Имя Балтрушайтиса до сих пор мало известно. Его тихая поэзия, проникающая в глубину души читателя, наполнена невидимым огнём духовного устремления.

Знакомясь с жизненным и творческим путём Балтрушайтиса, мы можем мысленно прикоснуться к неповторимой, полной драматизма и духовного озарения эпохе Серебряного века.

Жизненный путь и творчество Ю.К. Балтрушайтиса³

Юргис Казимирович Балтрушайтис родился 20 апреля 1873 года в литовской деревне Паантвардис в небогатой крестьянской семье. У Юргиса, самого младшего ребёнка, было два брата и три сестры. Семья была очень религиозна. Своим человеком в доме был ксёндз К. Жякявичус, крёстный отец Юргиса, под руководством которого мальчик получил начальное образование. Поэт всю жизнь вспоминал мать, по-видимому, она была ему самым близким человеком. Позднее в своей автобиографии он писал: «Ближайшим образом таинственное пламя поэзии я, вероятно, унаследовал от чуткой души моей матери, нежный образ которой нерасторжимо осеняет всю мою человеческую жизнь. <...> Волшебное искусство чтения и письма, притом очень рано, я постиг самоучкой дома, и до девяти лет моя детская мысль должна была довольствоваться скудным содержанием

² Это сборники «Земные ступени» (1911) и «Горная тропа» (1912). Последняя книга, «Лилия и серп», начатая ещё до Первой мировой войны, вышла в свет в Париже в 1948 году, уже после смерти Ю. Балтрушайтиса. В России в 1989 году издан сборник под названием «Лилия и серп», в который вошли все русские стихи поэта и переводы его литовских стихов [7].

³ Факты биографии изложены в соответствии с [10], стихи приведены по изданию [7].

Юргис Казимирович Балтрушайтис

нескольких старых календарей и книг, какие случайно оказались на заброшенном хуторе. Зато в бесконечно лучших условиях развивалось моё воображение. Тут были и незабвенные зимние сказки моей матери — подчас её собственного сочинения, и жуткие литовские предания о чудовищах и древних великанах. <...> А главное, в нескольких верстах была река Неман с белевшими с весны до осени парусами прусских барж, с курганами и остатками замков, восходивших, по народному поверью, ещё ко временам меченосцев. <...>

Как особенно я любил бродить вдоль литовских просёлочных дорог с покривившимися от времени, почерневшими от непогоды крестами, обилие которых внушало мне волнующее представление о древнем и скорбном шествии человека к Голгофе...» [8].

Родители не могли содержать сына в Каунасской гимназии, куда он поступил в 1885 году, далее пятого класса и с 15 лет он жил самостоятельным трудом — зимой давал уроки, а летом работал пастухом.

В 1893 году Балтрушайтис окончил гимназию и поступил в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета. Однако, естественные науки не могли удовлетворить постоянно растущие духовные потребности молодого человека, поэтому он посещал лекции ещё и на историко-филологическом факультете, изучал языки. О его лингвистических способностях ходили легенды. В то же время он глубоко изучал и свою специальность. Сохранившаяся теоретическая работа «Причины

вулканических явлений», написанная им в годы учёбы, получила оценку «отлично».

Писать стихи Балтрушайтис начал ещё в гимназии. Во время учёбы в университете он написал несколько циклов стихов и две драмы. В Москве Балтрушайтис познакомился с поэтами К. Бальмонтом и В. Брюсовым и быстро сблизился с ними. В 1899 году появилась его первая публикация — стихотворение «Ночью» в «Журнале для всех».

Пробуждается ум для таинственных дум...

Взор стремится в пространство безбрежное...

В тайный час тишины раскрываются сны

И смирается сердце мятежное...

(«Ночью», посв. В.С. Миролюбову)

Вместе с С.А. Поляковым, университетским товарищем, математиком и поэтом, Балтрушайтис перевёл драму Г. Ибсена «Когда мы, мёртвые, проснёмся», и её выпуском началась деятельность издательства «Скорпион», финансируемого С.А. Поляковым. Уже в начале творческого пути Юргис Балтрушайтис проявил себя как переводчик, поэт, прозаик, пробовал свои силы также в драматургии и литературной критике. В 1901 году издательство «Скорпион», словно стремясь возродить традицию А.С. Пушкина, стало издавать альманах «Северные цветы», активным сотрудником которого стал Балтрушайтис. В журнале предполагалось также участие И. Бунина, А. Чехова, М. Горького. Поэт быстро окупился в литературную жизнь Москвы и получил признание в литературных кругах. Когда в 1901 году А. Блок собирался писать статью о новейшей русской поэзии, в предполагаемый список имён он включил и фамилию Балтрушайтиса.

В 1899 году Ю. Балтрушайтис женился на Марии Ивановне Оловянишниковой, дочери богатого московского купца. Венчание происходило тайно в маленькой подмосковной церквушке, так как родители невесты не дали согласия на брак и весь большой род Оловянишниковых восстал против него. Со стороны Балтрушайтиса на венчании присутствовали Брюсов, Бальмонт, Поляков, со стороны Марии — одна из её тёток. Эта романтическая любовь

Сомов К.А. Обложка альманаха
«Северные цветы». 1901

выдержала все испытания жизни. В 1903 году в семье Балтрушайтисов родился сын, будущий известный искусствовед, профессор; ему дали имя отца.

В 1899 году Балтрушайтис поступил на военную службу, продолжавшуюся в течение года в Москве, при этом ему удавалось удачно совмещать службу с напряжённой творческой работой. Примерно в это же время в доме Балтрушайтисов состоялись и первые, позже ставшие знаменитыми литературные вечера.

После окончания военной службы поэт много путешествовал — Кавказ, Скандинавия, Швеция, Норвегия. Особенно он полюбил суровую красоту Норвегии. Её белые ночи и тёмные скалы, серо-зелёные леса и внезапно открывающееся бескрайнее море оказали определённое влияние на формирование поэтического мира Ю. Балтрушайтиса. Несколько раз он встречался с Г. Ибсеном, уже старым и больным, перевёл на русский язык его драму «Пер Гюнт». Позднее поэт приезжал из Германии на похороны этого «исполина литературы».

Большую часть времени Балтрушайтис уделял переводам, так как это был для него главный источник заработка, опора семьи. Его можно считать переводчиком-профессионалом; переводил он, как и писал стихи, пусть с перерывами, но в течение всей жизни, хотя большая часть переводов выполнена в начале века. Переводы Балтрушайтиса можно было бы рассматривать как самостоятельную область его литературного творчества. Начиная с 1899 года, за 20 лет

он перевёл около пятидесяти произведений с немецкого, норвежского, английского, шведского, итальянского, французского и др. языков. Перечислим хотя бы часть фамилий авторов, которых переводил Балтрушайтис: К. Гамсун, Г. д'Аннунцио, А. Стринберг, Г. Гауптман, Г. Ибсен, О. Уайльд, В. Йитс, М. Метерлинк, С. Кьеркегор, Д. Байрон, Р. Тагор, и др. Переводы Балтрушайтиса часто были тем первым источником, из которого русская общественность узнавала о новых именах и событиях в мировой литературе.

Обложка альманаха «Северные цветы Ассирийские». 1905

Главный критерий, по которому поэт выбирал авторов и их произведения (когда была возможность выбора), — это внутренняя близость. Он писал, что искал книги, написанные «от богатства внутреннего опыта, от избытка мысли, от глубины боли или радости» [цит. по 10, с. 140].

Лето и осень 1903 года Балтрушайтисы провели в Меррекуле — у Балтийского моря. По соседству отдыхал и К. Бальмонт. Поэты вдвоём совершали утренние прогулки по росистым полям. Они остались друзьями на всю жизнь и посвящали друг другу стихи.

*Помню золото рассвета,
Знаю дым и кровь заката,
Помню пламя, пламя цвета,
Трепетавшее когда-то...*

(«Вечернее вино», посв. К. Бальмонту)

Это лето было особенно творческим для Балтрушайтиса. Он почти закончил первую книгу стихов, работал над поэмой «Спутники Колумба».

Н.П. Феофилакт. Обложка
журнала «Весы». 1904

1904 год — время наиболее активного сотрудничества поэта в журнале «Весы», возглавляемом В. Брюсовым, на которого Балтрушайтис возлагал надежды как на реформатора современной литературы. По сравнению с альманахом «Северные цветы» журнал уделял больше внимания философским и эстетическим проблемам, в нём были опубликованы основные программные статьи русского символизма. Балтрушайтис печатал в журнале помимо своего

оригинального творчества (стихи и рассказы) статьи, рецензии, аннотации, особенно о литературе скандинавских стран. Он принимал также участие в создании Д. Мережковским журнала «Новый путь», сотрудничал первое время в журнале «Золотое Руно».

Почти два года поэт провёл за границей, в основном в Италии, где смог почувствовать и красоту природы, и красоту античного искусства. Сильное впечатление произвело на него творчество Микеланджело. Долгие часы проводил он в часовне Медичи, предаваясь глубоким размышлениям.

1904–1905 годы — годы больших социальных потрясений России. Русско-японская война и революция, хотя и не затронули поэта непосредственно, но оставили глубокий след в его внутреннем мире, заставили многое переосмыслить, в том числе и взгляды на творчество. Он стал более критично относиться к своим друзьям-поэтам, к некоторым их умозрительным эстетическим построениям, называя их «мыльными пузырями», и стремиться к воспеванию

творческого начала в человеке, его труда и его быстротечного и непрочного существования.

Скорбя у грани заповедной,
Сокрывшей неземной пожар,
Хлопочет смертный не бесследно,
И прав Сизиф, и прав Икар.
(«Раздумье»)

Божий мир ещё не создан,
Не достроен божий храм, —
Только серый камень роздан,
Только мощь дана рукам.
(«Ave, crux!»)

Около 1908 года Балтрушайтис сблизился с литовцами, жившими в Москве и образовавшими «Московское общество взаимопомощи литовцев», в котором собирались люди разных специальностей. Балтрушайтис бывал среди земляков, читал стихи на русском языке. Возможно, его упрекали за то, что он не пишет на литовском.

В это время ухудшилось его здоровье, обострилась болезнь лёгких, и в 1909 году ему пришлось поехать в кумысолечебницу в Оренбургской области. Поездка помогла выздоровлению. Затем поэт уезжает в Крым, некоторое время живёт в доме А.П. Чехова, с которым был знаком и переписывался. Одно из его лучших стихотворений написано в Мисхоре и посвящено М.П. Чеховой.

Людская жизнь — мгновенья, годы, сроки,
Счёт дней и дней, —
В земной тоске раскрыт весь мир широкий,
Вся вечность — в ней!

(«Вечерняя песня», посв. М.П. Чеховой)

В 1910 году Балтрушайтис снова отправляется за границу — Германия, Италия, Швейцария. Он заканчивает

В.Э. Борисов-Мусатов. Обложка журнала «Весы». 1905

Ю. Балтрушайтис.
Земные ступени. 1911

книгу «*Земные ступени*», которая вышла в 1911 году, пишет пьесу и рассказ, работает над новым сборником стихов (книга «*Горная тропа*» вышла в 1912 году). Вернувшись из-за границы, Балтрушайтис в последний раз побывал на своей родине у сестры.

Первого августа 1914 года Германия объявила войну России. В Москву хлынула волна беженцев, образовался Комитет помощи литовским беженцам. Балтрушайтис работал в нём, стараясь по возможности помочь

пострадавшим. Для этой цели он выделял свои гонорары, вместе с другими поэтами участвовал в благотворительных вечерах — читал лекции перед концертами А.Н. Скрябина. По делам беженцев много ездил в другие города. В это трудное время поэт проявил себя как человек долга, обладающий деловыми и волевыми качествами, он все дела улаживал без лишних слов, быстро и спокойно. В доме своей тёщи он организовал общежитие для учащихся (20 мальчиков и 4 девочки) под попечительством жены Марии.

Февральскую революцию 1917 года — свержение самодержавия — Балтрушайтис, как и большинство его друзей, принял положительно. Ещё в своей автобиографии он писал: «Что же касается моих общественно-политических взглядов, то уже само моё происхождение из среды малых мира сего могло воспитать во мне только одно чувство и одно убеждение, что глубочайшим долгом человека является пожизненная борьба за общую жизнь,

одинаково справедливую и одинаково полную для всех» [8].

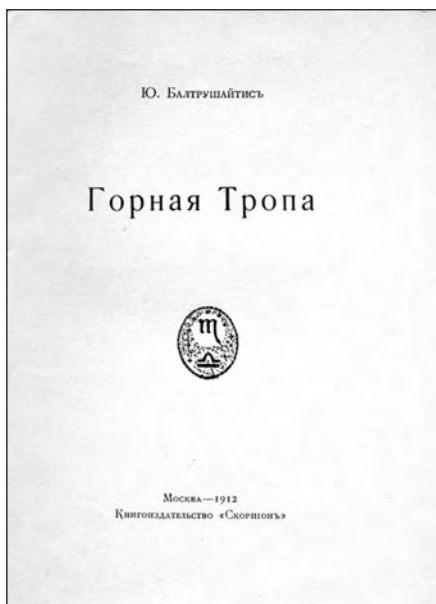
Октябрьскую революцию ему было принять труднее, в отличие, например, от Блока и Брюсова, но он лояльно относился к Советской власти и вёл большую общественно-культурную работу. Балтрушайтис работал в Театральном и Литературном отделах Наркомпроса, в организованном М. Горьким издательстве художественной литературы. В 1919 году (в год двадцатилетия творческой деятельности) он был избран в президиум Всероссийского

Союза поэтов вместе с А. Белым и С. Есениным. И в творчестве его стали звучать отголоски нового времени.

*Таков закон судьбы суровой,
Что вдруг раскрылся час зари,
И стали в горной жизни новой
Золою царства и цари.
Пусть сладки сердцу в мире старом
Его отрада и печаль,
Но ты, смельчак морей, лишь с жаром
От мёртвой пристани отчалъ.*

(«Таков закон судьбы суровой...»)

В 1920 году в жизни Балтрушайтиса произошёл неожиданный поворот. Между Советской Россией и буржуазной Литвой был подписан мирный договор, Россия признала независимость Литвы. По договору между правительствами обеих стран Ю. Балтрушайтис был назначен руководителем специальной миссии Литвы, а в 1922 году — чрезвычайным послом и полномочным министром Литвы в Советской

Ю. Балтрушайтис.
Горная тропа. 1912

России. Даже ближайшие друзья поэта не поняли, почему он согласился на этот шаг. Почти двадцать лет провёл он на дипломатическом посту, и это был подвиг служения своему народу в труднейших политических условиях. Поэт чётко понимал, что судьба Литвы зависит от её могущественного соседа, России, и делал всё возможное для налаживания добрососедских отношений и укрепления культурных связей между странами. После фашистского переворота в Польше в 1926 году положение Литвы значительно ухудшилось. Под давлением народа литовское правительство приняло наконец предложение Советского Союза — в 1926 году между обоими государствами был подписан договор о ненападении, который был продолжен в 1931 году. В этом продлении немалая роль принадлежит Ю. Балтрушайтису.

В 1930 году отмечалось десятилетие дипломатической службы поэта. Газета «Известия» дала положительную оценку его дипломатической деятельности. Прогрессивная общественность Литвы тоже оценила его усилия. Выдающийся литовский поэт и учёный Балис Сруога писал: «Развитие дружеских отношений Литвы и Советской России, помощь, оказанная в разное время Россией Литве, в основном является заслугой Балтрушайтиса» [цит. по 10, с. 76].

При этом поэт продолжал писать стихи, переводить, участвовать в культурной жизни Литвы и Москвы. Порой в его стихах слышны отголоски непомерной тяжести служения.

*В сокрытом строе мирозданья,
В безвестности его путей
Есть горький подвиг ожиданья,
Что подвига борьбы трудней!..*

(«В сокрытом строе мирозданья...»)

По мере возможности поэт помогал К. Бальмонту, который в Париже тяжело болел и впал в нищету. Балтрушайтис выхлопотал для него в США небольшую пенсию как переводчику Эдгара По.

С 1927 года Балтрушайтис стал писать стихи на литовском языке. «Этот долг перед своим народом я давно чувствую», — говорил поэт [цит. по 10, с. 80].

Последние годы дипломатической службы Балтрушайтиса были особенно трудными, так как всё более опасными становились притязания фашистской Германии. В 1939 году он вышел на пенсию и был назначен советником посольства Литвы во Франции. Он мог бы остаться в Советском Союзе, но в Париже жил его сын, и жена скучала по сыну и внуку. С началом военных действий во Франции Балтрушайтис вместе с дипломатическим корпусом вынужден был выехать в деревушку Блонвиль. Связь с Литвой оборвалась, поэт не получал ни зарплаты, ни пенсии. Балтрушайтисы жили очень тяжело, на даче, не приспособленной для зимних условий. Крыша протекала, вода капала на кровать и на пол. В таких условиях поэт напряжённо работал — создавал литовскую лирику. Он хотел, чтобы его творчество публиковалось в Литве. В 1941 году в Каунасе вышла поэма «Новоселье», а в 1942 году — первая часть «Венка из слёз».

В 1942 году в Париже умер К. Бальмонт. На похоронах из его друзей были только Балтрушайтисы и Б. Зайцев.

Тяжёлые условия жизни, постоянная работа и нервное напряжение подорвали здоровье Балтрушайтиса. Он умер третьего января 1943 года. Около него была только жена. Похороны проходили под бомбёжку. Присутствовало несколько десятков литовцев, знакомые. Мария Балтрушайтис пережила мужа на четыре года. Она заботилась о его архиве и приложила все свои силы, чтобы издать книгу «Лилия и серп», дополненную написанной ею биографией поэта. Книга вышла за несколько месяцев до её смерти.

Мария — верная спутница поэта, терпеливая, спокойная и заботливая, на которую он всегда мог положиться и получить поддержку в периоды тревог и метаний. О её светлом «доверье к бытию» он писал в одном из последних своих стихотворений.

Стремись доверью к бытию

Не изменить,

Чтоб свет и дальше вил твою

Земную нить!

(«Верному другу Марии в день её рождения»)

Ей посвящены все его книги.

В кругу символистов

В конце XIX века и в первые два десятилетия XX века русская литература, как и вся национальная культура, переживала период необычайно мощного подъёма. Этот короткий, но поразительный по насыщенности художественными достижениями и их мировому резонансу отрезок времени принято называть «Серебряным веком». Такое звучное имя родилось по аналогии с определением «Золотой век» русской литературы, относящимся к её классическому пушкинскому периоду.

Некоторые современные литературоведы (например, М.Л. Гаспаров, Н.А. Боголюбов) предпочитают называть Серебряный век эпохой русского модернизма, поскольку эпитет «серебряный» содержит в себе некую оценочность и указывает на менее значительную эпоху в истории культуры человечества. На самом же деле эпоха Серебряного века была не менее значительной, а просто совсем другой, включающей другие закономерности. Это было время смелых экспериментов как в области содержания, так и формы творчества. Стремительно сменялись теории, направления, имена. Существовало необычайное количество разнообразных течений, группировок и школ в поэзии, живописи и музыке. Технические новации и социальные взрывы сотрясали мир. Художники — наиболее чуткая часть общества — осознавали своё время как особое и неповторимое и свою ответственность перед ним. Именно в культуре видели они спасение мира, поэтому мятежный, жаждущий обновления и красоты Серебряный век объединил самых разных поэтов, художников, артистов, музыкантов, философов в попытке найти способ изменить жизнь с помощью творчества.

В поэзии того времени наиболее значительными были следующие направления: *символизм* (И. Анненский, Д. Мережковский, Вяч. Иванов, К. Бальмонт, В. Брюсов, Ю. Балтрушайтис, А. Белый, А. Блок, М. Волошин и др.); *акмеизм* (М. Кузмин, Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам и др.); *футуризм* (И. Северянин, В. Маяковский и др.). В живописи — *символизм* (М. Врубель, М. Чюрлёнис, Н.К. Рерих,

В. Борисов-Мусатов, П. Кузнецов и др.); *русский авангард* (К. Малевич, В. Кандинский, М. Ларионов, Н. Гончарова, В. Черноволентко, П. Филонов и др.) и др.

О многообразии путей в искусстве писал Н.К. Рерих в статье «Единство»: «В искусстве, в великом сердце народов, с чуткостью и прозрением отражается всё! И тем справедливее народам искусство возвеличить. Биение великого сердца предсказывает бурные и терпкие искания. Стремления символизма. Всепоподчиняющий и обобщающий кубизм. Футуризм, мятежный и стремящийся. Эклектика “всячества”. Все виды синтетической живописи. Всё, к чему отнеслись “здоровые” под знаком насмешки, всё это — преддверье больших обобщений. Наметятся и новые пути искусства. Кроме его широкой, всепроникающей народности, по существу отразятся в нём символы будущего» [1, с. 62].

Первым по времени возникновения и самым значительным из литературных течений в поэзии русского модернизма был символизм. Из него выросли многие другие направления, получившие название постсимволистских.

Как отмечает исследователь философии Серебряного века Т.М. Новикова [11], появление символизма в России было обусловлено широким распространением эзотерического знания. Художники стремились выйти за пределы обычного трёхмерного мира и отразить в искусстве мир тонкий, невидимый, духовный. Поэтическое слово стало знаком, символом, намекающим на «несказуемое» (по выражению А. Блока). Философ А.И. Успенский писал: «Искусство не принадлежит миру трёх измерений и не может ему служить; наоборот, выводит из него, как великая богиня Смерть, которая, если она открывает нам тайны иного мира, в то же время одним взмахом руки скрывает и уничтожает этот» [цит. по 1, с. 59].

А вот слова одного из первых поэтов-символистов старшего поколения Д.М. Мережковского: «“Мысль изречённая есть ложь” [Тютчев]. В поэзии то, что не сказано и мерцает сквозь красоту символа, действует сильнее на сердце, чем то, что выражено словами. <...> Сновидения, которые преследуют человечество, иногда повторяются из века в век, от

М.В. Якунчикова. Обложка
журнала «Мир искусства». 1899

поколения к поколению сопутствуют ему. Идею таких символических характеров никакими словами нельзя передать, ибо слова только определяют, ограничивают мысль, а символы выражают безграничную сторону мысли» [12, с. 13]. Интересно, что у К.-Г. Юнга в книге «Проблемы души нашего времени» есть очень похожее высказывание: «Символ не заключает в себе и не объясняет, а указывает через самого себя ещё и на лежащий в стороне, непонятный, лишь смутно предполагаемый смысл, который нельзя

было бы удовлетворительно выразить никакими словами нашего современного языка» [цит. по 13, с. 9].

Определение символической поэзии дал также поэт К.Д. Бальмонт: «Это поэзия, в которой органически, не насильственно, сливаются два содержания: скрытая отвлечённость и очевидная красота, — сливаются так же легко и естественно, как в летнее утро воды реки гармонически слиты с солнечным светом. Однако, несмотря на скрытый смысл того или другого символического произведения, непосредственное конкретное его содержание всегда закончено само по себе, оно имеет в символической поэзии самостоятельное существование, богатое оттенками» [12, с. 15].

Поэзия символизма по сути своей — поэзия *философская*. Интерес к месту человека во Вселенной, к проблеме человека перед лицом вечности, к человеку как представителю всего человечества прослеживается в русской поэзии с начала XX века (Глинка, Тютчев, Баратынский, Фет). Русская философская поэзия задолго до учёных (Циолковского, Вернадского,

Чижевского) выразила чувство планетарного сознания, глубокой связи человека со Вселенной. В свою очередь философские идеи «русского космизма» получили отклик в поэзии.

Не следует думать, что стремление к символизму, то есть к созданию обобщающих символических образов, означало бегство от реальной действительности. Поэт-символист не отбрасывал того, что может быть постигнуто интеллектом (большая эрудиция авторов русского

символизма хорошо известна), но ему было этого мало, он стремился увидеть и назвать несказуемое, доступное только в озарении. Более того, несказуемое должно было пронизывать жизнь настоящего человека этой эпохи. Каждый момент его жизни определялся как существующий в двух планах — земном и горнем, подвластном иным силам, и он сам должен был предстоять высшему. В четверостишии, написанном уже в тридцатые годы, Ю. Балтрушайтис точно сформулировал представление об этой особенности символизма:

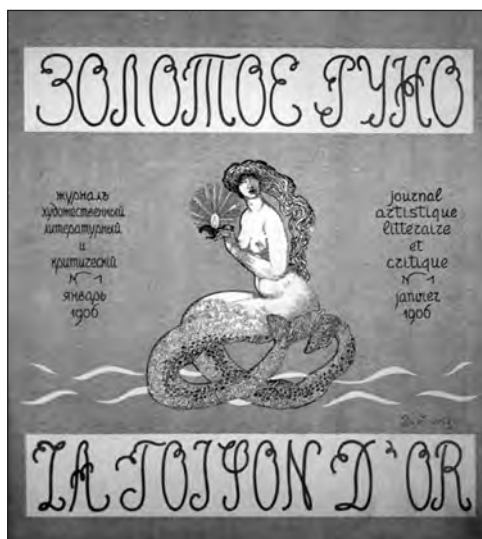
*Сладко часу звёздно цвествь!
На земле ступени есть,
К неземному рубежу —
Ввысь, куда я восхожу.*

(«Сладко часу
звёздно цвествь»)

О высоком предназначении символизма писали Вл. Соловьев, Вяч. Иванов, А. Белый, и это предназначение определялось как теургия, т.е. «божественная благотворная магия»

К.А. Сомов. Обложка журнала
«Мир искусства». 1900

Обложка журнала «Золотое руно», 1906

[5, с. 394]. Фактически речь идёт о *новой духовной культуре*, которая должна изменить взаимоотношения между людьми. Задача «теургов» в том, чтобы вернуть искусству его могучее влияние на людей, как это было в древности, ввести его в их ежедневный обиход, придать ему «соборность». Таким образом, символизм можно рассматривать не только как литературное направление, но и как *новое мировоззрение*,

близкое эзотерической философии.

Символизм в русской литературе — сложное и противоречивое явление. Круг символистов был неоднороден, у них было огромное количество разногласий, и только общность основных представлений позволила очень разным художникам долгое время находиться вместе.

Балтрушайтис не был теоретиком символизма, не углублялся в специфические проблемы этого литературного течения, но его статьи, рецензии, аннотации и высказывания выросли на той же литературной почве, на которой созрели положения В. Брюсова, А. Белого, Вяч. Иванова. Не споря и не дискутируя, как это было принято среди символистов, Ю. Балтрушайтис принимал близкие ему идеи и отбрасывал чуждые. Прежде всего он интересовался искусством как человеческим творчеством и писал не только о литературе и литераторах, но и о живописи, музыке, театре. Глубоко чувствуя разнообразие (и даже противоречивость) человеческой души, Балтрушайтис-критик перенёс его в качестве закона в понимание искусства. Именно на этом законе были основаны и толерантность поэта, и его неизменный интерес

к творчеству молодого поколения художников.

Среди своих товарищей по цеху поэтов Балтрушайтис выделялся наибольшей приверженностью философской традиции, чёткостью мысли, простотой языка, консервативностью стихотворной формы. Один из признанных вождей символизма Вяч. Иванов очень тепло отзывался о поэзии Балтрушайтиса: «Какое богатство внутренних (душевных) и внешних (музыкально-словесных) звучаний и отзвуков — и с

каким художническим целомудрием притушен этот блеск суровым спокойствием и горделивым воздержанием от вызывающих удивление и любопытство приманок» [цит. по 14, с. 6].

Краткую и точную характеристику поэтического мира Балтрушайтиса дал известный литературовед Д.Д. Благой: «Балтрушайтис является типичным представителем философской лирики, следующей традиции Баратынского и Тютчева, причём влияние на него последнего особенно значительно и очевидно. “Великое сиротство” человека в природе, его одиночество, его обособление от всего остального мира, жизнь как непрестанное “стояние над бездной”, стремление раскрыть “запретные тайны бытия” — таковы наиболее типичные темы “элегий” и “раздумий” Балтрушайтиса. Изредка прорываются в стихах мятежные голоса... порой звучат в них столь свойственные его товарищам по школе, символистам, настроения “невыразимой тоски”, безнадежности, жажды “небытия”; однако для его поэзии гораздо характернее широкое

М.А. Врубель. Обложка журнала
«Золотое руно», 1909

приятие жизни, “поклонение земле”, “жаркие хвалы” “святые бытия”. Эта последняя черта, равно как полное отсутствие в его стихах урбанистических мотивов и “эротики”, ставит Балтрушайтиса особняком среди других символистов» [15]. Поэт видит жизнь как «долг суровый», как непрерывное восхождение по «земным ступеням» и крутой «горной тропе». Человек призван высекать лучи из «серого камня», «досоздавать» и «достраивать» мир. Форма стихов Балтрушайтиса находится в полном соответствии с общим строем его поэзии. Он создал особый лирический жанр, представляющий собой «своеобразное соединение гимна и элегии». Язык его отличается «торжественностью и простотой» [15].

В книге «Портреты современных поэтов» известный советский писатель и литературовед И.Г. Эренбург нарисовал яркую картину литературной жизни начала двадцатого века и создал чёткий портрет поэта. «В пристойном салоне собрались поэты. Бальмонт рассказывает о пляске каких-то яванок или папуасок. Неистовый Андрей Белый словами и руками прославляет Дорнахское капище. Какие-то прилежные ученики спорят о пэонах Дельвига. Футуристы резво ругаются. В чёрном, наглухо застёгнутом сюртуке, Балтрушайтис молчит. Не просто молчит, но торжественно, непоколебимо, как будто противопоставляя убожеству и суете человеческих слов “благое молчание”. Так же молчал он на сборищах юных символистов, бушевавших под сенью “Весов” или заседаниях “Тео”, слушая наивные поучения теоретиков пролеткульта. <...> Но разве поэт должен спорить, рассказывать, обличать. Поэт вещает. Немой Балтрушайтис, когда приходит урочный час, разрешается сжатыми, строгими строками. Великой суровостью дышит лик Балтрушайтиса. Это суровость северной природы. Редко, редко младенческая улыбка, как беглый луч скупого солнца, озаряет на миг его. Напрасно суетный читатель стал бы искать в его стихах красочных образов и цветистых слов. Стихи Балтрушайтиса — гравюра по дереву. В них только чёрные и белые пятна. <...> Стихи его похожи на голые стены древней молельни, где нет ни золотых риз икон, ни крытых пёстрыми камнями статуй, где человек глаз на глаз

ведёт извечный спор с грозным Вседержителем. Читает стихи Балтрушайтис размеренно и глухо, не выдавая волнения, не возвышая и не понижая голоса, как путник, повествующий о долгих скитаниях в пустыне. Немногим близки и внятны его стихи» [16].

Балтрушайтис и театр

После литературы театр — вторая особенно близкая Ю. Балтрушайтису сфера. С ней поэт был связан как переводчик драм, друг известных театральных деятелей, их советчик, а также как практик, занимавшийся различными театральными делами. В поле его зрения находился не только театр России, но и всей Европы. Его театральные взгляды были изложены в ряде статей (например, о Э.Г. Крэге, известном английском режиссёре, о В. Комиссаржевской, знаменитой русской актрисе). Вместе с театром того времени он шёл по его пути поисков.

Имя Балтрушайтиса тесно связано с историей первых постановок Московского Художественного Театра (МХТ), например, «Синяя птица» Метерлинка, «У врат царства» Гамсуна, где он выступал как переводчик и советчик. Балтрушайтис познакомился с режиссёрами К.С. Станиславским и В.Н. Немировичем-Данченко около 1900–1901 годов. Большинство переведённых им в то время драм предназначалось для МХТ. Квалификация его как переводчика ни у кого не вызывала сомнений, кроме того, он любил театр и часто высказывал оригинальные взгляды на искусство.

В 1907 году в Москве гастролировал Художественный театр В. Комиссаржевской. Большой успех имела драма Метерлинка «Сестра Беатриса», главную роль в которой исполняла сама В. Комиссаржевская. Знаменитая актриса вынашивала идею создания *художественной школы-общины нового типа*, которая могла бы помочь актёру раскрыть все свои творческие возможности и способствовать развитию театра глубоких обобщений и символов. В 1909 году она обратилась к Балтрушайтису с предложением о сотрудничестве.

Н.К. Рерих. В монастыре. Эскиз
декорации к опере А.А. Давидова по пьесе
М. Метерлинка «Сестра Беатриса», 1914

Они встретились в Харькове, и он откликнулся с энтузиазмом. Идея актрисы оказалась близкой поэту, который мечтал о театре как о соборном действе. «То, что она затевает, требует такой душевной преданности и сосредоточенности, что мне нужно было во что бы то ни стало освободиться от всех срочных и заработочных

дел, чтобы на долгое время всецело отдаться нужным соображениям», — писал он в письме А. Дьяконову, давшему согласие стать руководителем новой школы [цит. по 10, с. 43]. Но планам не суждено было осуществиться — десятого февраля 1910 года В. Комиссаржевская скончалась.

В 1911 году, будучи за границей, поэт согласился на предложение, переданное ему через актрису А. Коонен, работать в студии, организованной К.С. Станиславским при МХТ. Режиссёрами студии должны были быть К.С. Станиславский и В. Мейерхольд, а Ю. Балтрушайтис, В. Брюсов и С. Поляков — составить литературный отдел нового театра.

А. Коонен познакомила Балтрушайтиса с молодыми режиссёрами К. Марджановым и А. Таировым, стремившимися к преобразованию театра. А. Таиров, известный реформатор русского театра, утверждал, что театр не должен воспроизводить драматическое произведение на сцене, а создавать его заново, вносить в него новую жизнь. Свою режиссёрскую деятельность он начал в конце 1913 года в основанном Марджановым Свободном театре. Балтрушайтис был в центре организации театра — улаживал репертуарные дела, руководил литературной частью, делал переводы. В Свободный театр были приглашены известные актёры — Ф. Шаляпин, С. Бернар, А. Коонен,

режиссёр и теоретик театра Э.Г. Крэг, близкий друг поэта (ему посвящено стихотворение «Древнее сказание»). Н.К. Рерих выполнил эскизы костюмов и декорации к пьесе Метерлинка «Принцесса Мален» и к опере К.А. Римского-Корсакова «Кашей».

Однако Свободный театр просуществовал всего один сезон. Оставшееся ядро, руководимое Таировым, образовало в 1914 году Камерный театр, деятельность которого продолжалась до 1950 года. В нём

Балтрушайтис заведовал литературной частью и активно участвовал в творческих обсуждениях.

Работая в Театральном отделе Наркомпроса и в качестве заведующего секцией Театра и музыки Московского Совета, Балтрушайтис тщательно занимался подбором репертуара, стараясь донести до народа лучшие произведения, помогал самодеятельным кружкам и театрам, читал лекции для молодых актёров и курсистов по театральному искусству. Став дипломатом, он оказывал большую помощь театрам Литвы и способствовал гастролям в Литве Камерного театра в 1925 году.

*Н.К. Рерих. Замок. Эскиз
декорации к пьесе М. Метерлинка
«Принцесса Мален», 1913*

Балтрушайтис и Скрябин

Дружба Балтрушайтиса со Скрябиным началась примерно в 1908 году. Тогда поэт переживал период депрессии, был болен, забросил творчество, ни с кем не переписывался, однако в это время он слушал концерты Скрябина и участвовал в вечере, организованном Обществом свободной эстетики в честь композитора.

А.Н. Скрябин (1872–1915) — композитор-мистик, уверенный в том, что искусство может изменить облик мира. Он был человеком разносторонних интересов, движимый неустанной жаждой познания. Среди его друзей и учеников были люди различных взглядов, убеждений, национальностей. Он увлекался античной философией, историей философии, социальными и этико-эстетическими проблемами, театром и пластикой, был близок с поэтами-символистами. В 1905 году он познакомился с «Тайной Доктриной» Е.П. Блаватской и признавался, что она увлекла его «грандиозной попыткой синтеза мира» [11, с. 18].

«Поэма экстаза» Скрябина, прозвучавшая впервые в России в 1909 году, вошла в историю русской музыкальной классики как одно из высших её достижений. Интересно, что ещё в 1906 году Скрябин издал в Женеве стихотворный текст «Поэмы экстаза». Однако он не был напечатан при партитуре, так как композитор хотел, чтобы к «Поэме» относились «как к чистой музыке» [17, с. 122]. Заключительные строки текста — это гимн непобедимой силе человеческого духа:

«И огласилась вселенная

Радостным криком:

Я есмь!»

[цит. по 17, с. 122]

Симфоническая поэма Скрябина «Прометей» («Поэма огня») была задумана как часть мистериального действия, которое должно пробудить сознание человечества и ввести его в Новую эпоху. Премьера «Прометея» состоялась в России весной 1911 года, и Скрябин стал широко известным композитором. В это время Балтрушайтис был за границей и ожидал приезда композитора в Швейцарию. «Мысленно я уже брожу с Вами здесь и часто и много думаю о Вас...», — писал он ему [цит. по 10, с. 46]. Скрябин пригласил Балтрушайтиса приехать в Амстердам. В ответном письме поэт писал: «...Делаю всё, чтобы иметь возможность осуществить моё большое стремление на Ваш концерт, на большой праздник Вашего творчества» [цит. по 10, с. 47]. Ему удалось побывать на концерте, где он, возможно, впервые услышал «Прометея».

А.Н. Скрябин

Главное место в творческих планах композитора в течение 15 лет занимала «Мистерия». Замыслы были грандиозны и предполагали объединение различных видов искусств — световых эффектов, пластических движений, колокольного звона, новых музыкальных инструментов, хора, поэтического текста, а также строительство храма фантастической архитектуры. Страной для исполнения предполагалась Индия. Понятно, что осуществить такие планы было невозможно. Поэтому композитор решил создать «упрощённый вариант» под названием «Предварительное Действо», над которым он работал последние два года своей жизни. В числе прочих задач было создание стихотворного текста «Действа».

В 1913 году Балтрушайтис и Скрябин некоторое время жили по соседству на Оке. Часто приезжал Вяч. Иванов. Под руководством поэтов Скрябин изучал технику стихосложения, он увлекался возможностью применения разнообразных оригинальных ритмов, ассонансов, даже новых словообразований, пытаясь согласовать поэзию и принципы музыки. Балтрушайтис называл музыку Скрябина философской. Несколько стихотворений Балтрушайтиса посвящено композитору. В них тот же огонь и тот же экстаз, что и в его музыке.

Афиша вечера выступлений
Ю. Балтрушайтиса
и А.Н. Скрябина

Сквозь пыль и дым, и шум, и звон
Взвивайся, Дух, прервав свой сон, —
И, весь — дыхание зари,
Над смертным жребием пари!

(«Призыв»)

«Предварительное Действо» осталось незавершённым. Внезапная смерть композитора в апреле 1915 года потрясла весь художественный и музыкальный мир. Поэт был рядом с ним в последние часы его жизни. Памяти Скрябина Балтрушайтис посвятил стихотворение «Умершему другу» и подготовил материал для нескольких статей о его творчестве.

И вновь, и вновь, лишь в строе звёздно-новом,
Воспрянет в людях в каждый вещий час
Пророк, что был для нас небесным зовом
И вечности отвечивал за нас.

(«Умершему другу»)

Балтрушайтис стал одним из самых активных участников Общества Скрябина. Он выступал на вечере памяти композитора в апреле 1917 года. Его доклад назывался «Ритмы «Предварительного Действа»».

Балтрушайтис и Чюрлёнис

Творчество М.К. Чюрлёниса (1875–1911) — яркая и самобытная страница в истории не только литовского, но и мирового искусства. Сила воздействия его картин на зрителя огромна, они волнуют, будят воображение и мысль. Чюрлёнис — профессиональный композитор большого таланта и обширных знаний, создал живопись, наполненную музыкальной гармонией, полную мелодий, созвучий, бесконечных

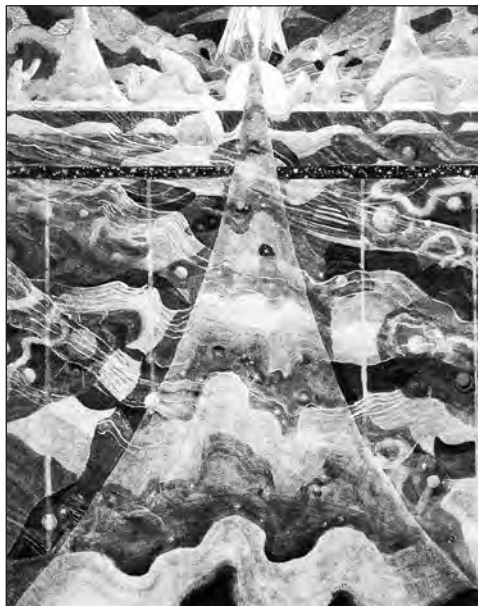
оттенков красок и настроений. Известно также, что он писал сказки, стихи, поэмы (например, поэма «Соната осени») на польском языке, но оригиналы его литературного творчества практически не сохранились [18, с. 24, 105, 217–218].

В первые десятилетия двадцатого века, когда говорили о *синтезе искусств*, имена Чюрлёниса, Скрябина и Балтрушайтиса часто ставили рядом. В 1899 году на выставке Общества художников Москвы (Врубель, Коровин и др.) стихи Балтрушайтиса были написаны под картинами. В годы Первой мировой войны Балтрушайтис читал лекции перед концертами Скрябина. Устраивались также вечера, посвящённые творчеству этих трёх художников, которых объединяли сила мысли, стремление преодолеть границы видов искусств, сознание единства мира, космичность образов. «Всё подлинное искусство, и не только живопись, но и слово, даже сама музыка, есть только волшебный знак, по которому наша душа, пробуждаясь от своей частной яви, должна хотя бы на миг приобщиться бытию всемирному и тайне вселенской, чтобы в нас могло совершиться чудо освобождения», — писал Балтрушайтис [9, с. 52]. Это мысль не просто поэта, но поэта-теософа.

Исследователи творчества Чюрлёниса отмечают, что он был знаком с эзотерической философией. Во время обучения в консерваториях и в Школе искусств он изучал мифы древних цивилизаций, интересовался мёртвыми языками, Египтом, астрологией и космологией, древнеиндийской философией, экспериментальной психологией и многим другим [18, с. 30]. Был он знаком и с трудами Е.П. Блаватской [11, с. 18]. Ф. Розинер считает, что живопись Чюрлёниса можно назвать эзотерической живописью. Говоря о картине «Соната звёзд. Аллегро», он пишет,

М.К. Чюрлёнис

М.К. Чюрлёнис. Соната
звёзд. Аллегро. 1908

что «Чюрлёнис сделал поразительную попытку вывести искусство едва ли не за его собственные пределы, куда-то за границы и живописи, и музыки — в глубины самого неоформленного представления-мышления о мире-космосе. Гигантская парабола геометрически рисует взлёт духа — Святого Духа в образе голубя» [цит. по 11, с. 147].

Русские художники познакомились с живописью Чюрлёниса в 1909 году, когда он приехал в Петербург и сблизился с группой «Мир искусства». На дискуссии,

которой руководил Н.К. Рерих, самобытность художника высоко оценили Н. Добужинский, А. Бенуа, Вяч. Иванов. Позднее Рерих писал о Чюрлёнисе: «Он принёс новое, одухотворённое, истинное творчество. Разве этого не достаточно, чтобы дикари, поносители и умалители не возмутились? <...> Окаменевшие сердца не могли быть тронуты ни торжественностью формы, ни гармонией возвышенно обдуманых тонов, ни прекрасною мыслью, которая напитывала каждое произведение этого истинного художника. Было в нём нечто поистине природно вдохновенное. Сразу Чюрлёнис дал свой стиль, свою концепцию тонов и гармоническое соответствие построения. Он был не новатор, но новый. Такого самородка следовало бы поддерживать всеми силами. А между тем происходило как раз обратное. <...> Так же точно многими отрицалось и тончайшее творчество Скрябина. В Скрябине и Чюрлёнисе много общего. <...> Своею необычностью и убедительностью оба эти художника, каждый в своей области, всколыхнули множество молодых умов. И в самом характере этих двух гениальных художников много сходных черт. Кто-то

сказал, что Скрябин пришёл слишком рано. Но нам ли, по человечеству, определять сроки? Может быть, и он, и Чюрлёнис пришли именно вовремя, даже наверное так, ведь творческая мощь такой силы отпускается на землю в строгой мере. Прекрасно признание Чюрлёниса литовским народом» [2, с. 34].

Чюрлёнис был близок Рериху музыкальностью сво-

ей живописи, создающей настроение, захватывающее зрителя. Вот что писал художник Георгий Ге в статье, посвящённой двадцатипятилетию творческой деятельности Рериха: «Музыкальность работ Рериха — то свойство художника, в области которого позволительны некоторые аналогии между ним и Чюрлёнисом, при всей кажущейся противоположности их художественных натур» [6, с. 577].

В годы войны Балтрушайтис позаботился о картинах Чюрлёниса, привезённых в Москву сестрой художника. Он разместил картины в своей квартире, которая превратилась в настоящий музей. Здесь с картинами познакомились многие известные деятели искусства. В 1916 году была организована выставка Чюрлёниса, вызвавшая большой интерес. В это время Балтрушайтис много общался с литовскими студентами, рассказывал им о Чюрлёнисе и его творчестве, с которым молодёжь была мало знакома, и подчёркивал, как много потеряла наша культура с его смертью. В 1917 году в Москве образовалось Общество литовских художников, и Балтрушайтису было поручено представлять литовцев в Союзе русских художников. После ратификации мирного договора Литве были возвращены многие культурные ценности. В 1920 году вернулись на родину и картины Чюрлёниса, не без усилий поэта-дипломата.

Искусство Чюрлёниса очень созвучно с поэзией Балтрушайтиса. Когда читаешь стихотворение «Жертвенник», написанное в

*Ежегодная встреча группы
«Мир искусства». СПб., 1914.
Третий справа — Н.К. Рерих*

М.К. Чюрлёнис. Жертва. 1909

1914 году, в памяти всплывает картина Чюрлёниса «Жертва».

*Весь смертный жар —
от первых детских слёз,*

*Всю мощь мою — от
детских малых сил,*

*Я в Вечный храм в
живой тоске принёс,*

*На жертвенник суровый
возложил...*

(«Жертвенник»)

С этой же картиной ассоциируется ранее написанное стихотворение, посвящённое А. Скрябину.

В древнем храме Жертвы вечной,

Пред волхвом седым,

Ярко пламя, бесконечно

Реет лёгкий дым...

(«Дым», посв. А. Скрябину)

И цикл литовских стихотворений Балтрушайтиса носит название «Жертвенный дым». Стихотворение «В горах» создаёт видение огненного паруса, очень похожего на тот, который изображён на картине Чюрлёниса «Корабль». Можно найти целый ряд общих обоим художникам мотивов и образов. Они вызваны мыслью из одного и того же светлого мира.

Балтрушайтис и Рерих

Творчество Н.К. Рериха (1874–1947) тесно связано с литературой Серебряного века. Рерих был не только художником, но и талантливым писателем. Он писал стихи, пьесы, различные статьи. Он был знаком и дружен как с художниками, так и со многими поэтами и писателями. На Мойке, в доме Общества поощрения художеств, где Рерих прожил более десяти лет, бывали Куинджи, Серов, Врубель, Стасов, Дягилев, Горький, Блок, Гумилёв, Вл. Соловьёв, С. Маковский, Эрнст и др.

Бликий друг Рериха Л. Андреев писал: «Буду читать свою новую пьесу, в которой больше живописи, чем литературы. Так как Вам ведомо и то, и другое, то Ваше мнение будет для меня очень интересно» [цит. по 19, с. 135]. Бывал Рерих и «в башне» Вяч. Иванова (так называли дом с башенкой), где собирались поэты разных направлений, читали стихи, обсуждали книги, размышляли о будущем России.

«С тихим вежливым литовцем Ю. Балтрушайтисом, с Сергеем Городецким, с Андреем Белым Рериха связывают долгие годы той близости, которую называют творческой. <...> “Сон о белом коне и ослепительном всаднике” Леонида Семёнова, парус, который встаёт над северным морем и манит от литовских холмов Ю. Балтрушайтиса, бунинские образы кургана, под которым лежат черепа и ржавые доспехи, чёрного ворона на сером камне, полярной звезды, стынувшей в небе — это всё рериховские темы. Ощущение сопричастности миру в его прошлом и будущем... постоянное предчувствие неведомого будущего, которое будет одновременно катастрофой и возрождением, огненным крещением, — живёт в самом воздухе десятых годов, в поэзии десятых годов, в их литературе» [19, с. 135], — пишет искусствовед Е.И. Полякова.

Уделяя много времени разным вопросам искусствоведения, Рерих и Балтрушайтис сотрудничали в одних и тех же журналах («Весы», «Золотое руно», «Мир искусства»). В журнале «Весы», издававшемся в Москве под редакцией В. Брюсова, с которым Рериха связывала глубокая взаимная симпатия, в 1904 году Николай Константинович поместил статью, посвящённую художественным мастерским, организованным М.К. Тенишевой в её имении Талашкино, а также статью, отражающую его мысли о высоком призвании художника. Рерих рассказал о предметах, созданных в каменном веке и найденных им во время последних раскопок в 1904 году, он обратил внимание на любовь, которую вложили в них древние мастера: «Для жизни можно было сделать гораздо грубее и хуже. Но полюбил их древний не ради нужды, не ради выставки, а для них самих непонятым внутренним велением» [цит. по 20, с. 148].

Н.К. Рерих. Дом Пера. Эскиз декорации
к драме Г. Ибсена «Пер Гюнт». 1912

Для «Весов» Рерих выполнял также разнообразные графические работы. Августовский номер журнала за 1905 год был оформлен им полностью, в этом же номере помещены две иллюстрации к «Принцессе Мален» из собрания сочинений Метерлинка,

которое иллюстрировал Рерих.

Оба художника увлекались театром. Для «Русских сезонов» С. Дягилева в 1909–1910 годах Рерих выполнил декорации к опере «Князь Игорь», к балету И.Ф. Стравинского «Весна Священная», а также сочинил к нему либретто. В 1912 году Рерих сотрудничал с МХТ в оформлении пьесы «Пер Гюнт». Некоторые критики утверждали даже, что живописное решение было удачнее исполнительского. Рерих продолжал работать для театра и в 1913–1914 годах.

В 1915 году в журнале «Аполлон», издававшемся в Петербурге, было объявлено о статье Балтрушайтиса «Декорации Н. Рериха», которая должна была выйти в этом же году [6, с. 374]. К сожалению, статья так и не появилась, следы её потеряны. Таким образом, к творчеству Рериха Балтрушайтис подошёл задолго до личного знакомства с ним.

Рерих также хорошо знал и ценил творчество поэта. В 1914 году была переведена на русский язык книга Р. Тагора «Гитанджали» («Жертвенные песни») при участии и под редакцией Балтрушайтиса. Это издание было встречено Рерихами с большой радостью. «Как радуга засияла от этих сердечных напевов, которые улеглись в русском образном стихе Балтрушайтиса необыкновенно созвучно. Кроме чуткого таланта Балтрушайтиса, конечно, помогло и сродство санскрита с русским, литовским и латышским языками. До этого о Тагоре знали в России лишь

урывками. Конечно, прекрасно знали, как при-
ветственно имя Тагора во всём мире, но к сердечной глубине поэта нам, русским, ещё не было случая прикоснуться. «Гитанджали» явилось целым откровением. Поэмы читались на вечерах и на внутренних беседах. Получалось то драгоценное взаимопонимание, которое ничем не достигнешь, кроме подлинного таланта», — вспоминал Рерих об открытии творчества Тагора [2, с. 92].

*Н.К. Рерих. Усадьба в Гегстаде.
Эскиз декорации к драме
Г. Ибсена «Пер Гюнт». 1911*

Так же высоко ценили Рерихи перевод Бхагавад-Гиты в редакции Балтрушайтиса, этой «жемчужины индийской литературы», по словам Е.И. Рерих. В повести «Пламя» (1918 г.) Н.К. Рерих несколько раз цитирует строки из этого перевода Бхагавад-Гиты, называя её — «наша милая белая книга» [3, с. 73–74]. В статье «Сказки» (1935 г.), подчёркивая необходимость переводов «сокровищ восточной и западной мудрости» на разные языки, Рерих пишет: «Вспоминаю, как Балтрушайтис прекрасно передавал песнь Тагора, как Бальмонт неповторимо звучал в образах лучших иностранных поэтов, как, наконец, Бхагавад-Гита прекрасно зазвучала именно на русском, может быть, лучше, чем на некоторых других западных языках» [3, с. 346].

В 1916 году в Петрограде в издательстве «Свободное искусство» вышел роскошный том (edition de luxe) «Рерих», посвящённый юбилею художественной деятельности Н.К. Рериха. Статьи выдающихся литераторов, прекрасные репродукции, изысканное оформление — всё это свидетельствовало о признании значения вклада Рериха в отечественную культуру. В то время имя

Б.М. Кустодиев. Портрет
Н.К. Рериха. 1913

Рериха было известно всей просвещённой России. В книге были помещены также его сказки и притчи, а также поэма «Вождь» о Чингисхане. Портрет Рериха был написан Б. Кустодиевым в 1913 году.

Перед выходом книги в проспекте издательства было написано: «Рерих — одно из самых близких и дорогих имён русского искусства. Он приоткрыл двери таинственного царства; из глубин векового камня вывел

прекрасную русскую сказку. Н.К. Рериху посвящена первая монография, выпускаемая издательством “Свободное искусство”. Сотрудники литературной части этого издания Ю. Балтрушайтис, Ал. Бенуа, Ал. Гидони, А.М. Ремизов и С.П. Яремич с разных сторон освещают и уясняют значение художественной деятельности Н.К. Рериха» [цит. по 21, с. 296].

Книга была дорогой, издавалась в трудное военное и предреволюционное время, но разошлась очень быстро по подписке. В 1917 году она была отпечатана повторно без существенных изменений. Её выход совпал с одним из самых тяжёлых для Николая Константиновича жизненных периодов. Его здоровье было в опасном состоянии, он жил в Сердоболе и там получал радовавшие и волнующие отклики на книгу «Рерих».

Открывает этот прекрасный фолиант статья Балтрушайтиса «Внутренние приметы творчества Рериха». С первых же строк автор обращается к высшему, внутреннему в творчестве художника. «Двойной мерой должно измеряться значение всякого творчества: по степени совершенства и полноты его выражения средствами данного искусства и, во-вторых, по тому духовному

смыслу, какой оно представляет, как последовательность внутренних событий в душе художника» [9, с. 47].

Балтрушайтис пишет о том, что только при условии соответствия формы и духовного содержания искусства оно может «стать чудодейственным источником освобождения и радости нашего возврата в стройное единство мира» [9, с. 47]. На такой художественной цельности «основана и вся значительность произведений Рериха». «Волшебный дар внутренней цельности», присущий Рериху, позволил ему «и сразу найти себя, и ощутить тяготение искусства в общей духовной смуте времени». Картинам Рериха всегда присуща некая внутренняя тайна. «И весьма характерно, что каждый определённый замысел его имеет в виду не истолкование и раскрытие этой тайны, а лишь её безмолвное зрелище, чтобы тем целостнее представить её нашему непосредственному восприятию. Здесь ещё раз обнаруживается особенная чуткость Рериха как художника. Ведь искусство, поскольку оно стремится к подлинному творчеству, единственной целью должно иметь тайну человека и мира. Но постигнуть эту тайну может лишь тот, кому дано приобщиться к ней. А приобщиться чуду жизни значит целостно принять его в душу свою. Вот почему Рерих не хочет в своей живописи быть посредником между душой зрителя и сокровенной сущностью вещей, а неизменно силится поставить их лицом к лицу. Ибо наше искусство вообще, по крайней мере высшее, освобождающее искусство, должно стремиться не к изображению явлений и событий жизни, даже обобщённых и очищенных созерцанием, но должно само силиться стать явлением и событием, живым деянием и трепетом. И оно должно быть не завершением внутреннего действия, а лишь его началом и поводом к нему» [9, с. 51].

Балтрушайтис указывает также, что значение Рериха не исчерпывается достижениями его живописи. «Тот же внутренний опыт, на котором основана самобытная красота и значительность его произведений, неразрывными узами связал его творческую деятельность с общим духовным строительством нашего времени» [9, с. 52].

Одна из первых обстоятельных рецензий на книгу «Рерих» называлась «Певец нездешней красоты» и была написана

Титульный лист книги «Рерих».

Издание 1916 года

С.С. Глаголем, художником, искусствоведам, критиком. Приветствуя это издание, автор положительно отозвался и о статье Балтрушайтиса: «Ю.К. Балтрушайтис верно определяет Рериха как художника не реального мира, а видений, но видений опять-таки реальных, как реальна и сама жизнь. Оглядываясь на путь, пройденный творчеством Рериха, Ю.К. Балтрушайтис снова очень верно очерчивает характер этого пути» [6, с. 635]. Другой критик П.П. Эттингер отмечал, что «Ю. Балтрушайтис пытается раскрыть внутренний философский смысл рерихова

искусства» [6, с. 640].

Через много лет Рерих вспоминал об этой статье Балтрушайтиса. Именно книга «Рерих» стала вехой, за которой возникло не только их личное знакомство, но и дружба. В очерке «Литва» Николай Константинович записал следующее: «Прошли годы, прошёл незабываемый Чюрлёнис. Наконец, в 1915 году мне сказали: “Балтрушайтис пишет статью о Вашем искусстве”. Лично до того мне не приходилось встречаться с Балтрушайтисом, но знал я его как возвышенного утончённого поэта. Все мы читали его произведения и радовались, как тонко он перевёл “Гитанджали” Тагора. Только такой истинный поэт, как Балтрушайтис, мог мастерски выправить и перевод Бхагавад-Гиты. Именно надлежало, чтобы литовский поэт так прекрасно оформил вечные заветы Великой Индии.

Статья Балтрушайтиса называлась “Внутренние приметы творчества Рериха”. Конечно, она оказалась одной из самых

Оглавление книги «Рерих»

Удивительна близость образов и красок в некоторых стихотворениях поэта Балтрушайтиса к миру художника Рериха, например, в стихотворении «Мой храм», опубликованном в 1904 году, задолго до «Гималайской серии» Рериха и до знакомства поэта с его творчеством:

⁴ Цитата неточная.

*Мой тайный храм — над кручами
Зажжённых солнцем гор,
Мой синий храм за тучами,
Где светел весь простор,
Где сердцу сладко дышится
В сиянии вершин,
Где лишь туман колышется
Да слышен гул лавин...*

(«Мой храм»)

Рерих хорошо знал поэзию Балтрушайтиса, его стихи были с ним в Кулу. В статье «Эстония», говоря о «ценностях вечных» и о «сознании красоты», Николай Константинович приводит полностью (четыре строфы) стихотворение Балтрушайтиса «Песня» [2, с. 78]:

*Есть среди грёз одиноких одна,
Больше всех на земле одинокая...
Есть среди стран заповедных страна,
Больше всех для стремленья далёкая...
В радостный миг неземной полноты
Эта грёза зарницею светится...
Счастлив, в чьей доле приход темноты
Этой ласкою звёздной отметится...*

(«Песня»)

К сожалению, почти ничего не известно о дружеских контактах художника и поэта после выхода в свет книги «Рерих». Имеется только упоминание о том, что содержание их встреч касалось роли и назначения искусства. В очерке «Мера искусства» от 1 декабря 1942 года Рерих приводит цитату из философа А.И. Успенского об «истинном» и «ложном» искусстве: «Задача правильного распознавания истинного и ложного искусства разрешается одновременно с загадками пространства и времени — искусство, довольствующееся временем и не стремящееся к вечности, должно быть и будет признано фальсификацией... В мир высших измерений можно проникнуть, только отказавшись от этого, нашего мира. Кто ищет в высшем мире подобие низшего или продолжение его, тот не найдёт ничего. И кто думает,

что нашёл истину, или что кто-нибудь другой нашёл её за него, тот никогда не увидит даже её тени» [1, с. 59]. Очерк заканчивается фразой Н.К. Рериха: «Бывало о том же с Балтрушайтисом толковали» [1, с. 59].

Балтрушайтис сумел соединить свои эстетические и философские взгляды с природой своего поэтического дарования. Его поэзия — отражение его духовного мира. Пришло время читать Балтрушайтиса.

С безмерным ликованием

Сменяются часы,

Весь мир объят сиянием,

Что капелька росы!

Пылает вечной славою

Святыня бытия,

Я в светлом море плаваю,

Мой парус — мысль моя!

(«В горах»)

Литература

1. Рерих Н.К. Обитель света. М.: МЦР, 1992.
2. Рерих Н.К. Листы дневника. Т. II. М.: МЦР, 1995.
3. Рерих Н.К. Избранное. М.: Правда, 1990.
4. Рерих Е.И. Письма. Т. VIII. М.: МЦР, 2007.
5. Блаватская Е.П. Ключ к теософии. М.: Сфера, 1999.
6. Николай Рерих в русской периодике. Вып. 5 (1913–1918). СПб.: ООО «ИПК “Фирма Коста”», 2008.
7. Балтрушайтис Ю. Лилия и Серп. М.: Художественная литература, 1989.
8. Балтрушайтис Ю. Автобиографическая справка. Интернет-публикация «Русские творческие ресурсы Балтии», 2007. ([Http://www.russianresources.lt/archive/Baltrusaitis/Baltrusaitis_2.html](http://www.russianresources.lt/archive/Baltrusaitis/Baltrusaitis_2.html))
9. Балтрушайтис Ю. Внутренние приметы творчества Рериха. // В кн. Держава Рериха. М.: Изобразительное искусство, 1994.
10. Дауетите Виктория. Юргис Балтрушайтис. Монографический очерк (перевод с литовского). Вильнюс: Вага, 1983.

11. Новикова Т.М. Эзотерическая философия. М.: Вузовская книга, 2001.
12. Серебряный век русской поэзии. Стихи. Документы. Воспоминания. Хрестоматия для учащихся старших классов. СПб.: Полиграф, 2007.
13. Сикирич Е. Язык символов — язык вечности. // «Новый Акрополь» 1998. №1 (12).
14. Турков А. Горький подвиг ожидания. Вступительная статья. // В кн. Балтрушайтис Ю. Лилия и серп. М.: Художественная литература, 1989.
15. Благый Д.Д. Балтрушайтис Ю.К. Литературная энциклопедия. Т. I. М., 1930. ([Http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le1/le1-3111.htm](http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le1/le1-3111.htm))
16. Эренбург И.Г. Портреты современных поэтов. М., 1923. ([Http://www.impce.su/~tsvet/WIN/silverage/erenburg/pspbaltrush.html](http://www.impce.su/~tsvet/WIN/silverage/erenburg/pspbaltrush.html))
17. Бэлза Игорь. Александр Николаевич Скрябин. М.: Музыка, 1983.
18. Ландсбергис В. Творчество Чюрлениса. Л.: Музыка, 1975.
19. Полякова Е.И. Николай Рерих. М.: Искусство, 1985.
20. Короткина Л.В. Рерих в Петербурге-Петрограде. Л.: Лениздат, 1985.
21. Мельников В.Л. Н.К. Рерих и издательство «Свободное искусство» (1916–1917). Петербургский Рериховский сборник, Вып. 1. СПб., 1998.

Внутренние приметы творчества Рериха

Ю.К. Балтрушайтис

Двойной мерой должно измеряться значение всякого творчества: во-первых, по степени совершенства и полноты его выражения средствами данного искусства и, во-вторых, по тому духовному смыслу, какой оно представляет как последовательность внутренних событий в душе художника. Естественность такого порядка вытекает из двойственной природы искусства и соответствует двум его слагаемым — плоти и духу, оболочке и содержанию, без строгого соподчинения и равновесия которых самый состав творческого деяния оказывается всегда и поневоле неполным.

В самом деле, удовлетворяя лишь внешним требованиям мастерства, художественное произведение остаётся прекрасным, но пустым призраком, чарующей, но праздной игрой, и только основываясь на образах большой человеческой ценности, на коренных загадках и решениях нашей мысли и нашей воли, оно становится внутренне необходимым, величавым и цельным и является живою и деятельной до всемогущества силой, ибо служит первой и последней заботе искусства — постижению тайны человека. Осуществляясь в двух указанных планах, искусство и в своём развитии идёт как бы двумя путями, взаимоотношение которых может оказаться в состоянии резкой несогласованности, так

как форма вообще тяготеет к постоянству и неподвижности, а жизни духа, образы которой должно выражать творчество, вечно предстоит жребий перемены и движения.

Но каково бы ни было различие основных свойств искусства, оно упорно и стихийно стремится к единству своего выражения и своего содержания, ибо лишь при условии их полного совпадения художественный замысел может быть воплощён со всей необходимой стройностью, чтобы, преодолевая кажущийся хаос вещей, стать чудодейственным источником освобождения и радости нашего возврата в стройное единство мира.

Хотя в исторической перспективе искусства можно отметить целые периоды такого творческого единства, все же о нём приходится говорить лишь как о весьма редком явлении, настолько редком, что сплошь да рядом его не оказывается даже в произведениях очень больших художников.

Измумительным примером этой художественной цельности в русской живописи последней четверти века служит творчество Врубеля, Серова и Сомова. На ней же основана и вся значительность произведений Рериха.

* * *

Начало художественной деятельности Рериха совпало как раз с тем временем, когда человеческая душа мало-помалу была охвачена глубоким брожением, знаменовавшим иное восприятие мира и его новое сознание, которое, в свою очередь, должно было постепенно переродить как основное чувство жизни, так и внутренний опыт людей.

Это брожение прежде всего и особенно резко коснулось всей области творчества, требуя от него новой полноты и новых средств выражения и настолько меняя его внутренние задачи, что само понятие искусства, как оно вытекало из данных предыдущего опыта, пришлось признать в значительной мере устарелым и ложным. Необходимое равновесие между духом творчества и его оболочкой ещё раз оказалось резко нарушенным и требовало скорейшего восстановления. Но как ни живо было у нового поколения художников молодое чувство своей

творческой правды, их видения ещё далеко не всегда отличались достаточной ясностью, чтобы чётко облечься в искомые формы, и лишь немногим из них, у кого, как у Рериха, оказался волшебный дар внутренней цельности, посчастливилось сразу найти себя и сразу же безошибочно ощутить подлинное тяготение искусства в общей духовной смуте времени. А эта смута в плоскости творчества часто осложнялась тем обстоятельством, что в новую, ещё не вполне установленную эстетику вторгалась новая, ещё не утверждённая мораль, и явления чисто нравственного порядка сплошь да рядом принимались за образцы красоты художественной.

В то время как большинство представителей новой творческой воли заботились прежде всего о том, чтобы их искусство было как можно менее схоже с прежним, и по необходимости обращали всё своё внимание на внешнюю сторону своих произведений, Рерих с самого начала своей деятельности стремился к раскрытию и утверждению своих замыслов в плане внутреннем.

И в этом только лишний раз сказалась вся самобытность его тонкого чутья и наития. Несомненный новатор по существу и духу, он, по-видимому, рано проникся той простой истиной, что всякая новизна в творчестве внутренне необходима, жизненна и плодотворна лишь постольку, поскольку она осуществляется по голосу преображённой души, а не по прихоти художника. Не оттого ли в своих произведениях Рерих как бы сознательно избегает слишком сложных красочных сочетаний и точно боится всего, что могло бы показаться слишком неожиданным и вычурным? И не потому ли, решая свои живописные задачи, он неизменно заботится о том, чтобы его творческие образцы зацвели своими красками столь же естественно, как цветёт растение по смыслу своей природы, равно как от каждого своего замысла он прежде всего требует, чтобы он возникал и раскрывался, не отрываясь от вековых корней искусства?

Этим восхождением к первооснове творчества, возвратом к его таинственным корням решалась вся очередная задача искусства, и снова возвращалась ему утраченная полнота и свобода — обстоятельство, сообщающее произведениям Рериха первенствующий духовный смысл и вес. Ведь главная внутренняя

причина столь острого кризиса всего человеческого творчества в конце XIX века заключалась именно в том, что художники слова, кисти, звука и резца, за крайне редкими исключениями, слишком умалили значение творческого чуда, чрезмерно, в ущерб свободе наития, предаваясь изображению будничной пестроты вещей, их повседневного дробления и упорно стремясь к неосуществимому воспроизведению всего горячего дыхания жизни, тогда как *сущность искусства — торжественность постигающего созерцания, утверждение общего в дробном, совлечение с вечного лика жизни её преходящих покровов, углубление бытия и творчества его*. Живую правду такого взгляда на долг и назначение художника принёс Рерих в русскую живопись в ту пору, когда ей предстояла вся неизвестность дальнейшего пути, и он оказался при этом одним из первых вождей нового творческого сознания. И чуть ли не со школьной скамьи, с упорной внутренней последовательностью, он стал осуществлять свою неоспоримую правду в чётких и убедительных произведениях, часто достигая в них мастерства, доступного лишь подлинно сильным.

Раз такова сущность нашего творчества, то и предмет искусства составляет не то, что осязательно существует и творится вокруг нас, не так называемая непосредственная действительность мира, а *наша мысль о мире*, и художник лишь потому становится художником, поскольку он отрешается и пробуждается от этой действительности. Поэтому на место явлений и событий жизни, о воспроизведении которых в наиболее подлинном виде так слепо хлопотали художники предыдущего поколения, Рерих поставил видение жизни, сказание, миф. Такое содержание искусства, строго соответствуя его истинному духу, не только расширяет область творчества, но и освобождает все его возможности. Ведь доступная нашему непосредственному ощущению явь жизни слишком тесна для искусства уже потому, что наше восприятие мира ограничено во времени и пространстве, мы слышим и видим лишь на ничтожное расстояние, и вся подлежащая нашему прикосновению действительность, в своих отдельных звеньях, длится малый срок, неудержимо превращаясь в быль и сон, и только то,

что мы мыслим о жизни, только образ мира в нашей душе не знает ни уз, ни меры и открывает нашему искусству всю беспредельную, как вселенная, область воспоминаний, надежды, мудрой мечты и предчувствия.

Если областью видения, зрелищем мира, претворённого и оправданного в духе, исчерпывается всё содержание и значение замыслов Рериха, поскольку он верен себе, то сущностью видения предопределяются и внешняя сторона его творчества, все живописные и структурные особенности его картин.

Отличительной приметой всей живописи Рериха является её общий оттенок, своеобразный, ей одной свойственный колорит. Этому художнику-тайновидцу всё безмерное в своей земной пестроте зрелище жизни открывается как бы в озарении неизреченного неземного света. Осенняя творческие обряды Рериха, и скорее изнутри, чем извне, это магическое зарево облекает их в какую-то волнующую, неуловимую дымку и тем сообщает им сказочный и призрачный характер, причём эта призрачность определённо явлена даже в наиболее ярких красках и в самых чётких очертаниях. Благодаря своему общему колориту всё, что изображает Рерих, почти без исключения, кажется происходящим на каком-то огромном расстоянии, отодвинутым в те дали, где все предметы уже утратили свои внешние признаки, чтобы тем определённое раскрыться лишь в образе своей внутренней сущности. Отсюда — весь необычный простор его произведений, само построение которых в большинстве случаев разрешается в бесконечность.

Знаменательно, что свои отдельные краски Рерих черпает то из красочных глубин вечернего или предрассветного неба, то из таинственной области северного полуночного солнца — словом, отовсюду, где разлито волшебное, величавое и безмолвное пылание Тайны, ибо этого требует как его основное чувство мира, так и вся созерцательная природа его творчества. Вполне естественно, что краски Рериха должны отличаться известным однообразием и некоторой бледностью, ибо излишняя пестрота их, как явление внешнее, только нарушала бы торжественность этого созерцательного искусства и умалила бы духовный смысл его образов. В тех же немногих случаях, где

ему нужна более сложная и более яркая игра красок, она намеренно или, вернее, по строгому наитию подчинена мастерски означенной живописной симметрии, определённом широкому ритму, благодаря которому необходимый покой видения остаётся ненарушенным. Впрочем, о самом красочном однообразии рериховской живописи можно говорить лишь весьма относительно, так как она сугубо искупается тонкостью основных тонов и большой изысканностью их внутреннего напряжения. А в них-то главным образом и заключается вся самобытная сила и художественная тайна произведений Рериха.

В полном соответствии с красками рериховских картин находятся их линии. И здесь, как там, определяющим началом служит внутренняя основа видения, не допускающая ни слишком резких изломов, ни слишком мелких подробностей и стремящаяся, вообще и в частности, к торжественному безмолвию и покою иконописи. Избегая излишней простоты и вычурности красок, Рерих ещё в большей степени избегает суетливости движения. Поэтому его образы, по меньшей мере те, где он наиболее верен себе, встают перед зрителем во всей стройной простоте своего начертания, как вздымается дерево, с которого опала вся листва. Эта торжественная стройность рериховских линий внутренней связью напоминает ритмический строй былинного повествования — обстоятельство, на новой грани возвращающее нас в область вещего призрака и мифа, к тому же безмолвному порогу созерцания, куда нас ведут и краски Рериха. Знаменательно, что основные линии, выражающие величавость этого внутреннего ритма, неизменно тяготеют к восхождению или, что равносильно, к своему разрешению вдаль, в простор. Вот почему в общем плане своих замыслов Рерих по возможности избегает обособленного пространства и замкнутых плоскостей, а в тех случаях, где по внутреннему смыслу образа ему нужны замкнутые грани, он либо противопоставляет им тут же раскрытый простор, либо ещё и ещё раз повторяет их в дальнейшей перспективе своего произведения и тем только усиливает океаническое дыхание бесконечности, в котором заключается высшее достижение его творчества. Этому чувству бесконечности, ставшему руководящим началом

и основною художественной заповедью Рериха, так изумительно и так деятельно сопутствует его глубокое чувство приятия оправданного мира. Оттого-то все линии в его произведениях как бы повторяют благоговейное движение руки, благословляющей мир, а всё его пространство размечено как торжественные ступени к ещё незримому, но обетованному храму, где будет завершение всякому шествию и всякому пути.

Линии Рериха, общий колорит его произведений и отдельные краски так загадочно дополняют и усиливают друг друга, что их сочетание, строго говоря, следовало бы рассматривать как единую стихию. Такое совпадение столь различных граней возможно лишь потому, что у Рериха внешняя ткань каждого творческого образа полностью вытекает из его духа и сущности. Не достигается ли здесь одно из высших приближений искусства, которое в своём развитии всё определённое требует, чтобы выражение творчества магически развивалось из его видений, как стебель, листва и цвет последовательно возникают из цельности зерна? И при этом следует только помнить, что всё творческое единство этой живописи не создано счастливым наитием художника, а созрело в глубине его внутреннего опыта и является не прекрасной игрой его прихоти, а глубокой внутренней необходимостью.

Что же касается самого содержания произведений Рериха, то, являясь художником скорее лирического и эпического круга, чем трагического, он уже по природе своего дарования должен был изображать не столько действие, сколько чувство, душевное состояние, душевное движение. И с другой стороны, в эту же область внутренней жизни и созерцания повелительным образом приводила его и сама утверждаемая им *сущность искусства как мысли о мире*. Поэтому события и явления жизни, красочной записью и начертанием которых часто исчерпывается вся задача живописца, занимают его лишь постольку, поскольку в них воплощено вековечное пылание нашей души и нашей воли и поскольку в них явлен непреходящий образ бытия. При таком своём составе *живопись Рериха есть искусство Символа*. Сюда же она должна быть отнесена и по своему методу. Конкретное содержание подобного творчества, при

всей чёткости своих образов, часто не может быть рассказано словами. Живопись Рериха нужно видеть. В этом отношении у неё много общего с музыкой, которую нужно слышать. И не этой ли общностью рериховских красок и линий с духом музыки объясняется то обстоятельство, что эти краски и эти линии приводят зрителя в смутное ритмическое состояние, в котором ему чудятся органные хоралы, пение торжественных труб, пасхальные псалмы?

Но каково бы ни было внешнее содержание картин Рериха и как бы определёнными ни были названия, которыми он обозначает свои произведения, им всегда присуща некая внутренняя тайна. И весьма характерно, что каждый определённый замысел его имеет в виду не истолкование и раскрытие этой тайны, а лишь её безмолвное зрелище, чтобы тем целостнее представить её нашему непосредственному восприятию. Здесь ещё раз обнаруживается особенная чуткость Рериха как художника. Ведь искусство, поскольку оно стремится к подлинному творчеству, единственной целью должно иметь тайну человека и мира. Но постигнуть эту тайну может лишь тот, кому дано приобщиться к ней. А приобщиться чуду жизни — значит целостно принять его в душу свою. Вот почему Рерих не хочет в своей живописи быть посредником между душой зрителя и сокровенной сущностью вещей, а неизменно силится поставить их лицом к лицу. Ибо наше искусство вообще, по крайней мере высшее, освобождающее искусство, не должно стремиться к изображению явлений и событий жизни, даже обобщённых и очищенных созерцанием, но должно само силиться стать явлением и событием, живым деянием и трепетом. И оно должно быть не завершением внутреннего действия, а лишь его началом и поводом к нему. Оттого-то каждый образ Рериха по внутреннему смыслу своему и способу своего выражения воспринимается как некий творческий знак. Но ведь всё подлинное искусство, и не только живопись, но и слово, даже сама музыка, есть только волшебный знак, по которому наша душа, пробуждаясь от своей частной яви, должна хотя бы на миг приобщиться к бытию всемирному и тайне вселенской, чтобы в нас могло совершиться чудо освобождения.

Необходимо помнить, что, из какой бы области Рерих ни заимствовал свои живописные темы, творческое значение их равноценно, и при всём внешнем разнообразии своих замыслов в каждом отдельном случае он только лишний раз, только по-новому подтверждал внутреннее единство своей живописи. Иначе говоря, для действительной оценки творчества Рериха внешнее содержание его картин, собственно, безразлично. И отмечать архаичность, или экзотику, или иные частности некоторых его замыслов, как это принято делать иногда, значит подчёркивать несущественное. Тем более что как раз здесь, в своих архаических и экзотических темах, он, пожалуй, не вполне верен основному тяготению своей живописи и, стало быть, своему творческому долгу — не вполне верен себе в том, конечно, случае, если в подобных произведениях он искал внешнего правдоподобия, то есть известной связи с действительностью, хотя бы по контрасту.

Ибо внутренний опыт Рериха как художника, и сама сущность его дарования таковы, что его творческий долг велит его искусству служить одному лишь видению жизни, безотносительному и беспримерному и там, где человеческая душа познаёт себя в воспоминании, и там, где она прислушивается к дыханию часа текущего, и там, где она предчувствует себя. И служа этому основному тяготению своего искусства, Рерих настолько строг к себе, что, будучи художником тонких красок, он часто и, может быть, слишком намеренно, отрекается от себя и явно борется с обольщением и соблазном внешней красочной игры, когда она не может быть оправдана внутренней необходимостью творческого образа. Ибо путь Рериха, по всем внутренним приметам его живописи, проходит не пёстрым замкнутым лугом с его радужной явью и забвением, но, как путь всякого познающего искусство, ведёт к открытым горным перевалам, в суровый простор бессонной, чутко настороженной мысли о вечном и молитвенного состояния перед таинственным чудом мира.

Значение Рериха отнюдь не исчерпывается большими достижениями его живописи. Тот же внутренний опыт, на котором основаны самобытная красота и значительность его

произведений, неразрывными узами связал его творческую деятельность с общим духовным строительством нашего времени. В области своих линий и красок он был упорно озабочен решением тех же важных задач, которые стояли на очереди и в литературе, и в музыке, и во всём современном искусстве. А так как само это искусство было лишь живым отражением и наиболее деятельной частью глубокого пылания, охватившего всю современную душу в её борьбе за новое сознание мира и новую волю, то, утверждая свои обряды, Рерих участвовал и в создании всего строя нашей внутренней жизни, в его утверждении по новому смыслу и духу. И если в этом возрождении полноты жизни достигнуты какие-нибудь прочные ступени, как глубина и свобода дальнейших возможностей, как сила чувства и ясность разумения, и если в этой жизни установлены новые духовные права и новый внутренний долг человека, то известная доля в этом общем достижении, несомненно, принадлежит и Рериху. В частных же гранях живописи, трудясь над её новыми задачами в числе очень немногих, он взял на себя самую трудную часть: раскрытие внутренней стихии искусства красок, как она должна утверждаться на новом духовном уровне.

Возможно ошибочное предположение, что живопись Рериха слишком созерцательна и, стало быть, слишком оторвана от жизни. Но она созерцательна лишь в той мере, в какой созерцание представляет очередную и основную необходимость человеческого творчества. А раз так, то она возникла из сокровенных глубин самой жизни, тесно связана с ней, как крепкий побег от её вечно молодой воли, и своим творческим влиянием возвращается в эту волю как её освобождающая сила. Подчеркнув эту коренную связь живописи Рериха с очередным тяготением жизни, остаётся только прибавить, что вне этого участия в духовном подвиге времени у художника нет лучшего венца.

1916

Содержание

К читателям	3
<i>Аверьянова Т.В.</i> Теософия и Живая Этика — единая система знаний	7
<i>Фили К.</i> Гипатия Александрийская	35
<i>Шустова А.М.</i> Христос и Христианство	53
<i>Бердяев Н.А.</i> Истина Православия	157
<i>Фалёв Е.В.</i> Вмещение противоположений	169
<i>Чернявский В.И.</i> Наш сон — великий дар богов	219
<i>Кулакова Н.И.</i> Храм Духа	247
<i>Плюснина Э.Н.</i> Балтрушайтис, Рерих и Серебряный век	269
<i>Балтрушайтис Ю.К.</i> Внутренние приметы творчества Рериха	309

Со всеми вопросами и предложениями
обращаться по адресу:
parinama@yandex.ru

Серебряная Чаша
Выпуск третий

Издательство «Прологъ»
Москва, agni yoga2007@yandex.ru

Подписано в печать 15.06.2009. Гарнитура Georgia.
Бумага офсетная. Объем 20 п.л. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии ООО ПФ «Полиграф-Книга»
160001, РФ, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3